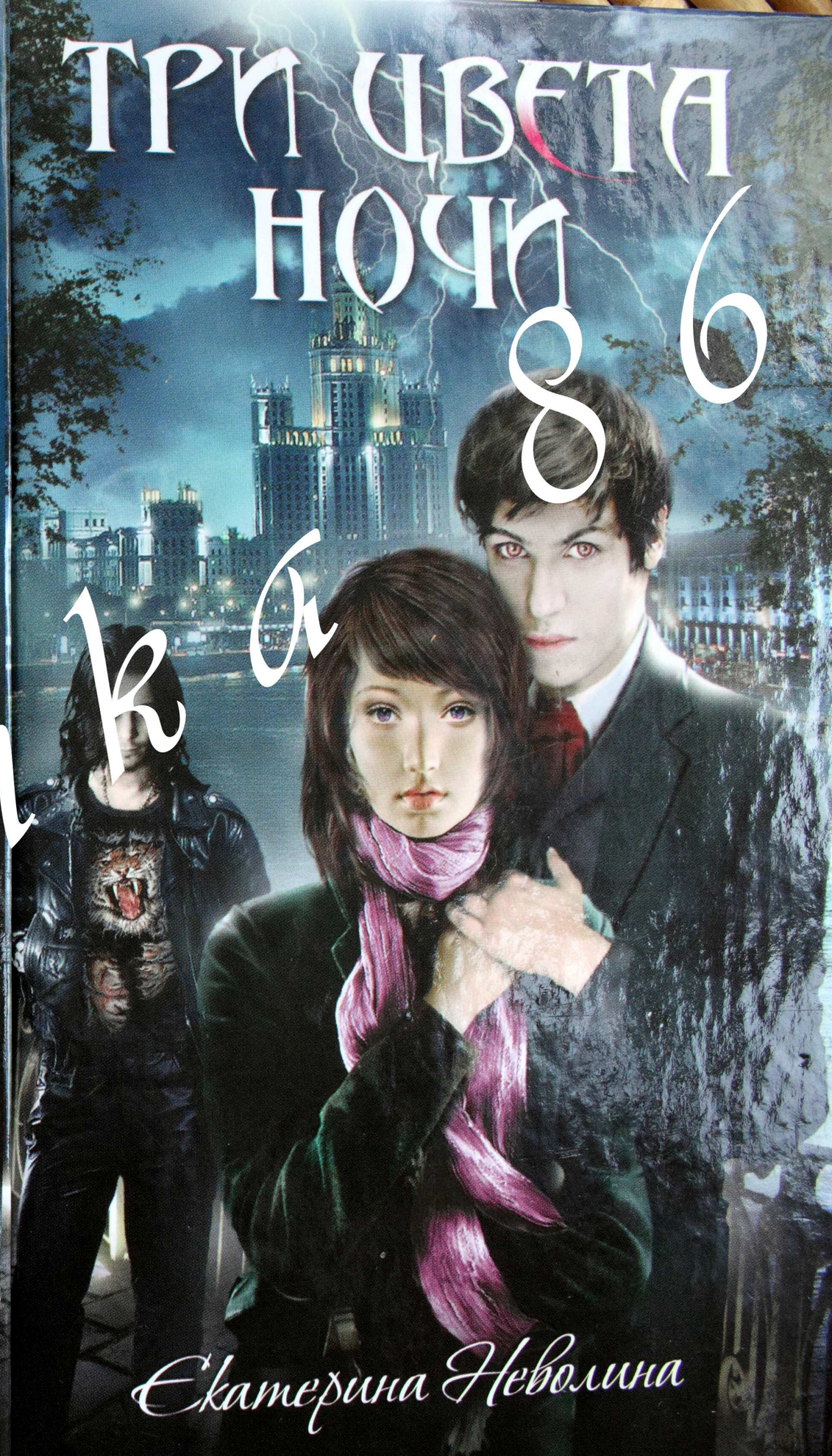
Ночь. Сначала она была белой, еще не забывшей о том, что такое день, затем окрасилась в алый — цвет тревоги, цвет крови, — и вот наконец тьма сгустилась.
Теперь весь мир вокруг меня – черный.
Смерть идет по моим следам, и никто не подскажет дорогу сквозь беспросветный мрак.
Только мое собственное сердце, только моя любовь.
Но выдержат ли они это испытание?..

ISBN 97 5-699-39780-8
9 785699 397808 >
ЭКСМО

Екатерина Неволина

ТРИ ЦВЕТА НОЧИ

ТРИ ЦВЕТА НОЧИ



Екатерина Неволина

Masiaka 86

Екатерина Неволина

ТРИ ЦВЕТА НОЧИ

ЭКСМО
Москва
2010

Екатерина Неволина

ТРИ ЦВЕТА НОЧИ

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 40

Оформление серии *А. Старикова*

Неволина Е. А.
Н 40 Три цвета ночи : роман / Екатерина Неволина. — М. : Эксмо, 2010. — 352 с. — (Пленники сумерек).

ISBN 978-5-699-39780-8

Ночь. Сначала она была белой, еще не забывшей о том, что такое день, затем окрасилась в алый — цвет тревоги, цвет крови, — и вот, наконец, тьма сгустилась. Теперь весь мир вокруг меня — черный. Смерть идет по моим следам, и никто не подскажет дорогу сквозь беспросветный мрак. Только мое собственное сердце, только моя любовь. Но выдержат ли они это испытание?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-39780-8

© Неволина Е. А., 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Автор выражает благодарность своим первым читателям и консультантам Несс и Дерку. Пусть солнце всегда будет обращено к ним своей светлой стороной.

ПРОЛОГ

Он стоял среди идущей толпы, рассекая ее, словно отточенный нож, — черноволосый парень в грубой рокерской куртке и потрепанных джинсах. Люди инстинктивно обходили его. Ни один не задел локтем, не толкнул в спину. И только изредка кто-нибудь из прохожих вдруг оборачивался, чтобы взглянуть на эту странную, застывшую каменным изваянием фигуру.

Он смотрел на растекающийся по небу закат. Солнце исходило кровью, умирая на алтаре приближающейся ночи. Так происходило изо дня в день. Из года в год. Он видел уже десятки, тысячи таких закатов. И тем не менее сегодняшний был совершенно особенным. Первый закат после долгих десятилетий, проведенных на чужбине...

Парень жадно втянул ноздрями воздух. Как давно он не чувствовал этот пьянящий запах! Он уже почти забыл его, как и многое другое, откинув все бесполезное ради одного дела. Ради того, что являлось для него самым важным и стоило дороже, чем горстка старых, рассыпавшихся пеплом воспоминаний, дороже, чем жизнь.

Этим делом была Охота. А он — лучшим Ловчим Ее королевского Величества.

Они прибыли в этот город прошлой ночью. Он и королева со своей малочисленной свитой, и теперь находились на территории врага.

Город принадлежал тем — другим, разметавшим свои щупальца-Дома, словно моровую язву, по мегаполисам всего мира. Они считали, что могут жить среди людей, и действительно проникли в человеческое общество, как проникают в организм раковые клетки.

Его народ честнее. Он не придумывает красивых слов, чтобы скрывать за ними не слишком приглядные намерения. Он называет все своими именами. Охоту — охотой. Кровь — кровью. Пищу — пищей.

Его народ — это истинные дети ночи, а не такие, как те вымороченные бледные тени, позабывшие о том, что такое Охота, чей нюх притупился настолько, что они уже не могут отличить по запаху своих новых братьев.

Ловчий брезгливо поморщился — он не мог представить себе более жалкого зрелища.

Под ногами лежала булыжная мостовая — почти такая же, как когда-то... Давным-давно... Тревожно гудели, переговаривались колокола.

Дин-дон,
Где твой дом?

— явственно звучало в их раскатистых мощных голосах.

Круг замкнулся. Он вернулся в то место, откуда и пришел когда-то. Если все получится, они отвоюют этот город.

Колокола уже не звонили, но отзвук еще долго — и совсем осязаемо — висел в неподвижном воздухе.

Ловчий улыбнулся и мимоходом коснулся своего счастливого амулета. Старый серебряный крестик всегда приносил ему удачу.

Забавно, многие из братьев боялись этого символа как огня. По мнению Ловчего, весь вопрос был в вере. Он не задумывался, не пытался анализировать, он знал, что крестик, который был с ним с незапамятных времен, не мог причинить ему вреда.

— Я вернулся, — сказал Ловчий городу и, влившись в толпу, зашагал по мощенной крупным булыжником площади.

Примерно через час ему была назначена высочайшая аудиенция.

— Моя королева, — Ловчий церемонно склонился перед высокой медноволосой женщиной и почтительно поцеловал край ее платья.

Для него это платье всегда оставалось белым, несмотря на всю пятнающую его грязь. Он просто не замечал таких мелочей, ведь она — его госпожа, его королева.

Женщина была удивительно красива: рассыпанные по плечам в беспорядке тугие медные кудри, огромные, пронзительные зеленовато-карие глаза. Если заглянуть в эти глаза, казалось, будто стоишь на краю глубокой пропасти, опасной и манящей одновременно. Они были так хороши, что смотреть в них было почти невозможно. Слишком больно, слишком ярко, слишком...

опасно. Одета она была в белый кожаный корсет и сетчатую юбку — кое-где порванную, кое-где заляпанную застаревшими пятнами крови и украшенную по подолу увядшими бордовыми розами.

Женщина милостиво улыбнулась и протянула ему узкую белую руку, но тут же резко отпрянула.

— Сними! Сейчас же это сними! — взвизгнула она. — Я говорила тебе никогда не приходить ко мне в ЭТОМ!

Ловчий склонил голову и с неохотой стащил с шеи засаленный шнурок, на котором покачивался потемневший серебряный крестик, посмотрел на него и спрятал в задний карман старых джинсов с обтрепанными по низу буквально в лапшу брючинами.

— Прости, моя королева.

Они находились в небольшой комнатке, похожей скорее на заброшенное подсобное помещение. Стены, выкрашенные ярко-синей краской, давно облупились, на когда-то белой, а теперь серо-желтой штукатурке темнели уродливыми струпьями пятна сырости, а посреди потолка свисала на оголенных проводах одинокая разбитая лампочка. Пол в комнате был покрыт грязно-желтым истертым линолеумом. Обычная подсобка, если бы не висевшее на дальней стене огромное зеркало в массивной раме, представляющей собой переплетение виноградных лоз, отягощенных пышными гроздями ягод, и гибких веток, сплошь усыпанных некрупными дикими розами. Это роскошное зеркало в позолоченной раме, казалось, только сильнее подчеркивало вызывающую нищету комнаты.

Однако ни женщина, ни мужчина, похоже, не замечали убогой обстановки и держались, словно присутствовали на приеме в сверкающем золотом и хрусталем королевском дворце.

Рыжеволосая села на старый, вылинявший стул так, будто это был трон, вырезанный из слоновой кости и инкрустированный белым золотом и драгоценными камнями.

Ловчий устроился у ее ног, и она положила руку ему на голову, ласкающим жестом провела по стянутым резинкой черным волосам.

— Мой верный Там Лиин, — сказала королева голосом звучным и тягучим, как густой вересковый мед, как старинные напевы, — ты найдешь ее? Ты найдешь ее для меня?

— Я пойду по следу. Она не скроется от нас, моя королева. Недаром меня называют Королевским Ловчим. Скажи, как я ее узнаю?

— По крови, по ее крови, которую ни с чем не спутаешь. Вот, попробуй. — Она протянула Ловчему маленький флакончик, оплетенный тонкой, как паутинка, золотой сеткой. — Открой его. Там — древняя кровь. Та самая, что течет теперь и в ее жилах. Ты узнаешь ее по крови, а еще — по той силе, которой она обладает. Найди ее скорей, мой рыцарь!

Ловчий почтительно принял из рук королевы драгоценный флакон и с трудом открыл притертую, казалось, насмерть крышку. Даже под грубой кожаной курткой было заметно, как напряглись его мышцы.

— Осторожней! — остановила его королева. — Смотри не пролей!

Ловчий осторожно наклонил флакон, и густая темная капля медленно упала на его подставленный палец.

Она, словно драгоценный камень, засверкала на белой коже, оттеняя и подчеркивая ее необычайную бледность.

Парень осторожно поднес палец к губам, прикоснулся к капле кончиком языка и застыл, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Это кровь ее предков, — сказала королева, следя глазами за каждым жестом Ловчего. — Теперь ты сможешь ее учуять и, главное, узнать на вкус. Только у нее — наследницы чистой линии — самая сильная кровь, и только она нам нужна. Если мы заберем девчонку к себе и ее способности проявятся, она станет нашим оружием. Но будь осторожен. Должно быть, те тоже ее ищут. Начни охоту. Выбирай девушек, от которых исходит ощущение силы, и не бойся ошибиться: чем больше жизней ты выпьешь, тем легче нам будет загнать добычу. Она должна почувствовать опасность и скорее всего выдаст себя нам. Думаю, она и не подозревает о своих способностях и, во всяком случае, не сможет использовать их в полной мере.

Ловчий кивнул, подтверждая, что ее слова услышаны.

— Вот и хорошо. — На тонких губах королевы обозначилась улыбка. — Скорее всего ее удочерили. Древняя кровь обладает своей защитной магией, даже если ее носитель не осознает этого. Думаю, это темноволосая девушка со светлыми глазами, которой, — она на миг задумалась, — около семнадцати лет.

— Я сделаю все, моя королева.

— Ну что же, удачной охоты. Но смотри! — Королева вдруг вскочила, и старый стул с грохотом опрокинулся на пол. — Смотри, не смей предать меня! Если в твоей груди еще живо человеческое сердце, я без жалости вырву его вот этими руками!

Она рывком подняла Ловчего с пола — немыслимо было и предположить, что в этой худощавой, хрупкой на вид женщине скрывается столько силы, — и провела длинными, отточенными ногтями по его груди, открытой низким вырезом майки.

На бледной коже Ловчего появились кровавые дорожки. Словно красная метка, словно тайная клинопись.

— Я никогда не предам тебя, моя королева.

Она задумчиво кивнула.

Тем временем ранки на его груди затянулись и исчезли, будто их и не было, только на майке осталась случайно упавшая капля крови, впрочем, она уже почти была не видна на черной хлопковой ткани.

— Подойди туда, — королева указала ему в сторону старинного зеркала, — и скажи мне, что ты видишь.

— Но...

— Иди же! — нетерпеливо крикнула она.

Ловчий, ступая мягко и грациозно, будто готовый к прыжку барс, медленно приблизился к зеркалу, с полминуты смотрел в его холодную

тусклую поверхность, а потом лицо его вдруг исказила ужасная ярость.

Он поднял руку и изо всей силы ударил кулаком по стеклу. Оно треснуло и брызнуло во все стороны дождем сияющих осколков. Однако Ловчий не остановился на этом, а продолжал бить и бить, пока на стене не осталась висеть лишь пустая безразличная рама. С его руки густыми каплями стекала на пол кровь.

— Ты разбил мое любимое зеркало, — холодно произнесла королева. — Ты знаешь, что ему уже более трехсот лет? Думаешь, сейчас легко найти такое?

Он повернулся к ней, и ярость медленно, как грим, стекла с его лица.

— Прости, моя королева.

— Простить?! — Мгновение — и она оказалась рядом, прижав его к стене. — Почему ты никак не хочешь смириться с тем, кто ты есть? Почему ведешь себя как глупец! Ты вампир — дитя ночи, а еще ты — мой лучший охотник! Королевский Ловчий!

От ярости и запаха крови ее ноздри трепетали, а во рту сами собой показались клыки.

Ловчий смотрел на нее, готовый принять любое ее решение.

Он ей нужен. Несмотря ни на что. Он — лучший, заменить его гораздо труднее, чем зеркало. И она отступила.

Под высокими каблуками ее ботфорт, еще помнящих о былом изяществе, но уже непоправимо изношенных, хрустнули серебристо-красные осколки.

Ловчий снова опустился на колено, не обращая внимания, что стоит прямо на разбитом стекле, и уткнулся головой в ее сетчатую юбку.

Он молчал.

— Я тебя прощаю. Я не могу не простить тебя. — Королева обвила руками его голову. — Думай о ней. Думай о своей жертве. Доверься инстинктам. Ну же, думай! Я тебе помогу.

Он закрыл глаза, целиком сосредоточившись на своих мыслях. Улицы города послушно расстилались перед его мысленным взором, словно ковровая дорожка. Он искал ее. Ту единственную, ради которой была начата эта охота. Ту единственную, которую ждала его королева.

— Ты найдешь ее! Я чувствую, что найдешь! — воскликнула королева.

— Я посвящу эту добычу тебе, — сказал Ловчий, поднимая голову, и она прижалась губами к его губам.

Тем временем ее белые руки отцепили с помятой юбки одну из мертвых роз и прикололи к его майке. Около сердца, там, где уже засохла маленькая капелька крови...

Часть I

БЕЛЫЙ

Глава 1

Солнце светило прямо в глаза, и брызги, оставшиеся на металлических поручнях, сверкали, как тысячи бриллиантов. Переливались, слепили.

Я зажмурилась. Как хорошо, что мы все-таки решились на эту поездку.

— Смотри, не обгори! — окликнула меня мама. Это я умею. Что делать, если моя кожа такая белая, что одноклассники прозвали меня кто Белоснежкой, а кто призраком.

— Ага, постараюсь, — лениво отозвалась я.

В такой замечательный теплый день не хотелось даже говорить. Только нежиться под солнцем, слушать плеск волн, разрезаемых острым носом нашего теплохода, и пить холодные коктейли.

Кстати, хорошая идея. Это я о том, чтобы выпить чего-нибудь холодненького. Только вот идти неохота. А еще там этот тип вечно торчит. Бармен. Первый красавец на борту. Нет, не пойду.

— Мам, пап! Колу со льдом мне возьмете? — спросила я, лениво приоткрывая один глаз.

Мимо проплывали высокие песчаные берега, поросшие старыми крепкими соснами. Солнце золотило их красноватые стволы, и это было так красиво, что мне вдруг захотелось плакать. Прав папа, хорошо на Волге. И круиз получился ничем не хуже какого-нибудь средиземноморского...

— Погоди минутку, видишь, мы немного заняты, — ответил папа.

Во-первых, вовсе не вижу. Если кто не заметил, я стою к ним спиной. А во-вторых, все равно прекрасно знаю, что заняты они картами. Подумаешь, занятие.

— Ну и ладно, сама возьму, если уж мне достались такие жестокие родители, — бормочу я, уже, впрочем, смирившись со своей тяжелой судьбой и медленно бредя к бару.

— И мне колы захвати! — кричит вслед мама.

Ну конечно, вечно так. Как идти за чем-то — всегда мне. Хотя, разумеется, это пустяки. Разве стоит расстраиваться по мелочам? Правильно, лучше расстраиваться из-за чего-то глобального. Например, из-за того, что от лета остался уже совсем малюсенький кусочек — ну как от стареющей луны, когда на небе висит тоненький серебряный серпик и даже не верится, что недавно она была большой и круглой. А еще — из-за школы. Вернее, из-за одноклассников. Я учусь в частной элитной школе в классе с гуманитарным уклоном. И, если бы ни возможность серьезных занятий и перспективы поступления на журфак, перевелась бы куда-нибудь уже давным-давно. Дело в том, что у моей семьи самый низкий в школе социальный статус, а для нашего класса статус — это все. Честно говоря, надоели мне все эти мерения пальцами — у кого они сильнее растопырива-

ются. Да, моя семья не такая уж обеспеченная, но зачем делать из достатка культ. Типа у кого тачка самая крутая. И — ах, подумать только, — моему мобильнику уже целый год — старье какое! Терпеть этого не могу. А еще я просто ненавижу Виолу. Подумаешь, красавица. И имечко еще то! Мама вот сказала, что сыр такой есть. Плавленый.

Проходя мимо зеркальной двери, я остановилась, внимательно разглядывая свое отражение. И ничего нового, признаюсь, не увидела. За последний час моя фигура не стала лучше — коленки вон, как и раньше, торчат. И ребра, заметим, тоже. Интересно, спасет ли дело закрытый купальник? Может, все-таки переодеться?.. Волосы смоляно-черные, жесткие, как пакля... Хотя нет... волосы у меня еще ничего. Длинные и густые. Честно говоря, это лучшее, что у меня есть. Всегда считала, что самые хорошие снимки получаются, когда меня фотографируют со спины... Глаза... ну, ничего. Обычные серые глаза. Все-таки правильно, что я избавилась от того дикого цвета, из-за которого надо мной часто смеялись в младшей школе, — слава цветным контактным линзам! И как люди без них жили?..

В общем, вот так я и выгляжу. Худющая, бледная и черноволосая. Как говорит мама, заметная. А я, может, вовсе и не хочу быть заметной. Кого, думаете, из всего класса чаще других спрашивают? А вот в любви мне как раз не везет. Ну и не надо. «Не обязана же я, в конце концов, всем нравиться!» — решила я и с этой мыслью шагнула в тень бара.

Бармен, улыбаясь, смешивал коктейль фигу-

ристой красотке. Я пристроилась за ней, ожидая, когда он наконец снизойдет до меня. Но загорелая девица в белоснежном, с золотым кантиком, купальнике целиком завладела его вниманием. И правильно, зачем меня вообще замечать?! Вот погибну от жажды, высохну в египетскую мумию прямо здесь, у стойки, в двух шагах от вожделенной колы — никто и не удивится, а то еще примет меня за предмет интерьера.

— Хм, — я попыталась покашлять (кажется, так делали в каком-то фильме, чтобы привлечь внимание), и — о радость! — бармен наконец соизволил перевести на меня глаза. Темно-карие, честно сказать, красивые и лживые ну просто донельзя. Я-то уже видела, что он не обделяет вниманием ни одну девицу. Разумеется, кроме меня. Я — исключение. А счастливое или несчастное — не суть важно.

— Привет, Полина (Ну надо же, заметил!)! Что пить будешь? Молочный коктейль?

Девица в белом мерзко хихикнула.

— Две колы со льдом. И побыстрее, — с достоинством произнесла я.

У меня хорошая школа — в обоих смыслах этого слова, — уж где-где, а в нашей легко освоить азы общения с обслуживающим персоналом — небрежно снисходя до его уровня, но при этом четко обозначая свой.

— Не злись, уже наливаю, — бармен широко улыбнулся.

Подумаешь, мистер неотразимость!

Я схватила холодные стаканы с колой и по-

спешно вышла наружу. А обернувшись у зеркальной двери, показала ему язык.

Бе-бе-бе! — бог со всеми этими мачо. Мне и без них хорошо.

— Мам, держи свою колу, — вручила я ей запотевший стаканчик, где в темно-коричневом напитке, словно айсберги, плавали уже начинавшие таять кубики льда.

Нет, мне, слава богу, не тринадцать лет, чтобы западать на всяких смазливых болванов. Уже почти семнадцать.

И мне никто, никто не нужен! Мне и одной хорошо!

С этой благостной мыслью я вернулась на нос теплохода, облокотилась на перила — так, чтобы брызги попадали мне прямо в лицо, — и подставила спину солнцу. Защитный крем с фильтром давал мне надежду хоть немного загореть в это лето.

Ловчий, две недели спустя

— Синицына, а ты, пожалуйста, останься, — сказал тренер.

Высокая худенькая девочка в красно-черном спортивном костюме и красной трикотажной повязке, стянувшей длинные черные волосы, тяжело вздохнула.

Они с подругами только что окончили длинную тренировку. Безжалостный тренер гонял их по всему залу на протяжении... ага, на часах 21:30... значит, ровно полутора часов. А баскетбол не такое уж легкое дело. Вот, вся спина мокрая. Попробуй намотай столько кругов. А левый кроссовок, похоже, немного трет. Больше всего ей хотелось скинуть обувь, раздеться и, встав под теплые струи душа, запрокинуть лицо, позволив воде смыть с себя всю грязь и усталость. Просто стоять и ни о чем не думать.

Но не тут-то было.

Веснушчатая Настя сочувственно взглянула на подругу.

— Ну все, сейчас песочить будет, — прошептала она одними губами, и девочки, болтая и смеясь, скрылись в раздевалке.

После тренировки, в пропотевшей насквозь майке, стоять на сквозняке было холодно.

Ира тоскливо посмотрела под ноги, на выкрашенный темно-бордовой краской дощатый пол и зябко повела худыми плечами.

— Почему пропускаешь? — спрашивал между тем тренер. Невысокий, с большими залысинами, он тем не менее умудрялся выглядеть действительно угрожающе. — Вот скажи, где ты была вчера?

— Я болела, Виталий Степанович, — бросила девочка и опять повела плечами.

Ей хотелось обхватить себя руками и согреться. Чертов сквозняк! Чертов баскетбол! А еще так и кажется, будто в спину кто-то упорно смотрит.

Она даже оглянулась. Понятно, никого. Кто, кроме нее, станет торчать в школе в это время?

Нормальные ребята давным-давно уже тусят где-нибудь. На худой конец сидят дома. Или в Интернете...

— И половину занятий в прошлом году ты тоже проболела? — продолжал допытываться тре-

нер, теребя в руке свисток, висящий на длинном засалившемся шнурке. — У нас сентябрь на дворе, учебная четверть только-только началась. А ты, Синицына, опять за старое.

— А что, Виталий Степанович, если у меня слабое здоровье?.. — Ира уже жалела, что родичи отдали ее в эту мерзкую — да, именно мерзкую! — школу. Баскетбол, тренажеры, витаминные коктейли... и никакой личной жизни!

— Ну меня-то обманывать не надо. Ты понимаешь, что этим обманываешь только себя? Спорт не прощает лени. Хочешь быть первой — трудись!

Хорошо Виталию Степановичу. На нем теплый спортивный костюм, и спину его не буравит взгляд воображаемого маньяка.

Девочка переступила с ноги на ногу.

— Не хочу я быть первой, — отмахнулась Ира. — Я и так достаточно тренируюсь, а еще по урокам много задают...

— Ты это такой настрой брось! Чтобы всерьез взялась за дело! — Тренер взглянул на часы и немного сбавил тон: — Ладно, иди. Что-то холодно тут. Наверное, кто-то форточку открытой оставил. И постарайся все же собраться. Твои родители хотят, чтобы ты чего-то достигла, и я уже говорил, что вижу в тебе прекрасный потенциал. Не растрать его попусту.

— Хорошо, — охотно кивнула она, обрадовавшись, что чтение нотаций наконец завершено.

Тренер посмотрел на нее с сомнением, но лишь махнул рукой и пошел к себе.

А девочка поспешила в раздевалку. Подруги, конечно же, были уже полностью одеты.

— Подождите меня, ну имейте совесть! — жалобно проговорила Ира, все еще ежась от сквозняка, который, казалось, преследовал ее.

— Ир, ты знаешь, я бы с удовольствием, но у отца день рождения, а Степаныч нас опять задержал... Меня и так дома убьют, — не глядя на подругу, принялась оправдываться Настя.

Ее рыжие волосы были заплетены в две тугие косички, задорно торчавшие по обе стороны белокожего веснушчатого лица.

— А чего ты боишься? Неужели тебя Степаныч домогался? — захохотала дылда Светка.

Девочки дружно прыснули.

— И не мечтайте. — Ира развернулась и пошла в душ.

Когда она помылась, в раздевалке уже никого не было. Почему-то ей снова стало страшно. Коекак причесавшись, Ира влезла в джинсы, накинула легкую курточку и выскочила из раздевалки. Красная спортивная повязка так и осталась одиноко лежать на скамейке.

Девочка шла по пустому коридору, слушая эхо собственных шагов.

Воображение играло с ней жуткие шутки. В темных углах (а освещение в школе уже, разумеется, пригасили) ей мерещились чьи-то тени. Ей так и казалось, будто тьма движется, копошится, скрывая что-то неведомое и страшное. Нервы были напряжены до предела.

Тут под ногами что-то хрустнуло. Ира едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Наклонилась... Осколки... Надо же, весь пол усыпан осколками! Кто-то разбил висевшее на стене зеркало.

— Фигня. Надо меньше ужастиков смотреть, — громко сказала она сама себе, чтобы немного успокоиться.

Однако голос ее прозвучал в пустых коридорах как-то особенно тонко и жалко. А когда откуда-то послышался легкий скрип, сердце забилось, словно пойманная бабочка в ладонях.

Ира на минуту закрыла глаза и постаралась взять себя в руки.

Ей уже почти семнадцать. Она достаточно взрослая и уверенная в себе, это мелюзга пусть пугается всякой тени.

Но все-таки, когда впереди показался квадрат света, вырывающийся из каморки охранника, она с облегчением вздохнула. Чертова школа! Чертов баскетбол! Чертов Степаныч! Вот не пойдет она на следующую тренировку. Не пойдет — и все.

Эта мысль неожиданно успокоила ее, и Ира, негромко мурлыкая под нос незатейливую песенку, двинулась к выходу.

А у выхода...

У выхода она увидела охранника. Вернее, его руку, торчавшую из-под двери маленькой каморки.

Она вдруг четко разглядела все: рыжие жесткие волосы на этой руке, электронные часы на толстом серебристом браслете. На часах, словно маленькие алые бусинки, застыли какие-то темные брызги.

Кажется, она закричала. А может, нет. Время вдруг, блеснув черно-металлической змеей, свернулось в тугой клубок, будто связав ее по рукам и ногам.

Следующим, кого она увидела, был черноволосый парень в подранной кожаной куртке и обтрепанных в лапшу грязных джинсах.

— Ну, здравствуй, Красная Шапочка! Я твой волк, — сказал незнакомец и усмехнулся — и вправду хищно, как-то по-волчьи.

Девочка с ужасом увидела его белоснежные зубы и странные, нечеловеческие глаза, смотревшие на нее совершенно безумно.

Больше она уже ничего не успела.

Выйдя из здания школы, Ловчий поправил кожаную куртку. Примесь древней крови в девчонке оказалась невелика. Это явно не могла быть та, которую они ищут. Но он и не ожидал многого от начала охоты. У них пока еще есть время.

Глава 2

Я, кажется, уже упоминала, что ненавижу своих одноклассников? Так вот, не поленюсь повториться: не-на-ви-жу. Скажете, я сама виновата и мне не надо было встревать в конфликт с сырной Виолой прямо первого сентября? Да ладно, повторите то же самое, оказавшись на моем месте. А до этого — уж извините, я вам никак не поверю!

Дело в том, что с седьмого класса я веду видеопередачу, каждую четверть транслируемую по внутришкольному каналу. Мы работаем вместе с Димкой Фроловым. Димка — прекрасный оператор. Он снимает на камеру и сам монтирует. Я придумываю сюжеты и беру интервью.

Виола тоже пробовала себя в роли телеведу-

щей. Признаюсь, в кадре она смотрится довольно неплохо... хотя с таким носом я бы, наверное, комплексовала. Ладно, проехали. Не о том речь. В общем, красота красотой, а иметь в голове хоть какие-то мозги надо. За все время она нарыла лишь пару-тройку глупых сюжетиков. Да и те получились как-то наперекосяк.

Состроит перед камерой томное лицо, закатит глаза, надует подкрашенные блестящей помадой пухлые а-ля Анджелина Джоли губки и эдаким прочувствованным голосом заворкует:

— Последним писком этого сезона стали удлиненные перчатки «фингерлес» (ну и название, наверное, целый день заучивала). У этих удивительных перчаток нет пальчиков, зато есть манжеты, и они изумительно подчеркивают красоту женских рук, что я вам сейчас и продемонстрирую... У меня таких в гардеробе целых пять пар. И все, разумеется, от ведущих кутюрье.

Ну и дальше все в том же роде. Когда она брала интервью, как-то само собой оказывалось, что в кадре на первом плане везде была она. В общем, что бы Виола ни делала, все было о ней и для нее.

Терпеть не могу! Дело, собственно, даже не в том, что мы с Виолой ненавидим друг друга с первого класса, а в том, что такое поведение недопустимо для журналиста! Настоящий журналист, беря интервью, должен максимально раскрыть личность своего собеседника, показать его с разных сторон, может быть, помочь открыть в нем что-то неведомое даже ему самому. Это, конечно, не всякому под силу. Но у меня же есть надежда, правда?.. А Виола пусть себе танцует или блистает в театральной студии. Можете считать меня занудой, но каждый должен заниматься своим делом.

Впрочем, я что-то заболталась, вернусь лучше к событиям первого дня занятий.

Меня и Димку освободили от участия в торжественной школьной линейке. Вернее, мы должны были присутствовать на ней в ином качестве, чем остальные ученики школы, — а именно как бесстрастные летописцы событий.

Каждый раз перед первым сентября я почему-то ужасно волнуюсь. А еще надеюсь на чудо — вдруг что-нибудь да изменится?..

В это утро я проснулась за час до будильника и уже не смогла заснуть, вышла на балкон, прямо босиком, ощущая под ногами холод плитки, и долго стояла, глядя на восходящее солнце. С высоты семнадцатого этажа зрелище, я скажу, необыкновенное. Зря ребята считают, что высокий этаж — непрестижно. Зато красиво. И к небу ближе. Вот оно — уже разбуженное солнцем, зарозовевшееся, яркое...

Потом был утренний кофе, от волнения пролитый на любимую черную юбку. Пришлось срочно искать замену. Хорошо, что у меня есть похожая, темно-серая. С приталенной белой блузкой на молнии смотрится вполне прилично. Журналист должен выглядеть красиво, но притом строго и серьезно. Черные лаковые туфельки на среднем каблучке завершили образ представителя массмедиа... Ну, будущего представителя, если уж быть честной.

Джим уже давно тыкался мокрым носом мне в руку и крутился вокруг, приглашая на прогулку.

Я вздохнула, надела на него ошейник и повела во двор.

— Мы сегодня недолго, — предупредила я, и он радостно завилял хвостом.

Я принесла Джима домой, когда он был крохотным лупоглазым щенком со свалявшейся шерстью и пораненной лапкой. Кто же думал, что из него вырастет такое большое и лохматое чудище! Честно сказать, самое обаятельное, доброе и дружелюбное чудище в мире.

Подождав, покуда Джим сделает свои собачьи дела, я затем отвела его в квартиру. Папа, который сегодня обещал подвезти меня до школы, уже с нетерпением поглядывал на часы.

Я крикнула маме, что мы с Джимом вернулись.

— Уже иду! — тут же откликнулась она. — Сама помою ему лапы. А вы выходите, пора.

Ну да, школа... линейка и первое ответственное задание...

— Дай, Джим, на счастье лапу мне![1] — сказала я, и Джим с охотой протянул мне грязную лапу.

Я осторожно пожала ее. Пусть это и вправду будет на счастье!

...День выдался солнечный, на деревьях в школьном дворе уже появились первые золотые листья, только подчеркивающие их праздничную зелень, как подчеркивают темно-каштановый цвет волос несколько седых волосков на голове у мамы. Правда, смешно, но каждый раз, когда я после летних каникул снова ступаю на этот двор, мое сердце начинает взволнованно биться. Тем более что вести репортаж с торжественной линейки мне поручили впервые. Раньше это всегда делала Вера. В прошлом году она закончила школу, и теперь мне надлежало стать ее преемницей.

Журналистский кружок в нашей школе — это серьезно. Курирует его Лена, студентка пятого курса журфака МГУ. Кроме того, у нас читают лекции некоторые профессора из университета, проводятся встречи с популярными ведущими и другими представителями медийной сферы. Так что одним из достоинств нашей школы является то, что мы уже сейчас работаем над своим профессиональным образованием. И именно поэтому, несмотря на все сложности, я продолжаю здесь учиться.

— Полинка, привет! — крикнула мне Вика из параллельного математического класса.

Мы часто с ней болтаем, когда есть время. Жаль, что она не в нашем классе. Я с интересом оглядела ее. Надо же, как загорела! До черноты! И какой интересный сарафанчик! Если вы знакомы с Викой, можно не посещать показы мод, не заглядывать в модные журналы, выискивая последние тенденции, — достаточно просто ориентироваться на нее.

Заметив, что я ее разглядываю, Вика картинно повернулась, позволяя полюбоваться собой.

— Класс! — засмеялась я и выставила вверх большой палец.

— А вот и я!

[1] Строка из стихотворения С. Есенина, посвященного собаке Качалова.

Кто-то хлопнул меня по плечу так, что я даже вздрогнула. Ну конечно, Димка! Еще больше вытянулся за лето! Темно-русые волосы, зеленые глаза — красавчик! Интересно, и почему я в него не влюбляюсь?..

— Ты загорела, — это он мне. — Красиво.

Я чуть не расхохоталась: как ни загорай, я все равно выгляжу бледной немочью и скорее обгораю, чем загораю. Так что назвать меня загорелой, тем более когда я стою рядом с Викой, мог только слепой.

— Димка, ты не к той обращаешься! — хмыкнула я. — Вот Вика действительно загорелая, а я...

— А тебе и так идет, — возразил Фролов.

Ну Димка! Ну дипломат!

— Ладно, я пошла. Не буду вам мешать, — промурлыкала Вика, хитро мне подмигнув.

И почему все считают, будто мы с Димкой — пара?! Ну, подумаешь, держимся вместе — так это потому, что у нас интересы совпадают. Попробуй найти такого суперского оператора, как Фролов!

Мимо меня, едва кивнув, прошествовали Кристина и Миша из десятого «а» — вот это уж действительно парочка! Все время за ручку, глаз друг от друга не отводят.

Чтобы я когда-нибудь так же?! Да ни за что!

— Привет! Как лето? — кричали друг другу ребята, и мы с Димкой тоже влились в этот мельтешащий переменчивый хоровод.

Вдруг что-то, будто бритва, полоснуло меня по лицу. Я оглянулась и заметила Виолу. Увидев, что я на нее смотрю, она отвела взгляд и громко рассмеялась в ответ на какую-то Наташкину фразу. Наташка, или Натали, как она себя называет, — лучшая Виолина подружка и ее персональный фан-клуб в одном лице. Вот таких подружек Виоле и надо — других она просто терпеть не может.

— Ну что, сейчас начнется, — улыбнулся мне Димка, расчехляя камеру. — Не дрейфь — прорвемся. — И он на мгновение сжал мои холодные от волнения пальцы своей горячей, как огонь, рукой.

И тут же снова занялся камерой, избегая смотреть мне в лицо. Он вообще-то хороший и добрый, а то, что малоразговорчивый, — это ничего. И за камерой он прячется не от злой нелюдимости, а от смущения.

Ох, Димка...

Какая-то недоговоренность в наших отношениях появилась только в прошлом году, когда он вдруг стал меня стесняться. Наверное, я и вправду ему нравлюсь...

Ну а потом началась линейка, и я уже ни на кого не обращала внимания.

После линейки мы отправились по классам — брать интервью. Все шло прекрасно. В младшей школе нас встретили буйным визгом и целой лавиной летних впечатлений. Малыши, волнуясь и перебивая друг друга, наперебой рассказывали о себе и своих нехитрых делах. Я слушала их, и на душе становилось светлее — будто в сердце зажгли маленький смешной светильник, а глядя на их счастливые мордашки, мне самой хотелось смеяться. Неужели я была такой же?

Средняя и старшая школа находилась в двухэтажном здании, отделенном от раскрашенного в веселенькие желто-оранжевые тона корпуса младшей школы маленьким скверико́м.

Мы с Димкой медленно шли по нему, любуясь просвечивающими сквозь негустую листву лучами. Как красивы листья, пронизанные солнечным светом! Вот так бы стояла и смотрела на них! Фролов молчал, уставившись себе под ноги. Я тоже ничего не говорила, чтобы не нарушать очарование этого удивительного, будто прозрачного, утра. Первого утра осени.

Но скверик, увы, не бесконечен. Как ни медли, две минуты — и мы уже стоим у двухэтажного здания с красной крышей. Здесь расположена средняя и старшая школы.

Что ни говори, люблю брать интервью у малышни. В них нет еще снобизма. Дети как дети. А придешь в наше здание, начинается: «Ну что вы, как я понимаю, новой машиной так и не обзавелись, да?», «Ты была на курорте Ля Боль[1]? Там так миленько!.. Ой, прости, совсем забыла, что твоя семья не может позволить этого себе. А вы куда ездили: в Турцию или в Египет?»

В общем, достали. Хотя я на них не слишком обижаюсь: надо же им как-то себя проявлять. Что делать, если по-другому ничем из толпы не выделиться?

В средней школе все прошло на ура. Нас с Димкой угощали конфетами и рассказами о поездках и приключениях. Кто-то побывал в Лондоне, кто-то посетил Гоа... Все это изливалось на меня потоком — порой я даже и спрашивать-то не успевала.

Поднимаясь на второй этаж, я постаралась придать лицу спокойное выражение и поклялась, что ни один гад на свете не выведет меня сегодня из равновесия.

— А теперь мы узнаем, как провел каникулы одиннадцатый класс и что ребята ожидают от последнего учебного года, — говорила я в камеру, открывая дверь нашего класса. Моя рука немного, совсем незаметно, дрожала.

Ручка двери оказалась с обратной стороны измазана мелом. Ну, это, можно сказать, маленькая пакость. Хорошо, если ею все и ограничится.

Все сидели на своих местах. Слишком тихо — учитывая то, что в классе не было учителя. Что-то определенно не так. Предчувствия еще никогда меня не обманывали, но отступать было поздно, поэтому я постаралась придать лицу беззаботное выражение.

— Привет, ребя... — начала я и вдруг поскользнулась и, нелепо взмахнув руками, с грохотом упала.

— Вот что я называю эффектным появлением, — раздался в тишине голос Виолы.

Грохнувшись на паркет, я разодрала колготки и в кровь разбила коленку. Больше всего мне хотелось сейчас заплакать, но я сдерживалась изо всех сил: нельзя показать этим уродам, что мне больно и плохо. Обойдутся.

Димка осторожно положил дорогостоящую камеру на стол и устремился ко мне на помощь.

---

[1] Ля Боль — модный светский курорт на юге Бретани, на Атлантическом побережье Франции.

Тем временем меня окружили ребята.

— Нетвердо стоишь на ногах, Светлова, — укоризненно произнес Олег Бергов, высокий рослый мальчик, лидер нашего класса.

Я сидела на полу и из последних сил удерживала подступившие к глазам слезы. Упала я не просто так: пол в этом месте был натерт чем-то вроде растительного масла.

— А вот и первая кровь, пролитая на службе Отечеству. Недаром говорят, что профессия журналиста опасна, — упражнялась в остроумии Натали.

— Заткнись, — сухо бросил ей Димка и стал поднимать меня с пола.

А ведь действительно больно!

— Фролов, где твоя вежливость? Ты что, не уважаешь в Натали личность? — пропела Виола. Я прекрасно видела, какие у нее довольные глаза — словно у лисы, вдоволь наевшейся нежной курятинки. — Неужели забыл школьные правила? Ознакомься с ними, пожалуйста.

Димка только скрипнул зубами и бросил на Виолу такой яростный взгляд, что даже странно, как она не превратилась в горстку пепла.

— Расступитесь, — командным голосом приказал Димка и вывел меня за дверь, придерживая под локоть.

Хромала я весьма ощутимо.

Когда мы добрались до рекреации (в этот час там было пусто — по всей школе шли собрания, посвященные началу учебного года), я села в мягкое кожаное кресло, стоявшее под дурацкой развесистой пальмой, и наконец разрыдалась.

— Болит? — сочувственно спросил Димка.

Но плакала я, разумеется, вовсе не из-за коленки.

— Ну почему, почему они так?! Что я им сделала?! — почти кричала я сквозь слезы.

Фролов присел передо мной на корточки, глаза его были полны сочувствия.

— Ты же знаешь Виолу, — мягко сказал он — Она хочет во всем быть первой, и ей не нравится, если кто-то не признает ее авторитет. Вот если бы ты подлаживалась под нее, она бы даже оказывала тебе покровительство.

— Очень нужно, — буркнула я, утирая слезы ладонью, и тут же поняла, что делаю еще хуже, размазывая по лицу мел.

Небось выгляжу сейчас как настоящий клоун!

Эта мысль вызвала новый приступ рыданий.

А Димка все смотрел на меня и уговаривал успокоиться.

Наконец я отрыдалась. Стало легче.

— Посиди пока здесь, — предложил Фролов, — я сейчас...

— А ты куда? — полюбопытствовала я, как оказалось, весьма вовремя.

— К директору, — ответил Димка. — Пусть Светлана Дмитриевна сама во всем разбирается.

Вот тут-то мне стало действительно страшно.

— Погоди! — закричала я. — Не надо Светлану Дмитриевну! Ты только хуже сделаешь! Ты что, хочешь, чтобы ребята меня окончательно затравили? Не ходи!

Димка остановился.

— И... что делать? — нерешительно спросил он.

— Как что, брать интервью у одиннадцатого класса. Сейчас, я только умоюсь.

— Ты уверена? — Он снова присел передо мной на корточки. — Может, не стоит сегодня...

— Стоит, — я тихо вздохнула. — Не хочется, но стоит. Иначе они подумают, что сломали меня. А еще... я сама себя уважать не смогу...

Я осторожно встала.

— Помочь? — спросил Димка.

— Нет, сама как-нибудь до туалета доковыляю. Журналистика — и вправду опасная профессия.

— Ну давай, а я пока за камерой сбегаю. Не люблю оставлять технику без присмотра...

Он ушел, а я медленно поковыляла в сторону туалета.

Зрелище, представшее передо мной в зеркале, вовсе не подняло мне настроения.

Лицо мое и вправду было все в меловых разводах, глаза красные... Кстати, плакать с контактными линзами в глазах еще то удовольствие... Вылавливай теперь эту тонкую пленочку по всему глазу...

Кое-как приведя себя в относительный порядок и промыв ссадину на коленке, я глубоко вздохнула и приготовилась к предстоящему подвигу.

Как ни странно, второй заход прошел спокойно. Пол был вытерт, и все вели себя как ни в чем не бывало. Рассказывали о каникулах, грандиозных планах на наступивший год, изливали свою великую любовь к нашей замечательной школе и восхищение сложившейся у нас атмосферой дружбы и взаимопомощи.

Последнее, разумеется, повеселило меня особенно.

Когда все запланированные на этот день мероприятия подошли к концу, мы с Димкой отправились к Лене — руководителю журналистского кружка, чтобы вместе с ней посмотреть отснятые материалы.

Лена с удивлением оглядела мои порванные колготки и разбитую коленку, но, слава богу, ничего не сказала, и мы уселись в кресла, пока Фролов возился, подсоединяя к компьютеру камеру.

— Запускай, — скомандовала Лена, широко нам улыбнувшись.

Димка включил просмотр.

Вот пошла заставка и... сразу — интервью у одиннадцатого класса.

Почти весь отснятый материал будто испарился!

Лена вопрошающе посмотрела на нас:

— А где линейка и все остальное?

— Дим, разве ты использовал вторую кассету? — спросила я.

— Нет. — Он явно растерялся и принялся перематывать пленку в тщетной надежде отыскать утерянное.

И тут я все поняла. Это Виола! Кто еще?! Она стерла запись, пока Димка меня утешал в рекреации.

Я вскочила с кресла и, забыв про больную коленку, устремилась к актовому залу. Я знала, где

ее искать в это время: репетицию в театральном кружке она уж точно не пропустит!

В коридоре мне попалась группа девочек, поспешившая убраться с моего пути. Наверное, я была похожа за взбесившуюся фурию, и они, от греха подальше, предпочли со мной не связываться.

Я влетела в актовый зал, громко хлопнув дверью.

На сцене полным ходом шла репетиция. Виола старательно кривлялась, в своей любимой манере воркуя что-то партнеру по эпизоду.

Взбешенная, я поднялась на сцену, подскочила к Виоле и у всех на глазах отвесила ей звонкую пощечину...

— Что с тобой, Полина? Тебе нехорошо? — удивленно уставилась на меня руководитель театральной студии Ольга Кузьминична.

Ее светлые, почти белесые брови приподнялись так, что совсем исчезли под челкой.

— Нет, теперь хорошо, — ответила я.

Ну а дальше было то, что было. Меня объявили виновной во всем, отчитали... хотя у нас это называется «провели разговор» у директора, а потом еще направили на консультацию к школьному психологу. Для того «чтобы разобраться с внезапно возникшими у меня приступами юношеской агрессии».

И как после такого любить эту школу?!

Глава 3

Бледный отсвет луны ложился на мои руки так, что кожа казалась белой-белой и мерцающей, как лед, как хрусталь. Длинные алые ногти...

В тонких пальцах — нож с остро отточенным, почти прозрачным лезвием, целиком вырезанный из странного черного камня. Лунный свет падает на его гладкую, безо всяких узоров, рукоятку и превращается в яркую черную звезду. Смотреть на нее можно бесконечно. Я с трудом отвожу взгляд и только тут понимаю, что нахожусь на поляне, обозначенной по краю черными силуэтами деревьев. Каждое дерево похоже на ужасного, скрюченного человека, в немом отчаянии вздымающего к небу искореженные руки-ветви.

Вокруг тишина — такая же плотная, как эта странная ночь. Но отчего-то я твердо уверена, что кроме меня здесь есть еще некто...

Передо мной — огромный камень, покрытый черным бархатом, я касаюсь его рукой. Нет, это не бархат, а мох... На камне кто-то лежит, с головой накрытый легкой белой тканью. Мне страшно приподнять край этого странного савана, чтобы взглянуть лежащему в лицо, но я знаю, что сделать это придется.

— Пора! Сделай свой выбор, потому что час настал! — шепчет мне лес, и деревья по краю поляны вдруг приходят в движение, взволнованно качают скрюченными лапами и повторяют: — Пора... пора!..

Такое ощущение, что мое сердце вдруг уменьшилось, превратившись в маленькую черную жемчужинку, и в груди образовалась пустота.

Час настал, и я решительно сдергиваю покрывало.

На камне лежит девушка. Я знаю ее. Это Виола. Ее длинные темно-каштановые волосы разме-

тались, тонкие черты красивого лица искажены ужасом.

Черный нож начинает нетерпеливо пульсировать, настойчиво бьется в мою ладонь: «Час настал, час настал!» Странно, он кажется мне и горячим, и холодным одновременно.

Я заношу руку для удара. Время пришло, и жертва должна быть принесена...

Но тут... тут лицо девушки будто плывет, меняется... О боги! Это же мое собственное лицо!

— Сделай выбор! Кровь за кровь! — шепчет и шелестит лес.

— Кровь! Кровь! — разносится по нему эхом.

Но я уже несусь сломя голову и не разбирая дороги. Только бы убежать с этой ужасной поляны!

Я бегу, но теперь окружает меня не лес, а высокие темные дома. Кажется, это улица какого-то города. Тишина, и только топот моих ног гулким эхом разносится по округе, теряясь где-то в сумрачно-черном небе, на котором не видно ни единой звезды.

Вокруг меня — темнота. Я вижу, как она шевелится, будто клубок ядовитых змей.

— Ты наша! — шепчет мне тьма. — Пора сделать выбор!

Улица, по которой я бегу, становится все уже и уже. И я понимаю, что скоро окажусь в тупике. Я боюсь оглянуться. За мной притаилась тьма, жадно дышащая мне в спину.

— Ты наша! — торжествующе шепчет она и тянет ко мне тысячи рук-щупальцев.

— Нет! — кричу я. — Нет!

...И просыпаюсь.

В первую секунду я забываю, как дышать. Воздух больше не поступает в мои легкие. Я в ужасе приподнимаюсь на кровати и, наконец, делаю вдох... А следом — еще несколько жадных судорожных вдохов. В груди — тягучая боль, но я снова дышу. Я жива.

В комнате еще темно, и я, закутавшись в одеяло, отползаю к стенке, стараясь сжаться в комок, спрятаться от кого-то...

За окном моросит дождь. Я прекрасно слышу его шум в открытую форточку, и этот глухой монотонный звук немного меня успокаивает.

Я оглядываюсь. Все вокруг по-прежнему. И обои с бледно-розовыми цветами, и мой письменный стол, освещенный луной... компьютер... старенькая лампа со смешным зеленым в белый горошек абажуром, и лежащий на полу, у кровати, белый ковер с длинным ворсом, по которому так приятно ходить босиком... Моя собственная, знакомая до мельчайших деталей комната. Как же хорошо видеть все эти простые вещи! Как хорошо вновь оказаться в привычном мире, где играют по уже известным мне правилам.

Ну и кошмар мне приснился! Брррр! От одного воспоминания по спине пробежал неприятный холодок.

Я привыкла доверять своим снам. Они приходят ко мне не так уж часто, но всегда о чем-нибудь предупреждают. Так было перед болезнью мамы. Смешно, пару раз меня даже предупреждали о двойках. Мама говорит, что, наверное, у меня есть дар предвидения. Может, и так. В любом

случае к предостережениям лучше прислушаться. Вот только непонятно, в чем суть сегодняшнего сна? Мне следует бояться себя? Кого-то другого? В этом сне я едва не убила Виолу. Неужели только за то, что она так жестоко... нет, глупо поступила со мной. Я же и вправду едва ее не убила!

Ужас какой! А мама еще называет меня доброй девочкой, смеется и ласково гладит по голове, когда я притаскиваю с улицы очередного выпавшего из гнезда птенца или маленького тощего котенка с тонюсеньким смешным хвостиком.

«Ну да, — вступает со мной в спор внутренний голос, — это все беззащитные, несчастные животные, но Виола-то совсем не беспомощна. Признайся, ей даже пойдет на пользу, если...»

«Нет», — останавливаю я себя, изо всей силы сжимая виски руками и прислушиваясь к перестуку дождя за окном. Во всем виноват сегодняшний кошмар. Это все происки беззвездной ночи.

Нужно забыть о дурном и поскорей заснуть. Просто буду завтра осторожней. Спасибо за предупреждение. А теперь — спать.

Утром я стояла на ступеньках школы. До первого урока оставалось еще пятнадцать минут, и мне не хотелось проводить их в душном классе.

День сегодня выдался хмурый. Всю ночь лил дождь, и на заасфальтированной дорожке остались лужи. Я разглядывала их, пытаясь угадать, на что они похожи. Вот эта — толстый бегемот, эта — жираф...

— Привет! — Ко мне подошла Вика. — Я слышала, у вас вчера какое-то ЧП случилось?

— Случилось, — мрачно подтвердила я. — Кто-то, не будем уточнять, но я догадываюсь, кто это был, уничтожил почти весь отснятый материал.

— И что теперь? — спросила Вика, с любопытством уставившись на меня серыми, как дождливое небо, глазами.

— Теперь вас снова на торжественную линейку построят, снова будете гимн школы петь, — пошутила я, но, видя, что глаза Вики удивленно расширились: она доверчиво приняла мои слова за чистую монету, — тут же пояснила: — Шучу.

— Юмористка, — хмыкнула она. — Знаешь... — и вдруг замолчала, уставившись куда-то. — Вау! Какая машина! «Rolls-Royce Phantom»! Супер!

Я тоже взглянула. У входа остановился элегантный черный автомобиль с тонированными стеклами. Сияющая дверца раскрылась, и оттуда вышел юноша.

Он наклонился к окну, сказал что-то в глубину салона, и машина легко и беззвучно рванула с места, сразу набирая скорость.

А парень повернулся к нам.

Он шел по мокрой, покрытой лужами дорожке, будто по красному ковру какого-нибудь дворца кинофестивалей.

На вид ему можно было дать лет шестнадцать-семнадцать. Его черные густые волосы были уложены с легкой небрежностью, и несколько прядей падало на белоснежный лоб. Это казалось ужасно красиво — черное и белое. Как в «Белоснежке»! Добавьте удивительного темно-карего, почти вишневого цвета глаза, тонкий нос, четкий

овал лица, будто выточенного из слоновой кости, маленькую ямочку на подбородке...

Роста парень был довольно высокого. Худощавый, гибкий, он двигался с какой-то непередаваемой грацией, напомнившей ленивую грацию хищника. Явно дорогая одежда — черная водолазка с высоким воротом и идеально сидящие джинсы, легкий, как раз в меру, аромат туалетной воды — сандала и чего-то пряного — донесся до нас, когда он подошел поближе. От него веяло роскошью и силой. А еще... опасностью. Я так и чуяла запах опасности, оказавшийся сильнее запаха парфюма.

Парень был невозможно, нереально красив, так что у меня даже на миг остановилось сердце.

Он взглянул на нас, и я почувствовала, будто меня с головы до пяток пронзают тысячи тоненьких острых иголок. Сразу же захотелось подпрыгнуть, закричать, немедленно совершить что-нибудь безумно-сумасшедшее, чтобы удержать внимание этого спустившегося на землю бога.

«Как же, обратит он на тебя внимание, — услужливо подсказал мудрый внутренний голос. — Наверняка за ним такие красавицы бегают, что ого-го! Очень ему нужна тощая дура, застывшая у крыльца, точно белая береза под окном».

И вообще такой красавчик небось пройдет по вашему сердцу своими дорогими кроссовками и растопчет его, даже не заметив. Такие, как он, под ноги не смотрят.

У меня было проверенное средство, не подводившее меня в самых сложных ситуациях. Стоит только представить себя со стороны — эдакую застывшую с открытым ртом тощую нескладную девицу в простоватой, по меркам нашей школы, одежде — и сразу приходишь в норму.

«Подумаешь, какой красавец-мачо», — решила я и иронично усмехнулась.

Незнакомец в ответ, будто прочитав мои мысли, чуть удивленно приподнял бровь и подошел к охранникам.

— Привет, я прибыл сюда учиться. Можно войти? — спросил он.

— Входите, пожалуйста, — услужливо произнес охранник и посторонился.

Голос у юноши, понятно, тоже оказался красивый. У таких, как он, небось не бывает ни единого изъяна. Прямо-таки ходячее совершенство. Не чета некоторым.

Я посмотрела на подозрительно притихшую Вику. На ее лице застыло выражение безмерного восхищения и восторга. Думаю, точь-в-точь такое украшало всего минуту назад и мою физиономию. Как же смешно это выглядит со стороны! Даже смешнее, чем я себе представляла.

— Боже! — прошептала Вика, понемногу приходя в себя после того, как чудесное видение скрылось в холле. — Какой парень! А эти глаза! А одет!.. Ты заметила, какие у него часы?! Это же «Chopard». Знаешь, сколько они стоят? На эти деньги можно несколько автомобилей купить!

— Нет, не заметила, — сухо ответила я. — Извини, сейчас урок начнется, не хочу опаздывать.

И я, оставив на крыльце витающую в волшебных грезах Вику, тоже ступила под своды родной школы.

Еще находясь под впечатлением от недавней встречи, я вошла в класс, села у окна и приготовилась к занятиям.

Первым уроком сегодня у нас была литература — мой самый любимый предмет. И место у окна тоже было самым любимым: отсюда как раз открывался замечательный вид на наш маленький парк. Хотя на литературе я, конечно, редко глазела в окно. Ее преподавали весьма неплохо — с учетом филологического уклона нашего класса. Особенно мне нравилось писать сочинения, и литераторша Анна Анатольевна несколько раз даже зачитывала их перед всем классом. А Виола потом, на перемене, со своим фан-клубом обязательно их высмеивала. Понятно, что из зависти, но все равно обидно.

Димка вот, наоборот, в сочинениях плавал. Даже не знаю почему, при всей склонности ко всяким математикам и физикам, он не перевелся в параллельный класс, а упорно грыз гранит науки среди будущих филологов.

Вот и сейчас Фролов, как всегда, сел со мной за первую парту, хотя я прекрасно вижу, как он каждый раз бледнеет под строгим взглядом взыскательной Анны Анатольевны и, без сомнения, с удовольствием укрылся бы за чьей-нибудь широкой спиной, чтобы пореже попадаться ей на глаза.

— Димка, — прошептала я ему так, чтобы другие ребята не слышали, — извини, я вчера не сказала тебе «спасибо».

Димка вытащил из сумки тетрадку и ручку, повертел их в руках, положил на стол и только после этого буркнул:

— Вот уж не за что. Это я во всем виноват. Бросил камеру без присмотра.

Я хотела сказать ему что-то вроде того, что он тут ни при чем, а эта злобная тварь Виола еще пожалеет...

Но тут дверь распахнулась и вошла целая делегация. Возглавляла ее наша классная Татьяна Михайловна, а за ней следовали литераторша Анна Анатольевна и, наконец, тот самый парень, которого я видела на школьном дворе.

— Доброго дня, — поздоровались с нами учительницы, а новенький кивнул и широко улыбнулся.

Разумеется, и улыбка у него оказалась красивая и уверенная.

Наверняка он знает, какое впечатление производит.

А я — девочка-невидимка, девочка-изгой. Такой, как он, едва ли посмотрит в мою сторону. А если и взглянет, то лишь с любопытством...

— Это Артур, — представляла тем временем новенького Татьяна Михайловна. — Артур три последних года учился в Англии, а теперь вернулся в Россию, чтобы закончить здесь одиннадцатый класс и продолжить образование в области русской филологии.

Не знаю, кому как, а мне его история сразу показалась довольно странной. И чем, после трех лет обучения в Англии, ему какой-нибудь Оксфорд не приглянулся?! Судя по всему, денег у его родителей навалом... Нет, дело в чем-то другом... И тут меня осенило. Должно быть, его отец занимается политикой! И возвращение в Россию с

предпочтением русского вуза — прекрасно спланированная пиар-акция, как говорится: specially for mass media[1].

Довольная собственной журналистской смекалкой, я посмотрела на Артура, и у меня опять сжалось сердце. В нем было что-то такое... трогательное, как у одинокого котенка. Может быть, его уверенность наиграна? Думаю, любому новенькому приходится нелегко. А в нашем классе — особенно.

И, в конце концов, случаются же с кем-то все эти истории про Золушек?! Так почему бы...

— Садись, Артур, выбирай, пожалуйста, себе место, — сказала Татьяна Михайловна. — А мы пока познакомим тебя с учениками. Анна Анатольевна, позвольте отнять у вас еще пять минут, чтобы Артур не чувствовал себя неуютно.

Новенький опять широко улыбнулся, окинул всех оценивающим взглядом и медленно пошел по проходу.

Походка у него была упругая и очень грациозная.

«Ну конечно, придумала: какой из него котенок? Скорее тигр, — решила я. — Ну надо же, размечталась!»

В отместку себе я открыла тетрадь и нарисовала на последней странице Артура с сияющей короной на голове. Ну ладно, рисовала я не слишком, и можно было и не догадаться, что это именно он, но получилось весьма карикатурно.

---

[1] Specially for mass media *(англ.)* — специально для прессы.

Я показала рисунок Димке, но он почему-то не засмеялся.

— Артур, садись, пожалуйста, со мной. Я помогу тебе здесь освоиться, — раздался вдруг знакомый голос.

Ну конечно, это Виола подсуетилась, выгнала из-за своей парты Мишу Сорина, и теперь целиком претендует на внимание новенького. Разумеется, под видом самой что ни на есть бескорыстной помощи.

— Молодец, Виола, — похвалила ее классная, купившись на это дешевое дружелюбие.

Артур сел за парту Виолы.

— Ну что же, давайте расскажем Артуру о себе. Начинай, — обратилась Татьяна Михайловна прямо ко мне.

Вот всегда, если что, начинают именно с меня.

Кстати, хотите забавный случай: в прошлом году мы с Викой решили сходить в кино, сбежав с последнего урока. У наших классов как раз была объединенная физкультура — мы должны были команда на команду играть в волейбол. И, разумеется, как назло, оказались застигнуты физкультурником. И что вы думаете, Вика проскочила незамеченной, а в меня он вцепился ну прямо как клещ. А мама еще говорит «яркая внешность»!..

Я нехотя встала и повернулась лицом к классу.

— Меня зовут Полина. Учусь здесь с первого класса, интересуюсь литературой, являюсь ведущей внутришкольной видеопередачи. Свою дальнейшую судьбу надеюсь связать с журналистикой.

Пока я говорила, Артур не отрывал от меня глаз. Я не смотрела на него, но ощущала его взгляд буквально физически. Будто он пытался проникнуть через мою оболочку и посмотреть, что у меня там, внутри.

Опустившись на свой стул, я почувствовала, как в висках часто стучит пульс, словно я только что сделала не менее пятнадцати отжиманий. (На самом-то деле мне и десяти вполне хватало.)

Следующим выступил Димка, потом Галя Ларина, ну и остальные шесть человек. Я, признаться, не слушала, что они там говорят, а тупо пялилась в окно, называя себя дурой. Деревья в парке беззвучно, словно в немом кино, качали ветвями, и я заметила, как с ветки сорвался одинокий узорный лист и, медленно кружась, опустился на землю. И что я так разволновалась? Подумаешь, будто красавчиков никогда не видела...

Урок литературы в тот день показался мне мучительно долгим. Анна Анатольевна говорила про осень, про умирание и возрождение, а потом попросила нас почитать свои любимые осенние стихи.

На этот раз я вовсе не хотела ничего читать. Просто не хотела — и все. А еще кое-кто обязательно решил бы, что я выпендриваюсь перед новеньким. Но Анна Анатольевна посмотрела на меня с такой надеждой, что подвести ее было просто невозможно.

И тогда я встала, вышла вперед и прочитала стихотворение Бориса Пастернака. Ну, знаете:

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера...[1]

Очень легкое, светлое стихотворение. Так и видишь золоченые рамы ясеней и осин, которые, как драгоценную картину, обрамляют лазурно-чистое небо, и длинную тенистую аллею, и янтарный отблеск солнца на коре... Я люблю такую праздничную осень.

Во время прочтения стихотворения я, конечно, старалась не смотреть на новенького, но все-таки заметила, как Виола засмеялась и прошептала ему что-то на ухо. Собственно, даже сомневаться не приходилось, что: очередную гадость обо мне.

Анна Анатольевна похвалила меня и сказала, чтобы я садилась. А я, словно назло, споткнулась и чуть не упала. В классе захихикали, а мне стало так горько и обидно, что я опять уставилась в окно.

Но тут Анна Анатольевна спросила новенького, есть ли у него любимое стихотворение про осень, и он прочел:

Вот и всё, вот и кончился солнечный бег.
На манжеты ложится белой запонкой снег,
Превращаясь в бриллиант при ночном фонаре.
Как богаты мы, осень, как добра ты ко мне.

Как добра ты на смерть, как добра ты на боль.
Ты для каждого видишь его главную роль.
Ты, как штемпель судьбы на последнем конверте...
С тобой очень приятно думать о смерти.

[1] Стихотворение Б. Пастернака «Золотая осень».

— Боюсь, что не знаю этого стихотворения, — сказала Анна Анатольевна. — Это какой-то современный поэт. Строчки не слишком ровные, сбивчивые, но в целом неплохо. Довольно образно.

— Это Дельфин. Называется «Штемпель», — объяснил Артур.

— Интересно, а почему ты выбрал его? Расскажи, пожалуйста, Артур.

— Потому что оно мне близко. Оно — обо мне.

— Ты чувствуешь себя одиноким? Отверженным?

— Не меньше и не больше, чем любой другой подросток. — Он улыбнулся.

Я, забыв о пейзаже за окном, с интересом смотрела на Артура. Возможно, я не права, сразу же решив, будто он мажорный и пустой. Наоборот, все вокруг считают себя исключительными, и только очень смелый и необычный человек может сказать, что он такой же, как и все.

— Тебя интересует тема смерти? — снова спросила Анна Анатольевна.

— Многие из тех, кто пишет об этом, не имеют никакого понятия, что такое смерть. Они говорят о том, чего не знают. — Артур вдруг стал серьезным, и мне показалось, что эта тема и вправду его волнует.

Интересно, на гота он не похож. Вряд ли он оставляет свой «Роллс-Ройс» у ворот кладбища и ночами шляется вокруг могил. Артур, конечно, очень бледен, но, насколько я понимаю, у него, как и у меня, от природы такой оттенок кожи, а вовсе не от каких-нибудь белил — днем всякая неестественность обязательно стала бы заметна...

Я поймала себя на том, что опять беззастенчиво, в упор, разглядываю его, и, смутившись, опустила глаза.

Димка рядом со мной методично закрашивал клеточки в тетради.

Видно, ему что-то ужасно не нравилось.

— Молодых людей часто волнует мысль о скоротечности земного бытия, — говорила тем временем Анна Анатольевна. — Например, есть она и в лицейской лирике юного Пушкина. Хотите, мы проведем с вами семинар на эту тему?

Мы договорились о семинарском занятии на следующей неделе, и она отпустила нас немного подкрепиться.

Все дружно двинулись показывать новенькому столовую, по пути оживленно расспрашивая его об Англии.

Мне это было совершенно неинтересно, и мы с Димкой держались отдельно от них. Я пыталась придумать, что делать с видеопередачей, но Фролов был сегодня особенно молчалив, так что болтала в основном я.

Зато и новенького было почти не слышно.

Но когда я проходила мимо их столика, до меня долетел обрывок разговора.

— И как там девочки? — кокетливо спрашивала Виола.

Я не смотрела на них, но готова поручиться, что в этот момент она вовсю строила ему глазки и вообще всячески напрашивалась на комплимент.

И он, разумеется, полностью оправдал ее ожидания, сказав:

— Да так, ничего интересного. Здешние лучше. Хотя меня скорее интересует только одна. Совершенно особенная.

— Правда? — спросила Виола уже абсолютно медовым голосом.

А я не удержалась и хмыкнула. Если его родители и отправили Артура сюда в целях собственного пиара, то он явно не собирается тратить время даром и уже — гляди-ка — откровенно подбивает клинья к первой в классе красотке. Подумаешь, ему нужна совершенно особенная девочка! Я вот совсем обыкновенная, и это меня вполне устраивает.

Я вернулась на свое место и поставила принесенный стакан томатного сока на стол. В последний момент рука моя дрогнула, и часть сока выплеснулась, красная лужица медленно растекалась и ширилась, стремясь добраться до края стола и оставить на моей одежде обличающие пятна.

Ловчий, десять часов спустя

Красная густая лужица медленно растекалась у его ног, и он отодвинулся, чтобы на кроссовках не осталось обличающих пятен.

Сейчас он легко мог позволить этой влаге течь. Он никогда не брал больше, чем нужно. К тому же чувство пресыщения влияло на реакцию и снижало нюх. А позволить этого он никак не мог. Он — Королевский Ловчий — всегда должен быть в форме. Без пищи — нельзя. Но и ее надо принимать в самую меру, не забывая о том, что он — на охоте. Даже братья уважают и боятся его. Даже среди них — сильных и ловких, прошедших суровый естественный отбор и испытание временем — он был первым. Сама королева отличала его, и он вполне мог стать вожаком, однако это никогда не входило в круг его интересов.

Его интересом оставалось лишь одно — охота. Подходящее занятие для прирожденного ловчего, не правда ли? Эти случайные жертвы по большому счету и не были жертвами — они просто пища. Небольшая дань его сильному и красивому телу, способному становиться не знающей поражения смертоносной машиной.

Наибольшее удовольствие ему доставляла игра. Ничто не может сравниться с наслаждением настоящей охотой, когда кружишь вокруг жертвы, медленно сжимая круги, улавливая тревожное биение ее живого сердца, чувствуя соленый привкус ее страха, видя обострившимся зрением весь спектр цветов. Только охота делала ощущения такими невозможно яркими. Только охота возвращала забытые пьянящие эмоции. Охота — вот она, настоящая жизнь.

Он раздул ноздри, вдыхая запах ночного города. Тот покорно лежал у его ног. Город терся о его мягкие кроссовки, точно ласкающийся волк. Ловчий знал, что, как и волк, город смиряется перед ним, покуда он сильный, но стоит только проявить слабость — и тот, и другой с удовольствием покажут свои зубы и вцепятся в горло. Это не хорошо и не плохо. Это просто есть. Таков закон.

Обойдя дом, Ловчий оказался на освещенной улице. Это была одна из главных артерий города. Здесь безостановочно, как кровь по сосудам, день и ночь мчались машины, сновали группки людей, словно сердце, пульсировала неоновая реклама.

Он с удовольствием взглянул на собственное отражение в большой стеклянной витрине. Густые черные волосы для удобства стянуты резинкой в хвостик, черная трикотажная майка обрисовывает гибкое сильное тело, узкие черные джинсы, брючины которых от долгой носки износились снизу в лапшу, мягкие кожаные кроссовки... Все-таки современная одежда во многом удобнее, практичнее прежней. Довершала наряд косуха с продранным рукавом. Он с наслаждением вспомнил ту маленькую заварушку, во время которой пострадала дубленая жесткая кожанка. А еще на шее, на засаленном кожаном шнурке, талисман — небольшой серебряный крестик.

Ловчий улыбнулся своему отражению, обнажив белые ровные зубы — хорошо, когда попадаются правильные зеркала, — и медленно пошел по улице. Одинокий среди множества людей. Новая жертва уже была выбрана.

* * *

— Мама, ну почему? — только и спросила она и растерянно взглянула на подругу.

Наташа уже все поняла и безнадежно развела руками: «что попишешь — предки».

— Потому что я тебе сказала: нельзя — и все, — последовал не менее категоричный ответ. — Сейчас же марш домой.

План провалился. Они специально досидели допоздна в надежде, что в этом случае мама согласится, чтобы Аня осталась ночевать у Наташи.

Завтра суббота, занятий нет. И вот тебе пожалуйста, все равно запретили.

— Хорошо, иду, — понуро сообщила девочка в трубку, и мать, не прощаясь, отсоединилась.

— Ну, Анька, она у тебя и суровая, — прокомментировала Наташа, развернулась на одной ножке на скользком полу — тонкая, как балерина, и предложила: — Ладно, давай еще по немногу «Бейлиса».

— А твои ничего, не заметят?

— Да ладно, у меня предки мировые. Все будет в порядке. Жаль, что ты не сможешь остаться. Киношку бы посмотрели, а потом, ближе к полуночи, в чате классная компания собирается. Можно было бы с соседних компьютеров выйти и устроить там полный отрыв.

Девочка только вздохнула: понятно, что было бы здорово. Но в том-то и дело — в этом «бы».

Они выпили еще по рюмочке «Бейлиса». Сливочно-сладкий ликер мягко разливался по горлу, в то же время обжигая и будоража.

— Ну, я пошла, уже почти одиннадцать, — Аня тяжело вздохнула.

Она натянула на себя короткий голубой плащик, влезла в немного тесные туфельки, поправила перед зеркалом выбившуюся прядь черных волос и вышла из квартиры.

Наташа, стоя у двери, ждала, пока подруга сядет в лифт.

— Давай, не пропадай, звони! — крикнула она

ей вслед и хлопнула дверью так, что звук гулким эхом прокатился по подъезду.

Аня вышла из дома. На губах еще сохранился сладкий сливочный вкус, и она тихонько облизывала их, надеясь растянуть удовольствие.

Было уже довольно поздно. Над головой, словно черная дыра, темнело безнадежно беззвездное небо.

«Ну вот, завтра опять будет плохая погода», — расстроенно подумала она.

Несмотря на то, что было лишь начало сентября, осень чувствовалась во всем. Так и моросила дождем, проглядывала в кронах деревьев золотыми листьями, свинцовыми тучами закрывала небосклон, словно торопилась, без конца повторяя: «И не надейтесь, лету настал конец».

Аня поежилась и быстро зашагала по улице. Ей хотелось поскорее оказаться дома. А то еще не хватает нарваться на какую-нибудь пьяную компанию.

— Девушка, вас проводить? — окликнул ее молодой красивый голос.

Она оглянулась и увидела симпатичного парня в кожаной куртке. Не слишком высокого, но статного.

Незнакомец ей понравился. Все девушки, конечно, говорят, что не знакомятся на улице. И не знакомятся, пока объект оказывается недостойным их внимания. А это был явно не тот случай. Тем более компания всяко не помешает — мало ли кого можно встретить по дороге.

— Не откажусь. Я как раз у подруги допоздна задержалась, — ответила она.

Молодой человек легко нагнал ее и пошел рядом. У него была очень упругая походка.

— А ты далеко живешь? — спросил он.

— Нет, не очень. Вон в тех домах, — ответила девочка, указывая на возвышавшиеся вдали многоэтажки.

Парень замолчал, а Аня незаметно разглядывала его точеный профиль. Так они прошли примерно полпути и добрались до небольшой детской площадки.

— Слушай, — вдруг предложил он, — а давай поиграем в кошки-мышки?

— Это как? — За последние лет десять ей, кажется, еще не предлагали играть в кошки-мышки. Тем более — симпатичные незнакомцы.

— Ну как, обыкновенно. Для начала ты будешь кошкой. Досчитаешь до десяти, я в это время спрячусь. Найдешь меня — игра окончена. Не найдешь — кошкой буду я. Идет?

По правде сказать, на мышку он похож не был. Скорее на кошку — хищную и... голодную, что ли... Аня ясно почувствовала исходящую от него силу. Что ни говори, незнакомец явно был необычным человеком.

«Может, маньяк?» — промелькнуло в голове.

Она внимательно посмотрела на него. Нет, не может быть. У маньяков бегающие глазки и потные руки. А этот... спокойный, уверенный в себе. И совсем даже не похож на сумасшедшего.

— А почему кошки-мышки? Эта игра ведь называется прятками? — спросила Аня, несколько успокоившись.

— Потому что мне так больше нравится. Ну что, играешь?

Она совсем растерялась:

— Ну, хорошо, давай.

Наверное, ему просто хочется, чтобы она за ним побегала. Игра в кошки-мышки в сумерках явно носила в себя иной подтекст. Все, разумеется, должно закончиться поцелуями. А почему бы и нет? Она еще никогда не целовалась с незнакомцем. И ее — возможно, в этом был виноват «Бейлис» — так и потянуло на приключения.

Девочка отвернулась к дереву и принялась громко считать до десяти.

Надо отдать должное незнакомцу, двигался он совершенно бесшумно, и, когда она повернулась, его уже не было видно.

— Я уже иду! — весело крикнула Аня в темноту и принялась его искать.

Да, парень умел прятаться. Его не оказалось ни за ближайшими деревьями, ни за скамейкой, ни даже под детской горкой, куда она заглянула просто на всякий случай. Он будто растворился в сумерках. Так даже неинтересно, и, поискав минуты две, Аня решила прервать это бесполезное занятие.

— Эй, ты здесь? Я сдаюсь, — окликнула она его.

— Сдаешься? — Незнакомец шагнул откуда-то из темноты прямо ей навстречу. Аня и не думала, что он так близко.

Как же он все-таки тихо двигается! Хоть бы ветка хрустнула под ногой.

Он был совсем рядом, и она ощутила странное волнение. И все-таки что-то в нем не так... Взгляд остановился на распахнутой на груди куртке, под которой виднелась темная майка и небольшой крестик из белого металла. И как ему не холодно!

— Ты рано сдаешься. Это неинтересно, — холодно сказал он. — Ладно, будем считать, что я этого не слышал. У тебя есть фора. Считаю до пятидесяти. Удачи, мышка. Отсчет начат. На старт, внимание, марш.

Глаза! Ну конечно, у него совершенно безумные глаза!

Вот же повезло!

И она побежала. Со всех ног. Так, как не бегала еще никогда. Так, что сердце прыгало в груди, норовя выскочить, вылететь прочь.

А потом ее настиг черный вихрь. Такой же смертоносный и беспощадный, как эта глухая ночь.

Глава 4

После занятий мы с Димкой снова отправились к Лене. Как ни странно, она встретила нас в хорошем настроении.

— Я уже все придумала, — радостно сообщила она. — В сентябрьский выпуск мы вместо сюжета о первом дне учебы поставим сюжеты о самых талантливых учениках школы и, особой статьей, о новеньком. Я слышала, он очень интересный мальчик. Так что у тебя есть возможность исправить ситуацию, сделав с ним хорошее интервью.

Ну разумеется, мои родители не чета Виолиным, и церемониться со мной вовсе не обязатель-

но. Кстати, что касается интервью с Артуром, той же Виоле, опять же, было бы легче его взять. Как-никак за одной партой сидят, и все перемены она от него не отходит. Могли бы вместо меня Виолу на интервью послать. Она хоть иногда в студию все-таки заходит...

Одна только мысль о том, что вместо меня задания станут поручать Виоле, вывела меня из ступора, и я поспешно сказала:

— Хорошо, я согласна.

— Ну вот и замечательно, — объявила Лена, тряхнув густыми подстриженными в форме каре каштановыми волосами. — Так приступай!

«Интересно, а где Артур?» — подумала я и, сопровождаемая уныло плетущимся за мной Димкой, отправилась искать его по всей школе.

Артура в школе не нашлось. Выяснилось, что он уже уехал.

— Ничего, — сказала я себе, — в понедельник мы обязательно подкараулим его и возьмем интервью.

— Да ладно, — буркнул в ответ Димка, — подумаешь — звезда.

За оставшуюся часть дня ничего интересного не произошло. Мы немного позанимались. Я в порядке взаимообмена помогла Димке с французским, он мне — с алгеброй и информатикой, и мы отправились домой.

Трясясь в небольшом школьном автобусе, я вспоминала Артура с его «Роллс-Ройсом» и Виолу, которую из школы всегда забирали либо отцовские охранники, либо, что случалось достаточно часто, сами родители. А вот у моих никогда не находилось для этого времени.

Нет, разумеется, я прекрасно знаю, как папа загружен на работе. Он уезжает в офис к девяти утра и возвращается домой обычно уже после десяти. У него небольшая фирмочка, занимающаяся сборкой и продажей компьютеров, а также установкой программного обеспечения и всяким мелким ремонтом. В ней всего два менеджера, два сборщика-программиста и один шофер. Поэтому всеми делами отец занимается сам. А мама помогает ему, ведя бухгалтерию. Чаще всего она работает дома, день и ночь просиживая в своем «1 С». Так что я на них не сержусь. Только бывает немного обидно. И почему они целыми днями вкалывают, а живем мы достаточно скромно, особенно по меркам нашей школы. А вот, скажем, родители Виолы располагают и временем, и средствами. Только не подумайте, будто я ей завидую. Лично мне много не надо. Напротив, я бываю рада помочь отцу, скажем, отвозя клиентам какие-нибудь бумаги или диски с программами, а заодно получая за это небольшой денежный бонус. Поэтому у меня уже есть собственные заработанные деньги, а они, бесспорно, ценней тех, что дают Виоле родители. К тому же я чувствую себя взрослой, когда выполняю эту несложную работу.

В школьном автобусе, как всегда, было немного народа. Вот сошел на своей остановке Димка Фролов, помахав мне на прощание рукой, и мы поехали дальше. Я задумчиво глядела в окно. Серые улицы, пасмурное серое небо... Одинаковые унылые дома. Мы уже покинули центр и при-

ближались к моей остановке. Кроме меня в автобусе оставались две девчонки из средней школы, жившие еще дальше.

Они сидели на заднем сиденье и громко хихикали, что-то обсуждая. Пару раз я четко различила слово «новенький» и поняла, что они болтают об Артуре. Теперь о нем говорила, наверное, вся школа. Ну подумаешь, принц — появился в школе, и все девчонки только на него и смотрят. А между прочим, не так уж он красив. Я принялась вспоминать его лицо и решила, что у него полным-полно недостатков. Нос, пожалуй, коротковат. И подбородок узкий, не мужественный. Даже непонятно, почему он в первый момент произвел на меня такое сильное впечатление.

— Ты что, с нами и дальше поедешь? Проснись, красавица, и пой! — окликнул меня шофер, молодой веселый парень по имени Андрей.

Я вздрогнула.

Точно. Это моя остановка. Ну надо же было так задуматься!

— Сейчас спою, — угрожающе пообещала я и вышла из автобуса.

Он поехал дальше, увозя болтающих и смеющихся девчонок, а я пошла к дому.

В квартире меня встретил только Джим, тут же бешено завилявший хвостом. Ага, мама, значит, опять по делам поехала.

— Мам, ты дома?! — на всякий случай крикнула я.

Никто не отозвался.

Я сняла туфли и застыла в коридоре.

Не знаю почему, пустая квартира вдруг испугала меня. Честное слово, будто мне снова пять лет и родители впервые оставили меня одну, отправившись вечером в ресторан.

— Ты не будешь бояться? Мы ненадолго, — говорила мне мама. — Если соскучишься, нажми вот эту кнопочку, и я с тобой поговорю.

И я, конечно, заверила ее, что не стану бояться, а, напротив, буду хорошей девочкой.

Не знаю, сколько времени они отсутствовали, — мне показалось, целую вечность. Помню, что меня тогда охватило огромное, всепоглощающее чувство страха. Книжки и игрушки из верных друзей вдруг почему-то превратились во врагов. Даже Морковкин — огромный заяц, которого я очень любила, стал чужим, и мне показалось, что на его обычно доброй и простоватой морде застыло злое и ехидное выражение. Я хотела нажать кнопку и позвонить маме, но в трубке раздавались лишь частые гудки. И тут я решила, что осталась совсем одна. Кажется, в тот момент мне подумалось, что родители никогда не вернутся, что с ними случилось что-то страшное и непоправимое. И я заплакала. Громко, как будто надеялась рыданиями заглушить собственный страх, спугнуть то ужасное, что таилось в тишине пустого дома. В тот раз у меня, как бывало иногда, от волнения пошла носом кровь. Не знаю, что случилось бы, если бы соседи каким-то неведомым образом не подобрали ключи от нашей квартиры.

Когда родители вернулись, я уже спала, прижимая к себе плюшевого чебурашку — игрушку, которой у нас дома отродясь не было...

Словно отозвавшись на мои детские воспоминания, громко зазвонил телефон.

Я сняла трубку.

— Ты уже дома? У тебя все в порядке? — спросила мама.

— Да, конечно, — отозвалась я. — А ты скоро будешь?

— Не раньше чем через час. Поищи поесть что-нибудь в холодильнике, — посоветовала она. — Кстати, мне тут из твоей школы звонили. Сказали, у тебя какие-то проблемы...

— Виола заслужила пощечину! — я тут же перешла в наступление. — Это у нее, а не у меня период подростковой агрессивности!

— Ладно, — устало согласилась мама, — дома поговорим. Не скучай, скоро буду.

Она отключилась.

А я прошлась по комнатам. Будто просто так, от нечего делать. Не знаю, отчего, но сегодня меня не оставляла тревога. Наверное, виноват тот самый ночной кошмар, и это после него который день я никак не могу прийти в себя.

Джим верно следовал за мной, защищая мой тыл.

Ну что за идиотизм: какая опасность может подстерегать меня в пустой квартире! В нашей собственной квартире!

Я сняла курточку, повесила ее в шкаф, затем прошла на кухню, вскипятила воды, налила себе чаю, вернулась в комнату, устроилась на диване и включила телевизор. Там как раз шли криминальные новости. Говорили о каком-то маньяке. Милиция обнаружила несколько обескровленных тел юных девушек, и оперативник настоятельно советовал по возможности не появляться на улице в одиночестве в темное время суток. Смотреть такие сюжеты сейчас я просто не могла и тут же переключилась на канал «МУЗ-TV». Пускай громкая музыка спасет меня от этой устрашающей тишины.

Всю субботу я проездила по папиным делам, развозя его клиентам СД-диски и документацию. Последний адрес оказался где-то на отшибе. Офис, куда я должна была доставить бумаги и несколько дисков с программами, находился через парк от станции метро. Пока я искала нужный дом, пока в дирекции выясняли всякие вопросы, стало потихоньку смеркаться. В общем, обратно я шла уже в полутьме.

Парк показался мне пустынным и угрюмым. Грязные дорожки, сплетающиеся между собой в причудливые узоры, старый, по-видимому, давно не работающий фонтан, весь засыпанный жухлой листвой...

Брр! По-настоящему жуткое место!

В тусклом вечернем свете редкие прохожие казались призрачными фигурами. Даже в скрипе песка под ногами мне чудились какие-то зловещие нотки.

Я постаралась миновать парк как можно быстрее, но вдруг заметила на обочине одной из дорожек двоих: старуху и большого лохматого пса.

Старуха была щуплая, с распущенными грязно-седыми патлами и крючковатым носом. Как раз такими рисуют в детских книжках ведьм. Она

стояла, протянув за подаянием иссохшую руку, а у ее ног лежал лохматый пегий пес. Даже при таком освещении было заметно, что его шерсть потемнела от грязи и местами свалялась, уши висят словно огромные лопухи, а взгляд был такой почеловечески отчаявшийся, что я просто не смогла пройти мимо.

Остановившись возле старухи, я полезла в сумку. В кармашке обнаружилась лишь одна, последняя, сотка. Но старуха и собака уже уставились на меня с надеждой, и я тут же достала купюру и вручила бабке. В конце концов, проездной у меня есть. Доберусь до дома, не пропаду.

Она взяла деньги крючковатыми трясущимися пальцами и тут же засунула их за повязанный крест-накрест на груди платок.

— Спасибо, ты добрая девочка, — прошамкала старуха. — Хочешь, я отблагодарю тебя за это? Давай руку — погадаю, всю правду скажу.

Разумеется, я читала в Интернете про цыган и вовсе не собиралась ввязываться в сомнительную историю с гаданием. Тем более в пустом парке и в такой поздний час.

— Нет, спасибо, я лучше пойду, — ответила я и действительно собралась уйти, но старуха схватила меня за руку.

— Не спеши! — сказала она. — Я вижу на твоем лице печать судьбы. Берегись, беда совсем близко!

Я попыталась вырваться, но она крепко держала мою руку.

— Отпустите! — воскликнула я. — Если вы думаете напугать меня мнимой порчей и выманить побольше денег, вы просчитались! У меня больше ничего нет! Хотите посмотреть?

— Погоди, милая, не кричи. Мы не сделаем тебе зла, и нам не нужны твои деньги. Правда, Хугин?

Пес хрипло гавкнул, видимо, подтверждая слова хозяйки.

— А что же вам надо? — осторожно спросила я.

— Просто предупредить тебя. Можно сказать, это мой маленький должок, — старуха хихикнула. — И не бойся. Не нас тебе надо бояться.

— А кого же?

Старуха перевернула мою ладонь и принялась тщательно ее изучать, поднеся совсем близко к подслеповатым глазам:

— Гммм, — сказала она и покачала головой. — Пожалуй, для верности спросим у друзей. Погоди, сейчас я достану свою колоду...

Она выпустила мою руку, и я на всякий случай отступила от гадалки на шаг.

— Я уже говорила, что не смогу заплатить вам за гадание, — еще раз предупредила ее я.

Пес сердито гавкнул.

— Ну что ты все о деньгах. Такая молодая, а только о деньгах и говоришь, — укорила меня гадалка, — и, клянусь своей душой, на тебе не будет никакого долга.

Я уже сомневалась. Разумеется, мне было любопытно, о чем хочет предупредить меня ворожея. Заглянуть за завесу, скрывающую судьбу, — всегда интересно. Я перевела взгляд на пса. Он смотрел прямо мне в глаза. Странно, я всегда думала, что животные не выносят взгляда человека

и всегда отводят взгляд, а этому хоть бы что. Напротив, пес даже оскалился так, что на его выразительной морде появилось подобие ехидной улыбки, и кивнул кудлатой головой: «Мол, ну что, оставайся». И я осталась.

Меж тем старуха нащупала под платком и извлекла на свет потрепанную колоду черных карт. Бурча себе под нос что-то непонятное, она перемешала их и протянула мне.

— Вытяни три любые, — предложила она.

Я немного помедлила, прежде чем прикоснуться к истрепанным картам с таинственным алым символом на рубашке, но тем не менее протянула руку. От карт, казалось, исходило тепло.

Я наугад, как и говорила старуха, вытянула три карты и мельком взглянула на них. На одной на фоне древнего языческого храма была изображена египтянка. Под картинкой было по-английски написано: «Верховная жрица». На второй мчалась куда-то карета, запряженная демоническими лошадями. Она живо напомнила мне экипаж графа Дракулы из одноименного фильма. «Колесница», — гласила надпись под этой картинкой. На третьей был изображен некто рогатый и козлоногий, попирающий кучу черепов. Надпись «Дьявол» рассеивала последние сомнения.

— Вот, пожалуйста, — протянула я карты старухе.

Она приняла их и, поднеся к глазам, закивала седой головой:

— Я была права, девочка. Смерть ходит за тобой по пятам. Тебе угрожает ужасная опасность. Помни, что речь идет не только о твоей жизни, но и о твоей бессмертной душе! Бойся ночи! Бойся! В тебе дремлют великие силы, однако судьба еще не определила, к добру это или к худу...

Я плохо понимала, о чем она говорит, от ее хриплого голоса, напоминающего воронье карканье, мне уже стало страшно.

— Что за опасность? — переспросила я.

— Мы пока не можем тебе сказать. Ночь не простит нам, правда, Хугин? — Услышав свое имя, собака еще раз подтверждающе гавкнула. — Прислушайся к себе. Спасение — в твоей душе. Пойми это.

— Как мне понять, если вы изъясняетесь загадками, — сухо сказала я. Гадалки часто сплетают нечто непонятное, что можно трактовать совершенно по-разному, но я вдруг вспомнила ту ужасную тьму, что говорила со мной во снах, и невольно поежилась. Старуха случайно попала практически в точку.

— Они хотят тебя! Они охотятся за тобой! Они совсем рядом! — снова заговорила старуха, глядя на меня беспокойными, словно пламя костра, глазами. — Берегись! Их отметка вот здесь, у тебя на лбу!

С этими словами она протянула ко мне свою высохшую руку, и я вдруг увидела, что это вовсе не рука, а кривая птичья лапка.

Не сдержавшись, я вскрикнула и отступила, а Хугин хрипло залаял. Вернее, захохотал.

— Только он поможет тебе! Проси у него защиты! — сказала старуха и ткнула скрюченным пальцем-когтем в ужасного пса.

Но я уже не слушала ее, а бежала, охваченная ужасом, прочь, не разбирая дороги.

А вслед мне несся ужасный хохот сумасшедшей старухи и хриплый лай пса.

Сама не знаю, как я добралась до метро. Я пришла в себя уже на сиденье грохочущего поезда. Старуха ужасно меня напугала. И она, и ее пес были, вероятно, самыми жуткими существами, каких я когда-либо видела. Я очень люблю собак, но этот Хугин, или как там его звали, поразил меня. У него были совершенно человеческие глаза. Еще немного, и он бы, чего доброго, сам заговорил со мной!..

Нет, все-таки гадалка несла полнейший бред. Ну кто станет на меня охотиться? Какая опасность может угрожать мне, обычной московской школьнице? Ну ладно бы я была дочерью олигарха, но мой-то папа уж точно не олигарх!

«Просто забудь об этом. Сделай вид, что ничего не произошло», — уговаривала я себя. Но ужасный смех по-прежнему звучал в моих ушах, и страх железными зубами вгрызся в сердце.

Понедельник не принес больших неожиданностей. Я проснулась ровно за пару минут до звонка будильника, погуляла с Джимом, затем привела волосы в порядок, надела линзы и чуть-чуть подкрасила глаза.

В это время мама приготовила нам завтрак. Мы с папой поели, соревнуясь, кто быстрее, а потом он повез меня на автобусную остановку.

— Будь огурцом! — сказал он на прощанье, и я засмеялась.

Это наша давняя, еще детская шутка. Про огурца-молодца. Когда я слышу ее, на сердце всегда теплеет.

Подошел автобус. Я влезла в него, поздоровалась с Андреем и, усевшись на свое привычное место, стала терпеливо ждать, пока мы соберем по остановкам всех ребят, кто, как и я, имеет счастье пользоваться услугами школьного автобуса.

До начала уроков мне не удалось поговорить с Артуром. Он снова немного опоздал (вот так и убеждаешься в преимуществе простого школьного автобуса перед «Роллс-Ройсами»). А далее его вниманием полностью завладела Виола, и я едва смогла застать его одного.

— Привет, — сказала я, наконец столкнувшись с ним на школьном дворе.

Артур задумчиво стоял в тени деревьев. Я вообще заметила, что он недолюбливает солнце, видимо, оберегая бледную кожу от загара. А зря. По-моему, легкий загар все-таки был бы ему к лицу.

— И тебе привет, — отозвался он.

Он смотрел на меня совершенно равнодушно, и по его лицу невозможно было ничего прочитать.

— Я увлекаюсь журналистикой и веду внутришкольную видеопередачу, — перешла я к делу. — Думаю, ребятам будет интересно узнать о тебе побольше. Не согласишься ли дать небольшое интервью?

— Хорошо, но только с двумя условиями.

Терпеть не могу таких ребят, которые сразу же начинают звездить и ставить всякие условия. Можно подумать, он какая-нибудь важная персона, за которой я гоняюсь, мечтая об интервью как о манне небесной. А ведь, с другой стороны, и вправду гоняюсь. Лена недвусмысленно намекнула, что это мой шанс реабилитироваться после первого провала.

Но я, понятно, не стала сразу орать: «Конечно, я на все согласна!», а, напротив, выдержала паузу, не выдавая своего интереса.

— Первое — я могу не ответить на какой-нибудь вопрос безо всяких объяснений, — продолжил он, я кивнула. — А второе — не честно, если вопросы будешь задавать только ты. Предлагаю устроить обмен. Сначала ты задаешь вопросы мне, потом я тебе.

Его условия меня поразили. С чего это он вздумал интересоваться моей жизнью?

— Ну ладно, — тем не менее согласилась я, — но не ожидай, что услышишь что-нибудь необыкновенное. И тоже с двумя условиями: я, как и ты, могу не отвечать на некоторые твои вопросы — это раз, и ты поклянешься не трепаться о моих ответах в классе — это два.

— Согласен, — серьезно сказал он.

— Часа в три, после занятий, в рекреации под пальмой тебя устроит?

— Вполне, — согласился он.

Приближалось время уроков, и мы пошли в класс.

Сказать по правде, мне было приятно идти рядом с Артуром, ощущая его плечо совсем близко от своего.

И тут на нас, будто смерч, налетела Вика.

— Привет! — закричала она мне, заметив нас с другого конца коридора. — А ты не познакомишь меня со своим приятелем?

Это она, понятно, об Артуре.

Я не стала ее разочаровывать, объясняя, что он мне вовсе не приятель. Да этого и не потребовалось, потому что Вика уже не обращала на меня никакого внимания, полностью сосредоточившись на Артуре.

— Жалко, что ты не пошел к нам. Наш класс дружнее, и вообще предметы дают лучше, — затараторила она. Я смотрела на нее в испуге. Насколько я знаю, Вику не слишком интересует учеба. — Кстати, ты можешь приходить к нам на какие-нибудь лекции. Вот Димка Фролов из вашего класса всегда к нам на информатику ходит. Придешь?

— Тебя что, вербовщиком назначили? — не выдержала я.

Вика удивленно взглянула на меня:

— Ой, а я думала, ты уже ушла...

Ну вот уж спасибо. Вот как проявляется верность подруг. Стоит только появиться более-менее симпатичному парню — и вся девичья дружба летит в тартарары.

— Не волнуйся, уже ушла, — ответила я и, повернувшись к ним спиной, пошла по коридору.

И кто придумал положить на полу ковровые дорожки такого дурацкого синего цвета?!

Глава 5

После уроков мы, как и договаривались, встретились в рекреации.

Я села неподалеку от Артура, а Димка включил камеру и устроился напротив нас.

Только сейчас я обратила внимание, какие у Артура ухоженные руки. Бледные тонкие пальцы выглядят очень аристократично, на указательном — красивый перстень с черным, как кусочек ночи, камнем. Ногти его тоже казались идеальными. Даже легкая небрежность в прическе была не случайной, а отражала, как я понимаю, последние тенденции молодежной моды. У любого другого это все, возможно, выглядело бы нарочито, но ему почему-то удивительно шло и, главное, казалось естественным, единственно правильным.

— Артур, — начала я интервью, — когда у тебя день рождения и кто ты по знаку Зодиака?

— В начале мая. Я тебя приглашу, — ответил он так серьезно, что я даже растерялась. — Я Телец, если ты веришь в астрологию.

— А если не верю? — не смогла удержаться я от вопроса.

— А если не веришь — то тигр.

— Ты намекаешь, что в каждом из нас есть и хищник, и жертва?

— Вовсе нет. — Он смотрел на меня по-прежнему серьезно, и я заметила, что его темные вишневые глаза не моргают. — Скорее только один.

— И ты считаешь себя хищником? Почему?

— Потому что быть жертвой — жалкая роль. А я привык получать то, что хочу.

— А что ты хочешь?

Он посмотрел на меня и покачал головой:

— Вторая попытка.

— Хорошо, — согласилась я, — возможно, ты расскажешь нам о своих увлечениях?..

— Боюсь, ничего особенного. Книги. Музыка. Что еще остается?

— А что ты больше всего любишь?

— Смотреть, как восходит солнце, — неожиданно ответил он.

И я вздрогнула, вспомнив, как стояла, глядя на восходящее солнце, утром первого сентября.

— Ты романтик? — спросила я просто для того, чтобы что-то сказать.

— Не люблю таких слов. В чем-то романтик, а в чем-то — нет.

Мы еще немного поговорили об Англии и школе, в которой он учился, Артур обещал выслать мне фотографии, которые мы сможем использовать при подготовке передачи, и на этом интервью было завершено. Не самое, прямо скажу, удачное из всех. Я до сих пор почему-то продолжала робеть и теряться в обществе Артура.

Димка выключил камеру и принялся ее зачехлять, поглядывая на меня.

— Теперь твоя очередь, — напомнил мне Артур.

Я робко взглянула на Димку.

— Мы договорились с Артуром, что я в свою очередь тоже отвечу на его вопросы, — объяснила я. — Хочешь, останься с нами.

— Нет, я пойду, — буркнул Фролов и ушел, ни разу не оглянувшись.

Я смотрела в его прямую, напряженную спи-

ну и почему-то чувствовала себя ужасно виноватой. Интересно почему? Артур же не звал меня на свидание, а если бы даже позвал, Димка мне только друг. Я могу встречаться с кем пожелаю. Но чем больше я уговаривала себя, тем неспокойнее становилось на душе.

Я очнулась от задумчивости и увидела, что Артур внимательно разглядывает меня, словно попавшую под микроскоп диковинную букашку.

— Ну что ты хотел спросить? — пошла в наступление я.

— Может, не здесь? Я знаю одно уютное кафе. Это недалеко, на Арбате.

Конечно, любая девчонка поедет с ним куда угодно.

Но только не я.

Я уже открыла рот, чтобы сообщить ему об этом, но тут Артур вдруг встал и, глядя куда-то в конец коридора, сказал:

— Кажется, Виола. Ты же не хочешь, чтобы она присоединилась к нашей беседе?

— Поехали, — быстро согласилась я.

— Тогда прячься. — Артур подмигнул мне, и мы, не сговариваясь, нырнули за спинки кресел.

В коридоре уже вовсю стучали каблучки, и я пригнула голову пониже, стараясь, чтобы меня не было видно.

Боже мой! Я не занималась этим, наверное, с третьего класса!

Виола прошла мимо нас, не заметив, и Артур, осторожно выглянув из-за кресла, таинственно поманил меня рукой.

— Пошли быстрее! — прошептал он.

И мы, как персонажи какого-нибудь фильма про спецагентов, которым нужно проникнуть на вражескую базу, тихо выскользнули из рекреации и, получив у классной пропуск на выход из школы, покинули alma mater и оказались у ворот, где уже ждал черный «Роллс-Ройс».

— Садись, — сказал Артур, распахнув передо мной заднюю дверцу.

Поколебавшись несколько секунд, я села на мягкое сиденье, и дверь за мной захлопнулась.

Весь салон автомобиля был оформлен в контрастной черно-серебристой гамме. Сзади, вместо привычного диванчика, располагались удобные кресла, обтянутые матовой черной, очень приятной на ощупь кожей. Откинувшись на спинку, я вдохнула запах кожи и тот волнующий пряно-древесный аромат, который всегда сопровождал Артура, и почувствовала, как по моей спине пробежали мурашки.

Тем временем едва слышно хлопнула дверца — это сел на свое место Артур. Машина совершенно беззвучно тронулась.

— В «Элис», — коротко бросил Артур, и я поняла, что возит его не отец, а персональный шофер.

Я плохо разглядела человека за рулем, да и что его, собственно, разглядывать: обыкновенный темноволосый мужчина лет, может быть, сорока. А может, и не сорока — я никогда не разбиралась в возрасте. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Я тоже молчала, немного придавленная окружающим великолепием. Со стареньким отцовским «опельком» не сравнить в любом случае.

Ехали мы, правда, недолго — всего минут десять, кружа по каким-то узким переулкам. Видимо, шофер отлично ориентируется в центре, а я с ужасом думала, как буду искать дорогу к метро. На такси до дома карманных денег ну никак не хватит.

Мы остановились у неприметной двери со скромной вывеской: «ЗАО «Элис». Поглядишь на нее и подумаешь, что за ней скрывается какой-нибудь небольшой офис, и ни за что не заподозришь кафе.

Мы спустились на несколько ступенек вниз и вошли в полуподвальное помещение.

Обставлено оно было в средневековом стиле — каменный пол, облицованные крупными серыми камнями стены, мощные дубовые столы, у которых вместо привычных стульев или кресел стояли массивные скамьи, и, конечно же, большой красивый камин — совершенно настоящий, с дровами. Освещался зал несколькими тусклыми лампами, свисавшими с потолка на толстых железных цепях. А в его углах прочно обосновалась тьма.

Посетителей тут почти не было. Я разглядела всего двоих мужчин в углу.

— Сюда ходят только свои, — пояснил Артур, видя мое недоумение. — Выбирай место.

Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что все — и беседующие за бокалом вина мужчины, и огромный гороподобный охранник, и застывший в почтительной позе метрдотель — на самом деле внимательно наблюдают за мной.

Хотя, конечно же, только показалось. Подобный эффект бывает, когда наденешь что-нибудь новое и тебе так и мерещится, будто все встречные смотрят только на твою персону.

И все-таки я выбрала самый дальний угол зала, села на лавку, на мягкую подушку. Стена, служившая мне спинкой, тоже, к большой неожиданности, оказалась мягкой. Суперское дизайнерское решение — сделать подушки в виде камней. С ним поспорит разве что идея делать камни в виде подушек.

Долговязый официант принес нам меню в огромной папке из кожи, с резными золотистыми накладками.

Цен в меню почему-то не было — только названия блюд.

— Кафе принадлежит друзьям моего отца, — вновь заговорил Артур. — Выбирай что понравится. Это угощение.

Артур заказал себе коктейль. Я взяла кофе по-ирландски и тирамису. Ну что поделать, если сладкое — моя слабость. Да, я люблю пирожные, но, как говорит мама, все не впрок: как была тощей, так и осталась.

В кафе играла тихая, едва слышная музыка, потрескивали поленья в камине, и мне вдруг стало спокойно и очень уютно.

Заказ принесли минуты через две. Вот что значит обслуживание для своих!

Я заметила, что официант очень почтителен к моему спутнику и явно видит его не первый раз.

— Славное место, — сказала я, приподнимая изящный бокал кофе, чтобы разглядеть его по-

ближе. Он был немного влажный, и на деревянной поверхности стола отпечатался круг.

— И не думай приходить сюда без меня, — предупредил Артур. — Здесь только для своих. Можно сказать, спецобслуживание.

— Понятно, — пробормотала я, хотя, по правде сказать, ничего не поняла.

— Ну рассказывай, — сказал мне Артур и приготовился слушать, с удобством расположившись на своей лавке и потягивая через трубочку густой то ли клубничный, то ли вишневый коктейль.

Я тоже отпила немного кофе. Божественно! Наклонилась к бокалу, вдохнула аромат, слизнула с ложечки немного взбитых сливок...

А жизнь-то, оказывается, прекрасна. И весьма удивительна. Думала ли я еще хотя бы неделю назад, что буду сидеть в чудесном кафе, наслаждаясь ароматнейшим кофе и глядя в глаза, наверное, самого красивого парня, какого я когда-либо встречала.

— Полина, — снова заговорил он, поняв, что я не спешу «рассказывать», — а о чем ты мечтаешь? Только не говори, что быть журналисткой. С момента нашего знакомства ты в той или иной форме повторила это не менее трех раз.

— Что, правда? — я растерялась.

— А ты сама посчитай, — предложил он, — но у тебя же есть заветная мечта?

Я ожидала от него чего угодно, только не этого. Я мечтала о многом. О том, чтобы меня любили, чтобы в классе ко мне перестали относиться как к смешной приблудной собачонке, чтобы у родителей было больше свободного времени, чтобы я вдруг волшебным образом превратилась в красавицу, а на земле не случалось катастроф и не было одиноких бродячих собак и кошек — чтобы у них у всех обязательно были заботливые и любящие хозяева... Но одно звучало глупо, другое — слишком высокопарно, третье — сразу было видно, относилось к области самой ненаучной на свете фантастики. И все в целом сводилось к одному.

— Все просто, — ответила наконец я, — я мечтаю о счастье.

Он кивнул, будто это туманное объяснение его вполне устроило.

— А что для тебя значит дом?

Совсем не характерный вопрос для богатенького благополучного мальчика.

— Ну, — задумалась я, — дом — это место, где всегда тепло. Я знаю, что родители любят меня такой, какая я есть. Это место, где можно укрыться от всех непогод.

— Расскажи, — попросил он, и я увидела в его глазах настоящую печаль. (Ну ему-то что печалиться о доме?! У него же все есть? Или...)

И я, удивленная и растроганная его вниманием и сочувствием, принялась рассказывать. Слова, как река, сметающая на своем пути все запруды, полились из моего горла.

Обычно я очень осторожна и, привыкнув ко всяким школьным подлянкам, стараюсь максимально закрыться, прячусь, как улитка, в панцирь холодности и равнодушия.

Но сейчас я рассказала ему все. Про родителей, и про Джима, и про всякие пустяки и мело-

чи, которые случались у меня в жизни. Даже ту историю с котенком, которая тяжелым камнем лежала у меня на сердце.

Мне тогда было десять лет, и однажды я нашла на улице крохотного котенка, пищащего так жалобно, что у меня чуть не разорвалось сердце. Я подобрала его, посадила под куртку и принесла домой. В тот день ни отца, ни матери не было. Я положила его на диван, налила в блюдечко молоко и нарезала колбасы. Котенок жадно все съел, а потом у него начались приступы жестокой рвоты.

Когда вернулись родители, я рыдала над его уже начавшим остывать тельцем. Я до сих пор ужасно виню себя в этой смерти и, хотя родители тогда всячески пытались успокоить меня, в глубине души думаю, что, если бы не я, он бы еще мог жить.

Когда я рассказывала это, Артур сжал мою руку в своих сильных ладонях. Он ничего не говорил, но я чувствовала, что он не остался равнодушен, что мои слова глубоко его волнуют.

— Нельзя винить себя во всех смертях на свете, — сказал он, доставая из салфетницы бумажную салфетку и промокая с моих щек слезы. — Смерть бывает безобразна, бывает страшна, а бывает, что она становится избавлением. Знаешь, как воздушный шарик, когда отпускаешь нитку, поднимается ввысь, к небесам. Хотя легче принять собственную смерть, чем смерть тех, кто тебе действительно дорог...

В его словах прозвучало что-то очень личное, и я догадалась, что в его жизни были жестокие потери. Возможно, не я, а именно он имеет полное право на сочувствие, но не ищет, не требует его.

— Я хотела бы стать такой же сильной, как ты. — Я смотрела в его глаза, позабыв о давно остывшем кофе да и, если на то пошло, обо всем мире.

— Нет, только не такой. И не подобной ценой, — ответил он и приложил палец к моим губам, — погоди, не говори ничего.

И мы сидели так близко друг от друга, слушая треск древесины в камине, позабыв о времени и привычной суете.

Я смотрела в его глаза, сияющие едва различимым светом, окутывающие меня пеленой тепла и заботы, и на тень лампы на стене, и на узорную решетку старого камина, и сердце мое плавилось от нежности.

Никогда в моей жизни еще не было такого прекрасного вечера.

Признаюсь, я ожидала, что этот разговор сблизит меня с Артуром, но в школе он по-прежнему оставался холоден, будто мы и не проговорили столько времени. Будто не сидели в кафе друг напротив друга, слушая тихую манящую музыку и глядя на всполохи огня в почерневшем закопченном камине.

Он, как раньше, держался рядом с Виолой. И она, видимо, расстаравшись ради него, все эти дни выглядела даже лучше, чем обычно. Она немного изменила макияж и еще ни разу с начала

учебного года не появилась в классе в одном и том же наряде.

Да и других девчонок рядом с ним всегда было полно. Они толпились вокруг Артура, заглядывали ему в глаза и так и норовили хоть чем-то обратить на себя его внимание. Однако я не замечала, чтобы он кого-нибудь поощрял. Он держался скорее холодно и отстраненно.

И вправду, зачем ему при такой массе поклонниц бледная моль вроде меня? Поболтали как-то от нечего делать — и ладно. Хотя несколько раз я ловила на себе его пристальный взгляд. Наверное, он просто любопытствовал, почему я еще не присоединилась к его фан-клубу.

И это его равнодушие и холодное любопытство ужасно меня задевали.

«Ну неужели у него нет горячего человеческого сердца?! Неужели всем богатеньким наследникам еще в детстве вырезают его из груди — просто так, на всякий случай?!»

Я наблюдала за Артуром. Он всегда был спокоен, отстранен и ужасно загадочен. Что скрывалось за этим высоким бледным лбом, оставалось тайной за семью печатями. Даже глаза — зеркало души — будто ничего не отражали. По крайней мере, я не обладала умением в них читать.

Порой, когда он смотрел на меня, по коже пробегали мурашки и хотелось убежать, спрятаться, укрыться от этого безжалостного взгляда. Иногда мне казалось, что я — шкатулка, которую он хочет взломать. Просто так, из мальчишеского любопытства посмотреть: а что же там внутри? Вначале я отчаянно сопротивлялась, а потом вдруг поняла, что нужно, наоборот, расслабиться и представить, будто нас что-нибудь разделяет. Например, толстая ледяная стена. Я воображала ее себе в мельчайших подробностях — гладкую, переливающуюся всеми цветами радуги на холодном северном солнце. Я не смотрела Артуру в глаза, а разглядывала эту стену до тех пор, пока мне не становилось действительно холодно.

Учился Артур хорошо, но как-то без огонька. Он не стремился продемонстрировать свои познания, однако, когда его спрашивали, отвечал весьма толково. Неудивительно, что языками — английским и французским — он владел если не в совершенстве, то, на мой взгляд, весьма близко к нему. Неожиданно обнаружилось, что и в точных науках он имеет весьма обширные познания.

Честно сказать, я никогда не видела столь гармонично и всесторонне развитого человека.

Я смотрела на него и пыталась найти хоть какую-нибудь отрицательную черту. Даже его гордость и отчужденность отчего-то представлялись мне достойными уважения. Он не заискивал ни перед кем в классе и, когда Олег Бергов — наш классный Наполеон — попытался его задирать, живо поставил его на место, всего лишь небрежно бросив пару слов. Глядя на них, у меня создалось ощущение, что Артур — по-настоящему взрослый, а Олег для него — ребенок, который не стоит внимания.

— Да что вы нашли в этом новеньком? Ну, тачка у него крутая, и что? — говорил Олег, разумеется, когда Артура не было рядом.

И, к моему огромному удивлению, за Артура

тут же вступилась Виола. Раньше за ней такого не водилось.

— Не только тачка, — сказала она, глядя на Олега сверху вниз — и это при том, что сама была ниже его ростом. — Придется кому-то смириться, что появился некто круче и умнее, чем он!

Это один из редких случаев, когда я была полностью согласна с Виолой.

Однако поведение Артура меня смущало. Не похоже, чтобы он стремился занять место Олега и стать лидером класса. Одевался он очень дорого, однако не придавал одежде слишком уж большого значения и не трепался о дизайнерах и о тряпках.

Загадочность — вот что скорее всего определяло всю его личность. Я никогда не встречала столь таинственного и странного человека, и это влекло меня, как дикаря — блестящая игрушка. Когда Артур разговаривал с ребятами — слегка небрежно, рассеянно, я никак не могла избавиться от ощущения, что в это время он обдумывает что-то свое, безусловно, очень важное.

И еще одна странность: он никогда не ел вместе с нами. Честное слово, кормят у нас весьма прилично, я бы даже сказала: вкусно, но он, если даже брал что-нибудь, только поковыряет вилкой — и отставит в сторону. Насколько я заметила, пил он только коктейль, который смешивал себе сам. Возможно, он все-таки был метросексуалом и заботился о фигуре, а может, у него имелись проблемы с желудком. Кто знает? Во всяком случае, не я.

Вскоре Артур в очередной раз меня удивил. Однажды, во время дополнительных занятий, классная предложила нам написать сочинение на тему «Какой я вижу свою взрослую жизнь».

Тема показалась мне интересной, и я тут же бросилась писать. В голове мелькали тысячи образов. В ближайших планах было поступить в университет, закончить его и найти работу в престижном издании, много ездить по всему миру, самостоятельно себя обеспечивать и со временем, конечно, переехать в новую отдельную квартиру, перевезти туда Джима... Нет, наверное, у меня будет сразу несколько животных, о которых я смогу заботиться, а когда я стану приходить усталая с работы, они будут встречать меня в коридоре. Я вообще сделаюсь самостоятельной и ужасно уверенной в себе. В воображении сразу возникла картинка: я, но как бы уже и не я, а спокойная красивая девушка в элегантном светло-бежевом костюме и классических туфлях-лодочках, которая появляется на выставках и презентациях, берет интервью и тут же, с какой-нибудь деловой встречи, мчится в аэропорт, чтобы провести уикэнд где-нибудь на Средиземном море. А потом снова работа, и благодарности начальства, и — а почему бы, собственно, и нет? — вручение мне какой-нибудь престижной премии... На моменте премии я и задумалась, найдется ли тот, кто порадуется этому вместе со мной. Ну, кроме родителей... И выходило: кто знает? А если моя судьба — остаться одинокой? Эта мысль повергла меня в уныние, приведшее, в свою очередь, к творческому кризису. Я немного погрызла ручку, но это,

понятно, не помогло. Сочинение упорно не писалось, и я принялась разглядывать одноклассников, пытаясь угадать, кто о чем пишет.

Это оказалось совсем несложно.

Димка, как всегда, серьезен. Пишет очень медленно, вдумчиво. Готова спорить, он уже выстроил в уме всю свою карьеру. Даже не сомневаюсь в абсолютной реальности его планов.

Олег пишет быстро, жадно, а на губах его порхает легкая улыбка. Наверняка он тоже дошел до вручения премии или покупки какой-нибудь футбольной команды и Байконура в качестве тренировочного поля.

Виола склонилась над тетрадкой, улыбается и то и дело мечтательно поднимает глаза к потолку. Небось видит себя на вершине славы, окруженную поклонниками и изысканными букетами цветов. А вот это тоже вполне реально. Уверена, ее фотографии просто не будут сходить со страниц глянцевых изданий. Отцовские деньги плюс ее собственные внешние данные — сила. Виолино будущее предопределено и не вызывает ни тени сомнений.

Я перевела взгляд на Артура. Он смотрел на меня, а тетрадка лежала на столе даже не открытая.

В это время к нему подошла классная.

— Ты почему не пишешь, Артур? Ничего не придумывается?

— Я не понимаю, зачем придумывать. — Он равнодушно пожал плечами.

— Но разве ты ничего не хочешь от жизни? Вот, например, стать успешным бизнесменом, как твой отец.

— Не хочу, — коротко ответил он.

— Но почему?!

— Потому, что это игра. Я бы хотел просто жить и быть искренним — это все. И писать об этом бессмысленно. Может быть, я лучше поеду домой, чтобы не мешать остальным?

И наша железная классная сломалась!

— Поезжай, — неуверенно сказала она и дрогнувшей рукой подписала ему пропуск на выход.

Скажу честно, неожиданный и простой ответ Артура заставил меня покраснеть. Мой деловой костюм и красная ковровая дорожка рассыпались, словно карточный домик.

Нет, он все-таки совершенно необыкновенный человек и настоящая личность, без дураков.

Глава 6

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: наши мальчишки замышляют какую-то гадость. Так как гадости обычно предназначались мне, я решила быть настороже и по возможности узнать, что же они задумали.

Помог случай. Проходя по школьному двору во время большой перемены, я заметила через окно своих одноклассников, почему-то обосновавшихся в рекреации средней школы, на первом этаже. Я потихоньку подошла поближе к окну, которое, на мое счастье, было открыто, и прислушалась.

До меня доносились только обрывки их разговора, но общий смысл оказался понятен.

— И тогда, — говорил Олег, — я попрошу всех показать, что у вас в сумках. Девчонки, конечно, будут возмущаться. Но ты, Мишка, вывернешь свою сумку первым, а остальным придется последовать твоему примеру.

— А почему я? — басовито спросил Мишка.

— Потому что ты мой друг, а еще потому, что тебе не меньше моего хочется подставить новенького. Тебе же нравится Виола?

Мишка не ответил или ответил так тихо, что я, несмотря на все старания, ничего не расслышала.

— Идите отсюда. Видите, старшие разговаривают, — сказал кому-то Олег.

— А кто, кто ему подбросит это в сумку? Он же не оставляет ее без присмотра, — спросил Матвей.

Ну надо же, они злоумышляют против Артура всей мужской частью класса!

Надеюсь, хоть Димки с ними нет...

— Ну, Фролов тоже камеру никогда не оставлял, — хихикнул Олег, и мои кулаки непроизвольно сжались. — Всего-то минута нужна. Даже меньше. Давай, Мишаня, тебе оправдывать наше высокое доверие!

— Я не смогу, он меня застукает, — уперся Мишка.

— Ладно, — подозрительно легко согласился Олег, — я сделаю все сам, а тебе в это время придется отвлекать новенького...

Больше терпеть я не могла. Слишком часто я сама выступала в такой роли! Это надо мной на протяжение всех школьных лет любили «мило» подшутить одноклассники! Это я, сидя на полу после удачно подставленной подножки или оказавшись без тетрадки с выполненным домашним заданием, растерянно хлопала глазами, оглядывая полные фальшивого сочувствия лица «друзей по классу». Возможно, Артур и сноб. Но нельзя ставить его на место таким образом. Этого я никогда не смогу позволить!

Пылая жаждой справедливости, я вбежала в холл и кинулась в рекреацию. Все злодеи были в сборе. К огромному облегчению, Димки среди них не оказалось.

— Ты подлец, — бросила я Олегу. — Я все слышала!

— И что?

Он стоял передо мной — лощеный и наглый. Никто не назвал бы Олега красавцем — черты его лица были слишком неправильными, однако при этом в нем чувствовались обаяние и сила. Когда мы учились в средней школе, он даже нравился мне, правда, совсем недолго.

— И что же, драгоценная моя Полиночка, ты сделаешь? Сама подумай: ну зачем тебе, забыв о собственном благе, защищать избалованного красавчика, которому до тебя нет ну никакого дела? Ты что, в него влюбилась? — Бергов с деланым сочувствием приобнял меня за плечи. Остальные мальчишки с интересом наблюдали за происходящим.

— Нет, — резко ответила я и, извернувшись,

высвободилась из-под руки Олега. — А при чем тут мое благо?

— Как это при чем? — Олег, как будто удивленный, высоко поднял брови. — Ты же не думаешь, что я прощу тебе предательство? Как-никак мы с младшей школы вместе учимся, а этого хлыща ты знаешь всего без году неделю.

Когда он говорил, то казался очень искренним и открытым. Ему так и хотелось поверить.

Разумеется, я знала, что это дешевое актерство, но невольно всякий раз почему-то велась на него.

— А разве ты регулярно не делал мне гадости? — отвечала я уже не столь уверенно.

— Ну что ты, Полиночка, это были всего лишь милые шутки. Ты и не представляешь себе, что такое настоящие гадости!

Никогда еще мне не угрожали столь ласковым и безупречно вежливым тоном.

— Ты что, мне угрожаешь? — растерянно спросила я.

— Ну как ты могла такое подумать? Всего лишь предостерегаю. Исключительно из самых сентиментальных побуждений.

Матвей, не удержавшись, хихикнул.

— Все, девочка моя. — Олег похлопал меня по спине. — Ты у нас добрая и сделала, что могла. Заступилась за новенького. Ступай и больше не думай об этом, твоя совесть чиста.

— Иди, Полина, я привык решать свои дела сам, — послышался за моей спиной голос. Такой холодный, что мне показалось, будто по рекреации пробежал сквозняк, и я невольно вздрогнула.

Ребята удивленно уставились на Артура. Судя по всему, они тоже не заметили, когда именно он к нам подошел.

Я застыла на месте.

Артур посмотрел на меня с недоумением.

— Я никуда не пойду. Это и мое дело тоже, — твердо сказала я.

Он пожал плечами и тут же, будто забыв о моем существовании, повернулся к Олегу:

— Ну, показывай, чем ты хотел нас удивить? Вот этим? — Он кивнул на пакет, который тот держал в руках.

Надо же, а я и не обратила на сверток внимания.

Олег смутился. На это стоило посмотреть! Я уселась в удобное кресло и приготовилась следить за разворачивающимся перед глазами фарсом. Не хватало только колы и попкорна.

— Ну давай, покажи, что ты собирался подкинуть в мою сумку.

Не понимаю, откуда ему все известно?! Неужели он был здесь с самого начала?!

— На самом деле я уже знаю, но все-таки покажи. — Артур шагнул к Олегу и схватил его за ворот модной куртки.

— Эй! — попробовал вмешаться Мишка Сорин. — Ты чего к нему пристал? Шел бы... своей дорогой.

— Пойду, но сначала разберусь с шакалами, вдруг возомнившими себя львами. — И Артур так посмотрел на Мишку, что тот предпочел замолчать.

Даже странно, ведь если соотносить Артура и

Мишку, последний превосходит своего соперника на целую голову и шире в плечах раза в два.

— Полина все неправильно поняла, — заявил Олег, к которому уже успел вернуться его обычный апломб. — Я вижу, что с тобой можно поладить...

— Нельзя. — Одним неуловимым движением Артур прижал Олега к стене и взглянул ему прямо в глаза. — Показывай.

И Олег повиновался. Послушно, будто сомнамбула, он открыл мешок и достал оттуда... я не поверила своим глазам! — журнал для геев «Квир» и дешевое женское белье в цветочек, такого отвратительного кричаще-розового цвета, что я невольно зажмурилась.

— Ты правда хотел, чтобы это нашли у меня в сумке? — равнодушно поинтересовался Артур. — Глупая затея.

— Ну почему же? — вмешалась я. — Не такая уж глупая. Журнал и ориентацию тебе еще могли бы простить, но это ужасное белье — никогда. Все бы посмеялись, а наши девчонки сложили бы губки бантиками и сказали бы что-то вроде: «Фи! Какое убожество!» Я подобную подставу, кажется, в каком-то фильме видела.

Но Артур по-прежнему не обращал на меня внимания. Он сосредоточенно смотрел на Олега.

— Ты сейчас наденешь все это на себя и в таком виде пройдешь по школе, — сказал он.

— А вот это тоже подло! — не выдержала я, впрочем, не очень-то надеясь, что Артур меня услышит.

Но он услышал.

— Хорошо, ты свободен. Мы поступим с тобой по-другому.

Олег вздрогнул и потер ладонями виски, будто очнувшись от сна.

— Пусть все будет по правилам. Дуэль, — произнес Артур, и я вздрогнула. Не ожидала такого от лощеного и суперсовременного парня. Дуэль — это что-то в духе Дюма или на худой конец Куприна. Наверное, Артуру в детстве нравились подобные книги...

— Нет, драться я с тобой не буду, — продолжал Артур как ни в чем не бывало. — Надо дать тебе шанс. После уроков жду тебя здесь же. А это... — он кивнул на извлеченные из пакета глянцевое издание и уродливые шмотки, — мы выбросим. Или они дороги тебе как память?

Олег молча помотал головой.

— Вот и хорошо, — кивнул Артур. И ушел, не сказав больше ни слова.

Мы остались в рекреации. Мальчишки молчали.

— В другой раз будете знать, с кем связываться, — торжествующе изрекла я и удалилась с видом наследной принцессы.

Пока в школе шли уроки, Олег и другие мальчишки вели себя тише мышей. Я была довольна: не каждый день насладишься столь необычным зрелищем.

Когда занятия наконец закончились, мы снова собрались в рекреации на первом этаже.

На этот раз Артура пришлось подождать ми-

нут десять. Олег явно нервничал, слоняясь из угла в угол и срывая раздражение на своих приятелях.

Я сидела на диване с книжкой, однако буквы плясали перед моими глазами и сосредоточиться на чтении совершенно не удавалось.

Но вот наконец и Артур. Увидев его, я отложила бесполезную книжку и приготовилась к продолжению спектакля.

— Выходим из школы по одному, — сообщил он, — встречаемся через пять минут за углом, чтобы от ворот не было заметно. Понятно?

Лично мне было непонятно. Видимо, Олегу тоже.

— Ну, — сказал он с показным безразличием, — и что ты там задумал?

— Ничего особенного. Увидишь. Впрочем, ты в любой момент можешь просто признать свое поражение и отказаться от дуэли.

Олег пожал плечами:

— Ладно, через пять минут на углу.

Когда я уже выходила из здания школы, меня догнал Димка.

— Эй, Полина! Ты куда? — спросил он.

— Да так, есть дело, — и я вкратце рассказала ему об Олеге.

Димка нахмурился.

— Не нравится мне это, — пробормотал он, — может, тебе лучше не вмешиваться? Мало ли что?..

— Поздно, Дубровский, — провозгласила я. — Уже вмешалась. И теперь придется проследить, чтобы все было по правилам.

Димка вздохнул:

— Ладно, погоди, сейчас за сумкой сбегаю.

— Это еще зачем?

— Ну не думаешь же ты, что я отпущу тебя одну с этими идиотами?..

Он вернулся с сумкой, и мы вместе подошли к условленному месту, где нас уже ждала вся компания.

Мне показалось, что Артур посмотрел на меня неодобрительно. А что? Между прочим, я имею право приходить с кем хочу. Мало ли что? Вот на него самого уж точно полагаться нельзя: сначала водит в кафе и изображает из себя милого собеседника, а потом смотрит на тебя как на пустое место.

Димка — другое дело! Ему-то всегда можно доверять.

Меж тем Артур подвел нас к девятиэтажному белому дому, набрал какой-то код, и подъездная дверь открылась.

— Пойдемте, — сказал он и скрылся в полутьме подъезда.

Становилось все интереснее. И что это он задумал?..

Вслед за ним мы поднялись до последнего этажа, там Артур вышел на лестничную клетку, и, с полминуты поковырявшись в замке решетчатой двери, ведущей на чердак, открыл ее.

Я просто не знала, что и думать о таких умениях. Честное слово, если бы мне не было доподлинно известно, что Артур — избалованный сынок весьма и весьма богатых родителей, я реши-

ла бы, что свое детство он провел в дворовой компании.

Так же молча мы поднялись на чердак, а оттуда, через люк, с которым Артур управился столь же быстро и ловко, вылезли на крышу.

— Ну, а теперь что? — не выдержал Олег.

Я заметила, что он по-прежнему очень нервничает.

— А теперь — дуэль. Вернее, маленькое испытание, — Артур подошел к бордюру на краю крыши и с любопытством посмотрел вниз. — Давай покажи, какой ты храбрый. Сможешь пройти по карнизу, скажем, ровно двадцать шагов?

— А сам? Может, ты сам сначала пример покажешь? — спросил Олег, и ребята загалдели, поддерживая его.

— Хорошо. — Мгновение — и Артур уже стоит на самом краю крыши.

Я невольно вскрикнула.

— Это глупая шутка, — пробурчал Димка, — слезай лучше оттуда.

— Погоди, — воспрянул духом Олег, — ты вообще в нашем... споре не участвуешь. Так что стой и молчи.

Артур презрительно улыбнулся и, не глядя на нас, легко прошелся по краю крыши. Будто нарочно, он шел совсем близко к внешней стороне бордюра.

В какой-то момент я не выдержала и села на корточки, закрыв лицо руками. Я просто не могла на него смотреть. Я не хотела видеть, как он полетит вниз, словно вырезанная из бумаги фигурка...

— Все, Полин, в порядке. Да цел он, цел, — сказал мне Димка.

Я осторожно убрала руки. Артур уже стоял на безопасном от края расстоянии и выжидающе смотрел на Олега.

— Если повторишь это, считай, мы на равных.

Олег кивнул. Бодро подошел к бордюру и остановился. Он неподвижно стоял минуты три. Все напряженно молчали, буравя взглядами его спину. А потом вдруг развернулся, бегом бросился к люку и скрылся внизу.

— А что, правильно сделал. Не то что некоторые показушники, — бросил сквозь зубы Димка, но Артур будто его и не услышал.

— Ты молодец, сразу видно, свой человек, — пробасил Мишка. — Ты на нас не сердись.

— Да, — добавил Матвей, — Олег только пыль в глаза пускать умеет, а так — тьфу.

Последние слова почему-то вдруг привели Артура в ярость.

— А вы смелые? Хотите попробовать? — спросил он, шагнув к ребятам.

Я подумала, что он сейчас их убьет, и бросилась наперерез Артуру. Он остановил меня всего лишь одним взглядом. Потом постоял и, молча, как прежде Олег, скрылся в темноте чердака.

— Думай что хочешь, но он какой-то ненормальный, — сказал мне Димка, когда мы ехали с ним на метро домой.

С этого дня Олег словно затаился и старательно избегал Артура.

Не знаю уж, кто постарался, но буквально на

следующий же день слух о дуэли просочился в школу. И участников, и свидетелей ее даже вызывали к директору. Почему-то никто из них не назвал моего имени, и эта участь меня миновала. А за Артуром окончательно закрепилась репутация эдакого таинственного героя.

Глава 7

В нашей школе, помимо лекций и семинаров, любят устраивать так называемые тренинги, являющиеся зачетами по целому комплексу предметов. В филологическом классе за основу такого тренинга обычно брали какое-нибудь классическое литературное произведение, арендовали в театре костюмы и выделяли под действо два-три учебных дня, во время которых мы словно бы жили внутри этого произведения.

В этом году за основу был выбран роман Льва Толстого «Война и мир», разумеется, претерпевший серьезные сюжетные преобразования. В ходе испытания мы должны были действовать в рамках описываемой эпохи, беседовать о политике и экономике, писать друг другу и вести светские разговоры исключительно по-французски.

Начинался тренинг в конце третьей учебной недели, а до этого мы распределяли роли, получали инструкции и всячески готовились к предстоящим испытаниям.

Так как в классе нас насчитывалось всего девять человек, участвовать в действии должны были всего три семейства: Ростовы, Болконские и Курагины.

Главная роль, а так традиционно воспринимался образ Наташи Ростовой, разумеется, досталась нашей сияющей звезде с простым сырным именем. Князя Андрея взял на себя Олег. Николая Ростова — Миша Сорин. Блистательной Элен вызвалась быть Натали, а ее братом Анатолем, к моему удивлению, Артур. Мне досталась роль княжны Марьи Болконской. Как сказала Виола, очевидно, намекая на мою невзрачную внешность, роль как раз для меня. Димка долго упирался, пытаясь отвертеться от участия в тренинге и апеллируя к тому, что надо же кому-то снимать это на камеру. Однако классная доходчиво объяснила ему, сколь важны такие тренинги, да и операторскую работу есть кому поручить. У Пашки Перовского, учащегося на класс младше, давно уже чесались руки. В итоге Димке пришлось смириться, передать камеру Пашке, предварительно выговорив себе право принимать участие в монтаже, и согласиться изображать старого князя Николая Болконского. Подозреваю, немалую роль тут сыграл нелюдимый характер князя и его любовь к точным наукам, позволяющие Фролову быть почти что самим собой. Ну и, разумеется, то, что я окажусь поблизости и в любом случае помогу с французскими письменами. Француженкой мадмуазель Бурьен, живущей при нашей семье, стала Галя, а отцом Элен и Анатоля Курагиных — Матвей.

Последние дни перед тренингом оказались насыщенными: мы с Димкой не только готовились к предстоящему событию, но и продолжали работу над передачей, и мне некогда было даже

подумать обо всяких пустяках. Вот уж верно говорят: всякая хандра идет от безделья.

Но вот, наконец, наступил день «икс».

Нам раздали костюмы, и мы принялись приводить себя в порядок.

Мне, как княжне Марье, досталось простое синее платье. Полукруглый вырез, отороченный гладкой черной лентой, длинный рукав, широкая лента под грудью и подол, закрывающий ноги до самых туфелек. Платье мне скорее понравилось своей простотой и ненавязчивой элегантностью. На мой вкус, оно давало сто очков вперед тому воздушно-розовому безе, в которое облачили нашу главную героиню. Приглашенный стилист помог мне убрать волосы в красивую прическу, тоже украшенную синей лентой, сделал легкий макияж и вручил черную шаль — видимо, непременный атрибут некрасивых девушек, на чьей личной жизни можно заранее поставить жирный крест.

Посмотревшись в зеркало, я буквально не узнала себя: такая серьезная и взрослая. Платье, похоже, очень мне шло, и фигура, в кои веки, казалась не тощей, а стройной. Хотя темный цвет несколько бледнил и без того почти не поддающуюся загару кожу, но умело наложенные стилистом румяна делали меня немного менее замороженной, чем обычно, так что я показалась себе даже хорошенькой.

На первый день тренинга у меня были намечены сцены: всякая бытовая мелочовка в доме Болконских, приезд князя Андрея и визит семьи Курагиных. То есть сватовство Анатоля.

О том, как я буду отыгрывать все это в паре с Артуром, я старалась не думать. А пока у меня были и другие заботы. Димка обучал меня алгебре и геометрии и очень волновался, если я не сразу решала задачу. Несколько раз, несмотря на присутствие в комнате куратора-наблюдателя, он приходил мне на помощь, разумеется, стараясь, чтобы куратор не заметил и не снизил мне балл.

Потом нам пришло письмо от Элен — то есть от Натали. Я с удовольствием обнаружила в нем три-четыре ошибки и одно современное простореченное выражение. Элен излагала всякие светские новости столичной жизни и писала о своем замечательном брате Анатоле, явно закидывая сети для будущего сватовства. Забавно все-таки почувствовать себя богатой невестой! Я зачитала отрывки из ее письма своему «отцу», нарочно выделив голосом замеченные ошибки и подмигнув в нужных местах Димке. Слава богу, он понял меня и вовремя отпустил реплику про то, как пала современная культура в столице. Если это только отчасти в характере персонажа, то лишний балл за французский кому-кому, а Димке точно не помешает! В общем, домашние сцены прошли на ура. Немного портила общую картину только мадмуазель Бурьен, активно вмешивающаяся во все дела и шпарящая по-французски с такой скоростью, что бедный Фролов постоянно терялся, и мне приходилось оказывать ему помощь.

Затем были долгие разговоры о политике (в графе «история» и «экономика» тоже можно поставить галочки). И наконец, уже в конце дня, то событие, которого я одновременно и ждала, и боялась, — приезд Курагиных и сцены с Артуром.

Артур в роли Анатоля оказался ослепительно хорош. Его костюм — в стиле старого советского фильма — белый мундир с высоким воротничком и золотыми эполетами и пуговицами выгодно подчеркивал аристократическую белизну его лица и черные, словно крыло ворона, волосы.

Считайте меня самой романтичной дурой из всех дур на свете, но при взгляде на него мне сразу вспомнилось одно из моих любимых стихотворений:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет[1].

И я вдруг легко поняла все, о чем нам так долго рассказывали на уроках литературы, о чем я десятки раз читала, но не понимала, не осознавала до конца: почему богатые светские женщины, привыкшие к роскоши и неге, вдруг бросали блестящую столицу и, поступившись всем, даже элементарным уютом, ехали в далекую и страшную Сибирь...

Что же это такое?! Всякий раз, когда Артур появляется рядом со мной, мое глупое сердце принимается учащенно биться, а кровь набатом стучит в висках. И всякий раз, сколько бы я потом ни ругала себя, я попадала под власть его обаяния и, как последняя дура, буквально немела на несколько секунд.

Когда он рядом, когда говорит со мной, я вдруг перестаю воспринимать окружающий мир — он сужается до его взгляда, сжимается, точно пружинка, словно все нити Вселенной вдруг стягиваются к нему. Эта центробежная сила тащит меня, как вихрь невесомую пылинку. И только потом, взяв себя в руки, мне удается наконец воздвигнуть между нами ледяную стену и постепенно — вздох за вздохом — начинать дышать ровнее, утихомирить свое трепещущее сердце. И ведь самое ужасное, что он все видит, он не может этого не замечать! Видит — и игнорирует. Или видит — и торжествует?

— Мадмуазель, счастлив видеть вас, — сказал Артур с глубоким поклоном после того, как его «отец» представил нам «сына». — Рад убедиться, что дошедшие до меня слухи о вашем уме и красоте ничуть не преувеличены.

— Благодарю, любезный князь. Вы слишком добры ко мне, — отозвалась я.

Разумеется, говорили мы по-французски.

— Простите меня, мадмуазель, за то, что я без подарка. Я вез вам маленького пушистого котенка. Но, к сожалению, он заболел в дороге. У него отказали лапки, и он умер у меня на руках.

Я в ужасе уставилась на Артура. Дело даже не в том, что он нес бред, не имеющий к тексту и персонажам Толстого ну никакого отношения. Ужасно то, что он использовал против меня историю, которую я, размякнув, словно попавшая в

[1] Стихотворение Марины Цветаевой «Генералам двенадцатого года».

горячий чай хлебная крошка, тая от его мнимого внимания, разболтала ему в кафе «Элис». Он не мог не знать, что именно говорит.

Артур выдал это и уставился на меня своими большими темно-вишневыми глазами, наблюдая, как я отреагирую.

Я почувствовала себя мухой, которой оторвали крылышко. Просто так, чтобы посмотреть, а что же с ней будет.

За что они все так меня ненавидят? За что ненавидит меня Артур?!

Слезы наворачивались на глаза, но я удержала их и, напротив, попыталась улыбнуться.

— Сожалею о ваших потерях, князь. Позвольте мне оставить вас на время, чтобы распорядиться относительно обеда.

Выдав эту фразу, каждое слово которой болезненно отдавалось у меня в сердце, я сделала реверанс и покинула место боевых действий.

Тяжело, когда бьют на поражение, а ты должна — всегда — держать удар. Не показать, какой ущерб тебе нанесен. Сделать вид, будто все в порядке.

И почему, дожив почти до семнадцати лет, я так и не научилась игнорировать удары, и каждый вновь и вновь отражается мучительной болью.

Ну зачем Артур сделал вид, будто ему интересно со мной? А я — поверила!

Дура! Дура! Дура!

Остаток дня был для меня сущим мучением.

Артур мило беседовал с Галей, игравшей француженку мадмуазель Бурьен. За вечерним чаем говорили об экономическом положении России в условиях надвигающейся войны.

Я молчала.

Плюс один (незаслуженный) балл за отыгрыш персонажа.

Минус один балл за знания в области экономики.

Счет нулевой. Ничья. Я проиграла.

Ловчий, семь часов спустя

«Следуй за белым кроликом», — прочитала Алиса на экране и ухмыльнулась.

«И куда же?» — набрала она на клавиатуре и нажала ввод.

Буквально через минуту аська тренькнула, выводя очередное сообщение от Сказочника:

«В Страну чудес».

Алиса познакомилась со Сказочником в одном из чатов всего пару дней назад. Он упорно интриговал ее, не желая называть своего имени. Однако он знал о ней слишком много. Поэтому скорее всего учился с ней в одном классе.

«Лешка или Антон. Антон или Лешка», — думала девочка, глядя на экран. В пользу Лешки говорил смелый и авантюрный склад характера Сказочника, в пользу Антона — тот взгляд, который Алиса поймала на себе на днях. Однако ни один, ни другой не спешили признаваться и в школе сохраняли невозмутимый вид.

Алиса помнила сказку Льюиса Кэрролла, поэтому тут же написала:

«Скажи наркотикам «нет»! И никаких галлюциногенных грибов».

«Обещаю. Все будет по-настоящему», — без колебания выдала аська.

«И что меня ждет?» — задала вопрос Алиса и даже затаила дыхание в ожидании ответа.

«Тебя ждет суперприз и... открытие моего инкогнито. Ты же хочешь взглянуть мне в глаза?» — написал Сказочник.

«Ну точно Лешка!» — подумала Алиса и с облегчением вздохнула.

Лешка нравился ей уже давно. Класса с десятого. Высокий, стройный синеглазый брюнет, он был самым красивым парнем в их классе. Посмотреть в его глаза, без сомнения, мечтала каждая девчонка.

Кроме всего, Алисину уверенность подпитывало и то, что она знала за собой удивительную способность. Все, чего ей действительно по-настоящему хотелось, рано или поздно сбывалось. Вот и с Лешкой... Еще недавно он появлялся везде с Ольгой из их же класса, однако буквально неделю назад они поссорились. Разумеется, это была только первая часть ее желания, а теперь настал черед второй — встречи с Лешкой.

«А хочешь, я назову твое имя», — написала Алиса Сказочнику.

«Нет. Не нужно, — ответил тот, — неужели ты собираешься испортить игру?»

Ситуация начинала увлекать Алису, тем более расстраивать Лешку ей совершенно не хотелось.

«Ок. Договорились. Пускай будет сюрприз», — ответила она.

И тут же добавила:

«А как мне попасть в Страну чудес?»

«Выйди из дома, и увидишь белого кролика, а еще нарисованную мелом стрелочку на асфальте. Дальше тебя ждут новые стрелки. Следуй направлению, которое они тебе укажут, и попадешь в Страну чудес. Кстати, не забудь надеть свои красные башмачки», — пришел ответ.

«Сейчас?» — переспросила Алиса, глядя в темное окно.

Выходить из дома не хотелось...

«Сейчас или никогда», — написал Сказочник и скрылся в сумраке оф лайна.

Алиса вскочила с кресла и кинулась к шкафу: что же надеть?! Может быть, красную кожаную мини-юбку? Очень секси... Нет, тогда Лешка уж точно решит, что она за ним бегает. Нужно поступить хитрее. Парням нравится, когда девчонки показывают норов. Лучше она наденет что-нибудь повседневное, как будто не придает их встрече никакого значения. Вот, скажем, обтягивающие джинсы и черную с розовым кофту с низким вырезом. А куртку можно будет не застегивать — на улице не слишком холодно. Одевшись, Алиса покрутилась перед зеркалом, с удовольствием разглядывая свою стройную фигуру. Хороша, ничего не скажешь. Осталось только подкрасить глаза, наложить на губы перламутровую розовую помаду и тщательно расчесать волосы. Две заколки со стразами удачно дополнили образ.

Алиса вышла в коридор, накинула куртку и надела заказанные Лешкой высокие красные бо-

тинки... Кстати, надо будет носить их почаще, раз они ему нравятся.

— Ты куда так поздно? — крикнула ей вслед мать.

— Куда надо! — бросила через плечо Алиса.

Ей не хотелось тратить время на пустые пререкания. Разумеется, по возвращении ее будет ждать настоящая буря, но цель оправдывает средства, и, в конце концов, все можно пережить. И не такое переживали.

Не дожидаясь лифта, девочка бегом спустилась с третьего этажа и вышла из подъезда.

Yes! На асфальте белела вырезанная из бумаги длинноухая фигурка и стрелка, указывающая направление.

Ну точно Лешка — самый большой шутник и балагур в их классе! Алиса представила, как фыркнут девчонки и отвернется, скрывая слезы, воображала-Ольга, когда они с Лешкой появятся завтра вместе. Пусть, пусть лопнут от зависти!

Она пошла по стрелке и вышла к перекрестку. Здесь стрелки указывали сразу во все стороны. Шутник! Игра все больше увлекала Алису, и она принялась тщательно осматривать окрестности. Девочка пожалела, что не взяла с собой фонарик, хотя Лешка, кажется, предусмотрел и это: все его надписи располагались на освещенных фонарями участках.

Стрелка за стрелкой, она дошла до самого финиша. Там для нее на асфальте была выведена целая надпись:

«Добро пожаловать в Страну чудес!» и стрелка, указывающая прямо.

Лешка стоял неподалеку, в тени деревьев так, что виден был лишь его силуэт.

— Привет, Сказочник! — крикнула ему Алиса и тут же осеклась: это был вовсе не Лешка, а какой-то незнакомый парень в косухе.

— Здравствуй, Алиса. Я тебя ждал, — сказал он и протянул к ней руку. — Поздравляю, ты выиграла. А теперь — обещанный суперприз!

Он схватил ее за руку, притянул к себе и, прежде чем она успела закричать или хотя бы осознать, что происходит, припал к ее незащищенной шее.

А дальше была лишь темнота и громкое биение сердца, все угасающее и угасающее с каждой секундой...

* * *

Искать девчонку было трудно. Если бы она осознала и проявила свои необыкновенные способности, это сыграло бы ему только на руку. От таких вещей всегда остаются следы, подобные кругам на воде от брошенного в реку камешка. Но она затаилась, спряталась, и это ужасно его раздражало. Каждая жертва приближала ее к нему. Вот еще одна девчонка. Ее жизнь подобна мотыльку, летящему к робкому пламени свечи, и его пальцы властны оборвать эту жизнь. Едва попробовав кровь жертвы, Ловчий уже понимал, что это не та, что нужна ему, — привкус древней крови был слишком слаб, и тогда он допивал жертву — гасил свет, чтобы на карте оставалось все меньше огоньков.

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду тебя искать, — пробормотал Ловчий.

Он сидел на самом краю крыши и смотрел вниз, на спящий город. На улицах уже не было прохожих, только сиротливо светились немногочисленные неспящие окна и проносились по шоссе редкие автомобили. Город спал, засмотревшись миражами сновидений и доверчиво подставляя Ловчему свою шею. Он был его хозяином. Все эти каменные джунгли — его законное охотничье угодье. Королева, без сомнений, отдаст его ему в свободное пользование. Нужно только избавиться от других — от тех, кто мешает. А значит, опять же отыскать девчонку. Так получилось, что эта маленькая дурочка стала сейчас ключом к древней головоломке, и он найдет ее, найдет обязательно.

Ловчий посмотрел на округляющуюся луну. Отсюда, с крыши, она казалась совсем близкой — стоит только протянуть руку! Она манила его, звала за собой. И он, вскочив на ноги, принял ее игру. Он побежал по крыше вслед за серебристыми лунными бликами — то припадая к поверхности, то подскакивая вверх. Он был похож на молодого волчонка, играющего с собственным отражением в огромной луже.

Добежав до края крыши, Ловчий легко, одним прыжком, перемахнул на соседнюю и снова побежал — то припадая, то распрямляясь.

Это был удивительный, диковинный танец. Одна лишь луна наблюдала за ним. А потом поблекла и она.

Настало время затаиться. Приближалось утро...

Глава 8

Следующий день тоже прошел как во сне. Я с кем-то разговаривала, обменивалась письмами. Все это вспоминается мне урывками, как будто я смотрю старый-старый черно-белый фильм, где кадры временами уходят в темноту. И этой темноты больше, чем света.

Я всегда любила тренинги, но этот показался мне адом.

Меж тем наступил третий день, на который было намечено главное событие этого тренинга — итоговый бал. Меня уже немножко отпустило, и вместо боли, удивления и гнева пришли пустота и ледяное равнодушие, словно меня положили в холодильник и врубили режим полной заморозки.

Нам выдали новые платья. Я тоже надела какое-то.

Бал давали «Ростовы». Димка, как и положено моему «отцу», вел меня, слегка поддерживая под локоть. Мы поздоровались с хозяевами, немного, как предписано этикетом, поговорили. Димка, слава богу, взял на себя все ведение бесед.

Честное слово, плюс пять баллов за дружелюбие.

Когда мы отходили от «Ростовых», я благодарно сжала Димкину руку. Он взглянул на меня и вдруг покраснел.

Какая жалость, что я не влюбилась в него! Он бы никогда меня не предал!

Первый танец я танцевала с Николаем Ростовым. Делали это мы достаточно вяло. Ни я, ни Миша не увлекались танцами. Он несколько раз

наступил мне на ногу, и я в свою очередь ответила ему тем же.

Вернувшись на место, я тихо вознадеялась, что новых приглашений не последует и я спокойно, в свое удовольствие, постою рядом с нетанцующим Фроловым.

— Позвольте?

Я подняла глаза, и мое сердце сгорело в огне темно-вишневых глаз.

Отказать на балу нельзя. Я положила руку на его плечо, и мы закружились в вальсе.

Танцевал он божественно, ведя меня так, что мое тело само собой подчинялось заданному ритму. Словно я была пушинкой, летящей по ветру. Ноги, такие неуклюжие еще недавно, двигались легко, будто под ними был не пол, а облачко, как будто мы с Артуром танцевали в невесомости.

Раз-два-три, раз-два-три.

Зал кружился вместе со мной. И в нем не было ни других танцующих пар, ни сидящих у стены наблюдателей — никого.

Только я и Артур.

Мы были вдвоем, крепко прижатые друг к другу, будто неразлучные возлюбленные, будто кровные враги.

Темно-вишневые удивительные глаза заслонили от меня остальной мир. Вдруг сделались центром моего мира.

— Сними маску!

Он сказал это? Или слова сами собой прозвучали в моей голове?

— Сними маску! Покажи, какая ты есть!

Он смотрит на меня... как будто на затаившееся чудовище. Будто забыв, что чудовище здесь — он. Тот, кто согрел меня своим взглядом, а потом посмеялся и предал.

— Не понимаю, о чем ты! — отвечаю я, не зная, шевельнулись ли вообще мои губы.

— Сними маску!

Кажется, мы уже кричим друг на друга...

«Это только спектакль. Школьный тренинг», — пытаюсь успокоиться я, в то время, как другая, почти неконтролируемая часть меня рвется наружу, бунтует против сдержанной покорности, желает доказать и наказать.

«Это только спектакль».

— Я не понимаю вас, князь, — произношу я, тщательно выговаривая по-французски каждое слово.

— Простите, княжна. Я хотел спросить, сколько еще вы собираетесь носить эту маску равнодушия и спокойствия, подчиняться прихотям отца и позволять компаньонке, по сути приживалке, отнимать у вас женихов? — Его тон безупречно холоден и вежлив.

Неужели все, что произошло, мне только померещилось? Родилось в больной голове, закружившейся от быстрого вальса?

— Простите, князь, но мне не интересны женихи, которых может отнять компаньонка и приживалка...

Мир вокруг стал обретать привычные очертания и краски, и я уже узнавала школьный актовый зал и несколько кружащихся в вальсе пар.

Привычные стены с ложными колоннами, гладкий паркетный пол, вишневые бархатные портье-

ры на окнах... Легкий запах пыли и чьих-то сладких духов, от которых у меня тут же начинает болеть голова.

Это только игра.

Раз-два-три, раз-два-три.

— Благодарю за танец, мадмуазель.

Когда бал закончился, нас снова собрали в актовом зале, традиционно поблагодарили за участие в тренинге и дали задание написать по итогам развернутые отчеты, после чего нам и сообщат, сколько баллов набрал каждый из участников.

Как-то так получалось, что школа и журналистика всегда были в моей жизни на первом месте. А теперь все вдруг пошло кувырком, само собой перевернулось с ног на голову. Интересно, что я напишу в отчете: что половину учебного времени пялилась на новенького, думая, какой он красивый, а половину — страдала от мыслей о его жестокости. Уж наверняка самый оригинальный отчет получится. Глядишь, еще приз получу — за необычную трактовку образа.

— Дим, — покосилась я на приятеля, — ты же материалы с тренинга сам монтировать собирался?

— Ага, — кивнул он.

— А можно я к тебе в гости зайду и посмотрю, что там отсняли?

— Конечно, заходи!

Мне показалось, или Фролов действительно обрадовался.

Мимо нас прошел Артур, окруженный стайкой девчонок. Он даже не посмотрел в мою сторону. У меня стало складываться впечатление, что он нарочно дразнит меня. Вот только интересно: зачем? Что вообще он от меня хочет? Чего добивается? И тот разговор во время танца... Был ли он на самом деле или я его придумала?..

Вопросов пока оказалось значительно больше, чем ответов. Ну ничего. В чем-то должен помочь отснятый на тренинге материал. Я внимательно посмотрю его и, вероятно, найду какие-нибудь зацепки. Не может быть, чтобы их совсем не оказалось. Хотя бы удостоверюсь, состоялся ли тот разговор между нами.

Оператор наверняка подходил близко к каждой из танцующих пар, чтобы зафиксировать для жюри их диалоги.

— Когда тебе будет удобно зайти? — спросил Димка на выходе из зала.

— Ну, давай сегодня, чтобы не терять времени. — Во мне уже проснулся журналист, требующий фактов. — Тебе как, нормально?

Фролов немного посопел.

— Нормально... Только у меня того... не убрано, — наконец выдавил он из себя.

— Это пустяки! — обрадовалась я. — Хочешь, я до компьютера пойду с завязанными глазами?

Димка улыбнулся:

— Не надо. Там не настолько все плохо.

И я принялась звонить маме, чтобы предупредить ее, что иду в гости и буду сегодня попозже.

Димка жил в новом доме, окруженном высокой металлической оградой. Мы вошли, поздоровались с охранником (здесь дежурил настоящий секьюрити, а не бабушка, как у нас), поднялись

на шестой этаж и вошли в квартиру. Довольно большую, комнат, как понимаю, пять-шесть. Фролов попросил меня подождать минутку на кухне. Кухня оказалась красивая, совмещенная со столовой. Две зоны были отделены друг от друга барной стойкой, над которой висели бокалы на длинных ножках. Подсветка шла как-то хитро снизу, и всюду располагались панели и непонятные агрегаты. По-моему, дом Димки был просто напичкан всякой техникой. Теперь понятно, откуда у него к ней такая любовь.

Пока я оглядывалась, появился Димка и позвал меня в свою комнату. Обстановка у него оказалась достаточно минималистской. И главное место, конечно же, занимал огромный стол, на котором размещалось целых два огромных монитора. Возле стола стояли бесчисленные стойки с дисками и огромное черное кресло, как при пульте управления полетами.

Не знаю, какой беспорядок Димка экстренно устранял в эти три минуты. Но комната, как мне показалось, была во вполне приличном состоянии. Компьютер оказался включен. Меня немного удивило, что у Димки на рабочем столе нет никакой картинки — просто обычный синий экран. Я спросила его об этом, а он почему-то очень смутился и пробормотал нечто неразборчивое типа: «А мне и так нравится».

Разумеется, смущать его еще сильнее я не стала, а села в предложенное кресло и ждала, пока Димка подключит камеру.

— Хочешь чаю с пирожными? — предложил он, когда все было готово к просмотру. — У меня, правда, сегодня нет твоих любимых... Но я могу сбегать.

— А ты знаешь, какие мои любимые?

— Да, ты как-то говорила, что колечки с творогом. — Фролов опять покраснел.

Кажется, я сегодня только и занимаюсь тем, что вгоняю его в краску. Может, зря я пришла к нему в гости?..

— Нет, не стоит. Давай что есть, — согласилась я. — Пошли, помогу.

Мы вместе заварили чай, положили на блюдечко пару пирожных (корзиночки с фруктами и взбитыми сливками — тоже очень вкусно), вернулись в комнату и сели просматривать записи.

Пашка оказался весьма неплохим оператором. Однако камера в его руках почему-то меня не полюбила, и почти все мои контакты с Артуром так и остались за кадром.

Вот Артур в образе князя Анатоля подходит ко мне, кланяется, и... камера переезжает на его «отца» князя Василия в исполнении Матвея и Димку...

До сцены бала я не увидела ничего особенно интересного. Виола была неплоха, хотя, на мой взгляд, несколько напыщенна для этой роли. А вот Натали оказалась как раз на месте. Из нее получилась прекрасная Элен. Артур... Весьма хорош был и Артур. Несколько раз камера ловила его неподражаемую усмешку, и мне вдруг показалось, что он старше всех нас и смотрит на действо не серьезно, а как на детскую забаву, в которой сам участвует из странной прихоти.

А вот и бал. Я придвинулась к экрану и приготовилась смотреть внимательней.

Заиграла музыка. Закружились в танце пары. Так, первый танец можно промотать — ничего интересного. Переходим ко второму.

Не может быть! В зале танцевали только три пары. Элен-Натали с Николаем-Мишкой, Виола-Наташа с Андреем-Олегом и мадмуазель Бурьен — то есть Галя с князем Василием — Матвеем.

Вон скучающий Димка у стены...

Вот так дела! А где же Артур и я?

— Димка, — окликнула я приятеля, — а ты видел, как я на балу с Артуром танцевала?

Фролов задумался.

— Наверное, видел, — не слишком уверенно произнес он, — я тогда о чем-то задумался и, кажется, не обратил внимания.

А что, если я просто сошла с ума и вся сцена на балу мне померещилась? Нет, не может быть.

Я отмотала немного назад и стала просматривать все заново.

Ага! Вот, кажется, что-то есть. Эти силуэты на заднем фоне, будто окутанные туманом, наверное, мы с Артуром. Но почему Пашка близко снял каждую пару, каждую, кроме нашей. Ерунда какая-то, честное слово!

— Полина, — отвлек меня от размышлений Димка, — я уже давно хотел кое о чем с тобой поговорить.

— Так говори, — буркнула я, по-прежнему занятая своими мыслями.

— Ты, конечно, заметила, что ты... — Димка запнулся, — что ты очень мне нравишься. Может быть, мы могли бы попробовать... Встречаться...

Приехали! На мгновение меня охватила злость. Ну зачем он так? Зачем он все испортил?! Да, мне было хорошо с ним. Да, я считала его своим другом. А теперь... теперь все не может быть как прежде! Уж лучше бы он промолчал!

Но злость на Димку тут же сменилась злостью на себя: ведь видела же я, что ему нравлюсь. Что уж скрывать, мне это было приятно.

Я потрясенно молчала. Лучше бы его слова все-таки никогда не прозвучали. Что бы я ни ответила, возможно, потеряю сегодня друга. И это будет одна из самых тяжелых потерь в моей жизни.

— Я понял, — сказал Фролов, глядя в пол, — извини, что я это сказал.

— Димка! — Я схватила его руку и заговорила быстро-быстро, будто боясь не успеть: — Ты очень мне дорог! Ты мой самый лучший друг, и у меня не было человека, который бы так меня понимал. Только ты и мои родители! Пойми, ты очень важен для меня! Я не хочу тебя терять!

— Я понял, — грустно отозвался он, — честно говоря, я так и думал. Но надо же было рискнуть. Вдруг...

Он резко поднялся и вышел из комнаты.

А я осталась сидеть в его удобном кожаном кресле, пялясь на экран, где застыли на стоп-кадре танцующие пары.

Почему в этой жизни все так сложно? Почему мы, даже не желая того, обижаем друг друга и причиняем другому боль?!

В комнату заглянул Димка.

— Все нормально, — буркнул он совсем как всегда, — мы — друзья. И еще. Там мама, — добавил он таким тоном, будто за стенами комнаты нас ожидало по крайней мере легендарное чудовище. — Она хочет угостить тебя чаем.

— Может, я лучше поеду? Я уже пила чай, — рассеянно сказала я.

— Ты не понимаешь, — вздохнул Фролов. — Мама действительно этого *хочет*. И пожалуйста, не обращай внимания, если она будет вести себя странно.

Я согласилась, и мы с Димкой вышли из комнаты.

Его мама, Елена Сергеевна, ждала нас в холле. На вид она показалась мне вполне симпатичной и весьма располагающей к себе женщиной.

У нее были темно-каштановые волосы и Димкины зеленые глаза.

— Полиночка, — она мягко улыбнулась, — очень рада познакомиться с тобой. А ты совсем такая, как на той фотографии у Димы в компьютере... — Тут Димка хмыкнул, и его мама на секунду замолчала. Вот она, тайна сегодняшней уборки!

— Пойдем попьем с тобой чаю, — как ни в чем не бывало продолжила Елена Сергеевна. — Тебе какое пирожное больше нравится? Ты вообще что предпочитаешь на ужин? А родители тебя заберут или тебя подвезти?

— Мы договорились, что перед выходом я позвоню папе, — сказала я, не зная, на какой из вопросов отвечать, и инстинктивно выбирая последний.

— Замечательно. Ну пойдем. — Она уже вела меня в столовую, где на столе стояли три чашки и многочисленные вазочки со всякими вкусностями.

Я поняла, что имел в виду Димка, когда говорил, что решения его мамы оспаривать бесполезно.

— Тебе какой чай: черный, белый, зеленый, фруктовый? — спрашивала она, пододвигая ко мне чашку.

Димка молча сел на свое место и посмотрел на мать с неодобрением.

А она наливала мне чай, пододвигала поближе пирожные и конфеты и без конца говорила:

— Значит, твои родители почти все время заняты на работе? И ты часто остаешься без присмотра, как и мой Димка? Понимаю. У нас точно такая же ситуация. За исключением того, что я ращу этого охламона одна... Ну что же ты не ешь? Посмотри, какая худая. Ешь, тебе еще рано о диете думать.

И я, никогда и не думавшая ни о каких диетах, кивнула и взяла еще одно пирожное-трубочку. От обилия жирного крема во рту стало неприятно, и я, надкусив пирожное, положила его на тарелку.

К счастью, Елена Сергеевна не обратила на это внимания, а тут же, безо всякого перехода, принялась хвалить Димку, по-прежнему перемежая похвалы вопросами о моей жизни.

Фролов сидел красный как рак. И только тут до меня вдруг дошло, что его мама... как бы это сказать... его сватает. (Не правда ли, весьма похвальная сообразительность?!)

— Все нормально, — шепотом успокоила я

Димку, воспользовавшись тем, что Елена Сергеевна отошла в глубь кухонной зоны, а затем попыталась перевести разговор в более нейтральное русло, но ее было не так-то просто сбить с толку.

Потом я позвонила папе, и он обещал подъехать за мной через пятнадцать минут.

Все это время Елена Сергеевна болтала со мной, а Димка все закипал и закипал, словно чайник.

В конце концов она проводила меня до лифта, сказав напоследок, что ей было приятно со мной познакомиться и чтобы я непременно заходила с ней поболтать, даже когда «этого оболтуса» (легкий кивок в сторону багрового Димки) не будет дома.

А потом я уехала домой. И эта насыщенная событиями неделя все-таки закончилась.

Глава 9

Если спокойно сравнивать Димку и Артура, сравнение вышло бы не в пользу последнего. С Фроловым мы учимся вместе уже много лет, и все это время он был мне хорошим и надежным товарищем. Помню, еще в младших классах он буквально спас меня от девчонок.

Во время одной из перемен, когда взрослых не оказалось рядом, Виола стащила у меня туфельку, обозвав при этом Золушкой и замарашкой, и ее компания принялась играть ею в футбол. Я сидела на парте, изо всех сил сдерживая слезы негодования и обиды. Сама не понимаю, почему мне казалось неприличным уйти босиком... И кто знает, сколько бы я так просидела, если бы не Димка. Он, уже тогда серьезный и немногословный, забрал туфельку и вернул мне. Несмотря на весь обрушившийся на него град насмешек в стиле: «Вот и нашелся для нашей Золушки принц».

Но подружились мы уже позднее, когда оба пришли в журналистский кружок. Я — ведущей, он — оператором. Не потребовалось много времени, чтобы понять, что мы прекрасно ладим и из нас получится хорошая профессиональная пара.

Другое дело Артур. Я знаю его всего несколько недель, однако за это время он уже успел проявить себя как человек с ужасно переменчивым настроением. Чем еще можно объяснить то, что сегодня он мил со мной, а завтра даже не смотрит в мою сторону?! И как объяснить его странное предательство?

Если бы я могла спокойно выбирать, я бы, разумеется, ни минуты не колеблясь, выбрала Димку. Но в том-то и дело, что выбирать беспристрастно я не могу.

В понедельник после полудня солнце наконец пробралось на наш двор. Я выглянула в окно. Небо было голубым-голубым, а листья в школьном скверике так и полыхали.

Оставаться в душном классе казалось решительно невыносимо, и я вышла на улицу. Просто так. Чтобы пройтись меж высоких деревьев, радуясь последним напоминаниям о лете. Скоро октябрьский ветер сорвет с них нарядную листву и унесет ее в края, где живет прошлое, туда, где лежит прошлогодний снег и растут южные цветы. В

края, где живет кукла, потерянная мною в далеком детстве. Джеймс Барри назвал такую страну Нетландией.

Я медленно шла, наслаждаясь лаской солнечных лучей и собирая с земли кленовые листья — золото с красным — на длинных-длинных черенках. Все заботы и сомнения последних дней вдруг покинули мое сердце, а на душе стало так легко и радостно, будто я — невесомый пузырек воздуха, поднимающийся вверх.

Бывает, что просто так, без всякой видимой причины, становится так хорошо, что хочется сразу и смеяться, и плакать, петь и подпрыгивать в воздух.

Я и вправду не удержалась и подпрыгнула, думая, что вот сейчас оторвусь от земли и улечу в небо, как синий воздушный шарик.

Однако не улетела, а, напротив, словно прилипла к земле: неподалеку в тени деревьев стоял Артур и смотрел прямо на меня.

Не могу описать, что выражал его взгляд. Мне показалось, что в нем отразилась целая палитра эмоций. Но ярче всех в нем отражалась боль. Будто смотреть на меня было для него величайшим испытанием. Будто я, сама не замечая того, чем-то смертельно его ранила.

Поняв, что я его заметила, Артур отвел взгляд. С минуту поколебавшись, я повернулась к нему спиной и пошла к воротам.

Спину обожгло, и я догадалась, что он опять смотрит мне вслед. Ну что же ему, в конце концов, от меня надо? Зачем он меня мучает?..

Я дошла до главной аллеи и, вот сюрприз, столкнулась с Виолой. Она, не обращая на меня внимания, шла к отцовской машине. Черный «БМВ» ее отца был припаркован на стоянке, у школьных ворот. Рядом стояла вторая машина неизвестной мне марки. Возле нее, лениво облокотившись на капот, расположились два амбала-охранника. Обычная процедура, повторяющаяся каждый раз, когда отец сам приезжал забирать из школы свою умницу-дочь.

Дальше все произошло так быстро, что я едва успела понять, что же происходит.

Мимо проезжал неказистый синий «жигуленок». Подъезжая к школе, он немного притормозил.

Я уже занесла ногу для следующего шага, но вдруг что-то остановило меня. Я немного подалась назад и застыла на месте, как соляной столб. В ту же секунду раздались два громких сухих хлопка, и что-то просвистело перед моим лицом, а росшая неподалеку тоненькая рябинка вздрогнула, покачнулась и уронила на землю несколько листьев. В стволе деревца зияло небольшое сквозное отверстие. Я прикоснулась к нему. Отверстие было теплым. Неужели пуля? И если бы я сделала шаг, она бы обязательно попала в меня...

Вне себя от потрясения, я подняла голову и увидела, как наперерез Виоле метнулась какая-то черная тень. Я не сразу узнала Артура, к тому же двигался он столь стремительно, что я едва успевала отслеживать его перемещения.

Я ясно видела все, что происходило там, на стоянке. Она была залита ярким послеполуден-

ным солнцем, и каждая деталь впечаталась в мою память.

Вот Артур бросается наперерез Виоле, отталкивает ее, и она падает на землю. В это же время — или несколькими секундами раньше — время сейчас имеет относительную ценность — снова раздаются громкие хлопки.

Пули летят прямо в Артура. И тут глаза совершенно подводят меня, потому что мне кажется, будто он успевает поймать одну из них рукой. А вторая... вторая попадает ему прямо в живот. Его фигура под яркими солнечными лучами кажется мне какой-то призрачно-неестественной.

Я хочу закричать, но крик застревает у меня в горле.

Артур падает на асфальт...

За это время один из амбалов-охранников тоже кинулся к Виоле, прикрывая ее своим телом, а второй принялся палить в «жигуленок». Но тот не стоял на месте, а, набирая скорость, несся к повороту, а вскоре и вовсе скрылся с глаз. Дорога опустела.

Я стояла в оцепенении. Неужели все, что я видела, — правда? Неужели пуля попала в Артура и он погиб? Так глупо и случайно?! Нет, этого просто не может быть!

— В чем дело? Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит? — послышался недоуменный голосок Виолы.

Она поднялась, оттолкнув навалившегося на нее охранника, и, отряхиваясь, смотрела вокруг округлившимися удивленными глазами.

— Все чисто? — раздался из машины уверенный мужской голос, и только после утвердительного ответа наружу показался плотный высокий господин с большими залысинами.

Это был отец Виолы.

— Кажется, в тебя стреляли, — ответил он дочери. — Если бы не этот парень... А ты, парень, молодец... Эй, что с тобой? Ты не ранен?

Артур лежал на земле, освещенный ярким солнцем. Он был белый-белый, как простыня. Черты лица его заострились, и глаза запали. Боже мой, он же только что выглядел совершенно нормально! Неужели...

— Он умер! — взвизгнула Виола так громко, что у меня заложило уши.

Неужели он умер? Не отдавая себе отчета, я сделала шаг вперед.

— Все в порядке. Я заберу его. У Артура слабое здоровье, — послышался чей-то голос.

Охранники снова запоздало схватились за оружие, а Виолин отец быстро отступил за их спины. Но мужчина в глухом черном свитере и не думал нападать. Он развел руками, демонстрируя, что не вооружен. Кажется, это был шофер Артура.

Его «Роллс-Ройс» подъехал совершенно бесшумно.

Тем временем мужчина легко и очень бережно поднял Артура и унес его в машину. Опущенные тонированные стекла не позволяли видеть, что происходит внутри.

Машина простояла на месте минуту, а потом заднее стекло опустилось, и я встретилась взглядом с Артуром.

Он смотрел на меня абсолютно спокойно и выглядел... совершенно как всегда. По крайней мере, не так, как, по моим представлениям, должен выглядеть человек, только что схлопотавший в живот пулю.

Он едва заметно кивнул мне, и машина все так же беззвучно, как подъехала, рванула и скрылась за поворотом, провожаемая нашими недоуменными взглядами.

Как я уже говорила, произошло все так быстро, что казалось, будто все это кадры из какого-то боевика, который я смотрю из темноты безопасного зала.

— Олухи! И за что я вам плачу?! Если бы не мальчишка, мою дочь шлепнули бы прямо на пороге школы! — послышался меж тем голос Виолиного отца. — Ну-ка быстро домой, — велел он дочери, — хватит на сегодня приключений.

После его команды Виола мгновенно, без единого слова, исчезла в салоне (всегда бы ей быть такой покладистой). Вслед за ней в недрах второго автомобиля не менее быстро канули амбалы, и машины поспешно скрылась с места происшествия.

И вовремя. От школы уже бежала толпа народа, возглавляемая двумя охранниками.

— Здесь стреляли? Что случилось? — на бегу спрашивали они.

Я посторонилась, чтобы не оказаться на пути толпы.

Наверное, это реакция на шок, но мне вдруг вспомнились смешные мультики, где стадо диких зверей, типа носорогов, несется по джунглям, оставляя за собой широкую просеку, и тот, кто попадается им на пути, оказывается расплющен в лепешку и встает таким плоским и двухмерным.

Представив себя в таком виде, я не смогла удержаться от смеха. Хорошо, что никто не заметил, а то точно решили бы, что девочка совсем сбрендила.

Тем временем у ворот шло бурное обсуждение событий, выдвигались рабочие версии — одна фантастичней другой.

— Сейчас я вам все объясню, — говорил школьный охранник, — в былые времена я, слава богу, навидался еще и не такого. Думаю, что дело в бизнесе. Кому-то нужно было припугнуть отца этой девочки, вот они и устроили представление. Я заметил, что палили совершенно беспорядочно. Если бы ее действительно хотели убить, они бы наняли снайпера и сняли девочку так быстро, что она бы и не пикнула.

— А парень? Здесь был какой-то парень? — спросил кто-то из толпы.

— Ну, парень, новенький, из нашей школы. Зря он полез под пули. Ведь только чудом избежал ранения. Во время таких перестрелок случайные зрители как раз чаще всего и страдают, — авторитетно объяснил он.

Я слушала и едва могла поверить: похоже, охранник не видел, как пуля попала в Артура... Не могла же я это придумать?.. Или могла?..

Не зная, что и предположить, я, обходя толпу по максимальному радиусу, приблизилась к тому месту, где недавно лежал Артур, и внимательно осмотрела дорогу. На асфальте темнели несколь-

ко небольших бурых пятнышек. Однако была ли это кровь, я не могла сказать с полной определенностью. И, наверное, ее в любом случае оказалось слишком мало для ранения, полученного в живот.

Я уже собиралась идти дальше, когда заметила блеск металла. Наклонилась и подняла маленький расплющенный шарик, еще довольно теплый. Судя по просмотренным мною боевикам, это была пуля. Самая что ни на есть настоящая расплющенная пуля.

— Полина! Что случилось? Ты что-нибудь видела? — окликнула меня химичка.

Я уже не знала, что видела, а что нет, и совершенно не понимала, что же здесь произошло, а поэтому ответила правду:

— Нет, Тамара Григорьевна, я не знаю, что тут случилось, — и тихонько пошла прочь по направлению к нашему корпусу.

Слушать сплетни мне не хотелось.

Впрочем, слухи догнали меня в школьном автобусе, на пути домой. Честное слово, если бы я сама не была свидетелем происшествия, вполне могла бы им поверить.

Один говорил, будто убит новенький — Артур — сын нефтяного магната. Другой возражал, что отец Артура вовсе не нефтяной магнат, а всего лишь владелец медных месторождений и парочки металлургических заводов. Третий сообщал, что Артур не убит, а только тяжело ранен. И все потому, что заслонил собой от смертельного выстрела банкирскую дочку Виолу Карпушкину.

Один мальчик (мой фаворит в этом словесном забеге) вообще предложил прекрасную версию о нападении на школу с целью убийства лучших ее учеников и, соответственно, грядущей элиты России.

А что, прикольная версия. Сразу видно будущего политика — редкое умение мыслить масштабно и безотносительно к произошедшему.

Я не стала вмешиваться в разговор, Димка тоже молчал, глядя в окно. После того, что произошло у него дома, мы едва обменялись несколькими незначимыми фразами и оба испытывали огромную неловкость.

— Ну пока, до завтра, — буркнул Фролов, перед тем как выйти на своей остановке.

На ступеньках он остановился и оглянулся на меня.

— Пока! — Я помахала ему.

Как хорошо было бы, если бы все само собой наладилось и мы вернулись к прошлым отношениям, таким простым и легким, когда мы могли болтать о чем угодно (ну ладно, болтала в основном я), идти куда-нибудь, жуя мороженое, плечом к плечу, не чувствуя никакого смущения. Такой товарищ, как Димка, был мне очень нужен.

Автобус тронулся, оставив Димку где-то позади, и мои мысли вновь вернулись к сегодняшнему происшествию.

Если думать о том, кто может быть более всех заинтересован в смерти Виолы, боюсь, подозрения падут на меня. Так и представила себя в шикарном кабинете, с огромным перстнем на пальце, отдающей распоряжения наемным убийцам.

С Виолой нас с давних лет связывают непростые отношения. Еще в начальной школе как-то

быстро выяснилось, что мой социальный статус будет пониже, чем у прочих наших одноклассников. Разумеется, таких умных слов тогда не произносилось, просто отношение ко мне само собой установилось словно к бедной родственнице, приживалке в богатом доме. И тогда Виоле вдруг захотелось взять на себя роль моей благодетельницы. Она начала усиленно опекать меня, в то же время при каждом удобном и неудобном случае демонстрируя собственное превосходство.

— Мы возьмем в игру Полину, — говорила она. — Я буду Золушкой, а Полина — одной из моих злых сестер. Пусть она по игре ругает меня, а я все равно буду самой хорошей и выйду замуж за принца!

Однажды на уроке мы готовили небольшую постановку по различным сказочным сюжетам. Каждый написал на бумажке, кем он хочет быть. Виола, правильная девочка, разумеется, выбрала для себя роль принцессы. Признаюсь, я знала об этом, и к тому моменту ее снисходительное покровительство взбесило меня окончательно. Я так и обозначила свою роль: «злая ведьма».

Начало урока я честно отсидела в одном из закутков школы и явилась, когда представление уже вовсю шло.

— Полиночка, ты где была? — спросила меня учительница.

— В волшебной стране, — ничуть не сомневаясь, ответила я.

— И что же ты там делала? — включилась в игру учительница.

— Я нашла ее принца, — я кивнула на Виолу, красующуюся в «золоченой» диадеме, — и убила его.

Виола разрыдалась.

Примерно с тех пор она и стала подстраивать мне всякие мелкие и не очень пакости.

Еще одно крупное столкновение у нас произошло из-за журналистского кружка, а та пощечина и вовсе проложила между нами непреодолимую пропасть. До сих пор, думая о том, как Виола поступила со мной первого сентября, я чувствовала самую настоящую ярость.

В общем, у меня, конечно, были причины ее недолюбливать. Но дело в том, что я-то киллеров не заказывала. Тогда — кто? Скорее всего это связано с ее отцом.

Виктор Карпушкин и вправду являлся владельцем одного из крупных банков, о чем, конечно, благодаря Виоле, знала вся школа. Вполне возможно, как и говорил охранник, покушение подстроено только для того, чтобы напугать его и вынудить к каким-либо действиям.

Но Артур... Как он вообще успел вмешаться?! И как объяснить вот эту расплющенную пулю, которая лежит сейчас в кармане моей куртки и со всей безжалостностью заявляет о своем существовании. Если хотя бы половина из того, что я видела, правда — Артур наделен какими-то невероятными сверхчеловеческими способностями. С ним связано уже столько загадок, что я почти отчаялась найти хоть какие-то ответы...

И тут идея сама пришла в мою голову: а что, если наведаться в то самое кафе, куда он как-то приводил меня, и попытаться разузнать что-ни-

будь об Артуре. Ну или просто посмотреть на людей, с которыми он связан? Почему бы нет?..

— Эй, спящая красавица! Ты, наверное, ожидаешь поцелуя от своего принца? А я тебе не сгожусь?

Ну вот, опять задумалась. Наверное, шофер уже считает меня мечтательной дурой. «Или влюбленной дурой», — ехидно подсказал внутренний голос.

— Прости, Андрей, — ответила я, схватив свою сумку и выпрыгивая из автобуса, — мама мне говорила: умри, но не давай поцелуя без любви!

— Ну до завтра, принципиальная! — засмеялся он, и я осталась на остановке одна.

По дороге домой я размышляла о том, как хорошо, что наша семья не замешана в большом бизнесе. Ну и пусть у нас немного денег, зато живем спокойно. И меня, и моих родителей вовсе незачем убивать.

Я ускорила шаг, чтобы быстрее дойти до дома. Мне вдруг очень захотелось крепко, как в детстве, обнять маму и прижаться к ней щекой.

Глава 10

К счастью, мое беспокойство по поводу Артура оказалось напрасным. На следующий день он появился в школе такой же, как всегда, спокойный и элегантный.

Разумеется, буквально вся школа, начиная с учителей и заканчивая самым распоследним первоклашкой, жаждала узнать подробности вчерашнего происшествия. Но Артур держался тверже, чем партизан на допросе. На все вопросы он отвечал шутками или с невозмутимым видом пожимал плечами.

Зато Виола ходила по школе гордая, словно ей присудили заветный титул мисс мира. Она была чрезвычайно ласкова к Артуру, беспрестанно улыбалась ему и заглядывала в глаза, но я заметила, что ему это неприятно.

Если он ее не любит, то зачем держится рядом с ней? Или это у него такая милая привычка: обнадежить, обласкать вниманием, а потом предать и понаблюдать, что же будет. Кстати, а вдруг он инопланетянин и просто не знает, как ведут себя нормальные люди? А что, вполне себе версия.

В этот день в столовой мы с Димкой, как всегда, сидели за одним столом. Фролов после памятного вечера у него дома держался со мной несколько натянуто. Мы очень мало говорили, и то в основном по делу. Я видела, что он беспокоится обо мне и сам переживает. О том вечере мы не разговаривали, но, вспоминая о нем, почему-то оба смущались.

Вот и сейчас, чтобы немного разрядить атмосферу, я неловко пошутила.

— Ты, Димка, такой серьезный и мрачный, что того и гляди превратишься в филина. Тебя что, злой волшебник заколдовал?

А он вдруг серьезно взглянул мне в глаза и сказал:

— Нет, это тебя, Полина, заколдовал злой волшебник. Я даже догадываюсь, кто именно. Ты совершенно переменилась с момента его появления.

— Ты о чем? — спросила я, избегая встречаться с приятелем глазами.

— Ты понимаешь, — отрезал он. — А еще я скажу, что мне не нравится Артур.

— И правильно, — делано рассмеялась я, — вот и хорошо, что тебе он не нравится! Он и так всем девчонкам голову вскружил. Еще не хватало, чтобы и ты к ним присоединился... — Но тут я натолкнулась на его взгляд — серьезный и очень печальный — и замолчала.

— Что-то в нем есть неправильное, неестественное, — сказал Димка, скользнув колючим взглядом по Артуру, сидящему вместе с Виолой и Натали за несколько столиков от нас.

Артур устроился на диване, цедя через трубочку свой неизменный коктейль, а Виола только что не носилась вокруг него. Она весело щебетала, словно птичка, кокетничала и пыталась накормить его из своих рук каким-то пирожным. Но Артур от пирожного наотрез отказался, и бедная Виола, не зная, как еще продемонстрировать свою преданность и обожание, вконец растерялась.

Где-то в глубине души мне казалось, что в чем-то Фролов прав. Рафинированность и даже красота Артура выглядели как-то пугающе.

Однако слова Димки задели меня так сильно, как будто он говорил обо мне. Хотя нет: гораздо сильнее.

— Он просто воспитан по-другому, чем мы, — живо вступилась я за Артура. — Думаю, ему приходится нелегко, если его отец и вправду занят серьезным бизнесом.

— Ты еще пожалей этого мажора за его богатство. Ведь несчастному каждый день на «Роллс-Ройсе» в школу приходится ездить. И питаться он в нашей школе не может. Наверное, то, что здесь готовят, недостаточно для него хорошо, — зло сказал Димка.

Я удивилась тому, что он действительно разозлился. Я никогда не видела, чтобы Фролов так сердился на кого-нибудь.

— Не горячись, давай не будем из-за него ссориться. — Я положила ладонь на горячую Димкину руку.

Он, не отнимая у меня ладони, взял свой кофе левой рукой и сделал большой глоток.

Некоторое время мы молчали.

А когда я подняла голову, то увидела, что Артур смотрит прямо на нас, и мне показалось, будто он слышал каждое наше слово. Хотя этого, конечно, не могло быть — он сидел на достаточном расстоянии, да и в столовой никогда не бывает тихо. И тем не менее...

Иногда людей сравнивают с планетами. Так вот, Артур казался мне целой галактикой — недосягаемой и загадочной, лежащей далеко за пределами моего разумения. Впрочем, думать о нем слишком много в эти дни у меня не было времени. Вместе с Леной и Димкой мы подверстали наш сентябрьский выпуск, подсоединив к нему сюжет о прошедшем тренинге. До выхода передачи оставались считаные дни, и Лена, собрав все материалы на флешке, передала ее мне, чтобы я

отсмотрела их и, если в том будет необходимость, с Димкой подбила оставшиеся хвосты.

Флешка попала ко мне в самом начале дня, но вечером, уже собираясь домой, я по привычке сунула руку в карман сумки, чтобы проверить ее наличие, и... ничего не обнаружила. Класс уже опустел, я осталась одна и вытряхнула на стол все вещи из сумки — тщетно, флешка как в воду канула.

Судорожно, в сотый раз все перерывая и перетрясая, я думала о том, что это конец. Если пойти к Лене и попросить у нее дубль, мой кредит доверия будет окончательно исчерпан. И как только я, последняя из растяп, умудрилась потерять эту несчастную флешку... Хотя, погодите, карман достаточно глубокий — вряд ли она могла выпасть оттуда сама по себе... Ну, если это опять Виола, я убью ее, и никто, даже Артур, мне не помешает!

— Ты что-то потеряла? — послышался с порога класса знакомый голос.

Сердце привычно дрогнуло.

Я медленно подняла голову и взглянула на Артура, внезапно возникшего в дверях. Странно, я думала, что он уже уехал.

Артур ответил мне мрачным взглядом. Мне показалось, что он не в настроении и, похоже, на что-то ужасно злится.

— Ищу, — отозвалась я, — свое потерянное журналистское будущее.

— Это? — Серебристая флешка блеснула под лампой яркой звездой надежды, взошедшей на моем небосклоне.

Я с облегчением перевела дух.

— Это. Где же ты ее нашел? — И протянула руку.

Однако Артур, вопреки ожиданиям, отпрянул и сжал руку в кулак.

— Я отдам ее тебе. Но...

— Но? — переспросила я, все еще не понимая.

— Но у меня есть одно условие.

Я села за стол, на котором по-прежнему кучей валялись мои вещи — книги, тетради, ручки, карандаши, черно-серебристый раскладной мобильник со смешной подвеской в виде ухмыляющегося сердечка, кошелек, синяя косметичка с оторвавшимся цветком (надо же, я и не заметила, когда это случилось), — и приготовилась слушать.

— Так вот, я верну тебе флешку, но прежде ты должна помочь мне в одном деле. Я знаю, что ты не слишком ладишь с Натали. Она глупая и вздорная девчонка, к тому же мешает моим отношениям с Виолой...

«Так, — подумала я, — у них уже есть какие-то отношения. А что я, собственно, удивляюсь. Тоже мне Золушка выискалась. Только вот нужна ли ты хоть какому-нибудь принцу?..»

— И я хочу, чтобы ты помогла подставить ее перед Виолой. Согласна?

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами. Должно быть, мне это снится. Всего лишь сон, вздорный ночной кошмар, игры разума.

— Вспомни, Натали никогда не делала тебе ничего хорошего, а, напротив, всегда пыталась ударить побольнее. Подумай: на одной чаше весов —

она, на другой — твое журналистское будущее. Неужели так сложно сделать выбор?

Нет, это не кошмар. Это слишком жестоко для кошмара, а поэтому может быть только реальностью.

— Зачем тебе это? — тихо спросила я.

— Я же объяснил, — пожал плечами Артур.

Он избегал смотреть на меня, и мне вдруг показалось, что и ему больно и противно. А еще он зол. Ужасно зол на кого-то. На меня?..

— Зачем ты со мной так поступаешь? У тебя есть какая-то цель? Может, сразу препарируешь меня, как какого-нибудь дождевого червя на биологии, и посмотришь, что у меня внутри! Ты этого хочешь?

Я уже кричала, напрочь забыв о выдержке и всяких приличиях.

— У тебя есть время до завтра. Советую хорошенько подумать, — сказал он и вышел из класса.

Я осталась одна.

Finita la comedia. Бархатный занавес и шквал аплодисментов.

Ну почему, почему этот снайпер все-таки не попал в меня?!

«А потому, что и ему нет до тебя дела, — сказала я себе. — Никому нет до тебя дела. Корчись, дождевой червяк, пытайся уползти от нависшего над тобой ботинка — все равно жизнь твоя продлится, пока твои страдания кого-то забавляют».

Зазвенел мобильник. Димка беспокоился, почему я еще не в автобусе.

— За мной приедет папа, — ответила я сухо, стараясь, чтобы голос не выдал всю глубину охватившего меня отчаяния: не хватало еще, чтобы Димка прибежал сюда. Сейчас я не хотела никого видеть. Даже его. Мне просто нужно немного побыть одной.

Безразличным взглядом я посмотрела в окно на отъезжающий школьный автобус. Стены давили на меня со всех сторон, я чувствовала себя Гераклом, изнывающим под тяжестью небесного свода[1]. Все кончено. На мне можно ставить жирный крест, играть похоронный марш. Как там было у Цоя: «Муравейник живет. Кто-то лапку сломал — не в счет... А помрет, так помрет».

На меня нашло странное оцепенение. Не знаю, сколько я просидела так, тупо пялясь в окно, а потом встала и принялась собирать свои вещи в сумку. Скорее машинально. В конечном счете все это не нужно, ведь жизнь разом потеряла свой смысл.

Собравшись, я вышла из класса.

В коридоре кто-то стоял. Мой взгляд с трудом сфокусировался на темной фигуре, и я вдруг поняла, что это — Артур.

Он шагнул ко мне, я вздрогнула и крепко зажмурилась. Мне вдруг показалось, что сейчас он меня ударит.

Холодные пальцы коснулись моего лица, очень медленно и сумасшедше нежно провели по щеке, лаская.

Меня мгновенно накрыла жаркая волна, будто я с головой погрузилась в теплую океанскую воду или на меня разом направили десяток лампочек, согревших измученное тело. Я открыла глаза, и он одним взглядом выпил всю мою душу.

---

[1] Один из двенадцати подвигов Геракла.

Он смотрел на меня так, как не смотрел никогда раньше. В его глазах появилось нечто новое, словно он, как и я, носил линзы и вот теперь их снял. Будто он был заморожен, как куриная тушка в магазине, и вдруг внезапно оттаял.

Боль? Сомнение? Узнавание?

Передо мной стоял совершенно другой Артур. Не такой, каким я привыкла видеть его в школе. И даже не такой, каким он был в тот памятный вечер в кафе.

— Ты?.. — недоверчиво спросила я и не договорила.

Он приложил палец к губам, тихо покачал головой, а затем взял мою бессильно повисшую руку, вложил в нее что-то и скрылся с глаз.

Да, именно скрылся. Вот он был — и вдруг исчез, только молнией промелькнула его куртка.

Время сегодня играло со мной в странные игры. Не знаю, сколько — секунд, минут, часов, вечностей — я простояла в коридоре, скованная сладким оцепенением. Я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть ощущение счастье, которое пригревшимся котенком свернулось где-то в душе.

Никто так не гладил меня по щеке.

Никто не смотрел на меня так.

Я почувствовала, что схожу с ума. Небо и земля давно поменялись местами, а неведомые планеты далеко-далеко в пространстве, должно быть, отплясывали какой-то неимоверный танец.

Почему Артур имеет надо мной такую власть? Почему он ведет себя со мной так странно. И еще... КТО он?

Я не сразу осознала, что моя рука сжата так сильно, что ногти глубоко впились в ладонь. С удивлением разжав пальцы, я увидела на ладони несколько быстро наполняющихся красным лунок — там, где ногти до крови впились в тонкую кожу, а еще — серебристую флешку.

Неужели то, что говорил мне в пустом классе Артур, — всего лишь глупая шутка?

Но почему он использует меня, как лягушку, через которую периодически пропускают электрический ток, чтобы посмотреть на ее нервную реакцию и полюбопытствовать, долго ли она так протянет?!

Спотыкаясь, я пошла по коридору.

По пути меня нагнали Светлана Петровна, учительница физики, и ее закадычная подружка Татьяна Евгеньевна, математичка.

— Полина, — окликнули они меня, — почему ты здесь так поздно? Школьный автобус давно уехал.

— Все нормально. Я задержалась по... учебе... и уже ухожу.

— Тебя подвезти? — предложила Светлана Петровна.

— Нет, спасибо, — поспешно ответила я.

Учительницы оглядели меня, но, на мое счастье, видимо, спешили куда-то и не стали больше ни о чем спрашивать.

— Будь осторожна, — сказала на прощание Татьяна Евгеньевна, — очевидно, в Москве очень неспокойная обстановка, если вооруженные разборки случаются прямо у стен школы.

Я кивнула и вошла в раздевалку.

Здесь я переобулась, накинула короткую кожаную куртку и вышла из школы. Все это я проделывала совершенно бездумно. Мои мысли витали где-то в неведомых сферах, пока я не поймала себя на том, что провожу рукой по лицу там, где его касались пальцы Артура.

Ловчий, шесть часов спустя

Пылал закат над сумасшедшим домом,
Там на деревьях спали души нищих,
За солнцем ночи, тлением влекомы,
Мы шли вослед, ища свое жилище.
Была судьба, как белый дом отвесный,
Вся заперта, и стража у дверей,
Где страшным голосом на ветке лист древесный
Кричал о близкой гибели своей.
Была зима во мне и я в зиме...[1]

Он нажал на знак Андреевского креста[2], помещенный вверху, и страничка со стихами закрылось. Иногда он мог позволить себе прийти сюда, на Пятницкую, в круглосуточное интернет-кафе. Люди придумали много разных штук, и некоторые из них весьма забавны, приятны и полезны.

Когда-то у него были свои книги. Одну из них он еще долго носил с собой — с пожелтевшими листами, в растрескавшемся темно-коричневом переплете. Золоченая надпись на обложке давно

[1] Из стихотворения Бориса Поплавского «Пылал закат...».

[2] Андреевский крест — крест в виде буквы «Х», графически совпадает со значком, с помощью которого закрывается окно в операционной системе Windows.

уже стерлась, но ему нравилось медленно переворачивать страницы, источающие запах старой бумаги (нынешнюю он просто терпеть не мог), кожи, пота и пыли, разглядывать на первой странице выцветшую чернильную надпись: «Моему милому мальчику! Съ светлымъ праздникомъ...» Он смутно помнил, что и книга, и надпись как-то связаны с ним, но уже забыл, как именно. А потом книга потерялась. Зато появился Интернет, и он по-прежнему мог читать то, что ему нравилось. А еще — просматривать новости. Вот и сейчас, прежде чем уйти, он открыл ленту новостей. Одна из заметок его заинтересовала:

«В Москве появился маньяк.

Четвертое с начала июля зверское убийство совершено на западе российской столицы. Тело шестнадцатилетней девушки, коренной жительницы Москвы, было найдено на детской площадке, неподалеку от дома убитой. Жертве перерезали горло. Как и в предыдущих случаях, тело было полностью обескровлено.

Оперативники не исключают, что в городе вновь появился маньяк. Все убийства идентичны друг другу...

Внимание неизвестного преступника привлекают брюнетки шестнадцати-восемнадцати лет...

По данным фактам возбуждены уголовные дела. Ведется активное следствие.

Правоохранительные органы призывают девушек и молодых женщин быть внимательнее, не вступать в контакты с незнакомыми людьми и, по возможности, избегать прогулок в позднее время».

Все предсказуемо. Странно, если бы они догадались, куда именно девается кровь. Он закрыл окно, расплатился и вышел из здания.

Времени у него немного. Тем более что другие наверняка тоже ее ищут. Он знал: надо торопиться, однако действовать приходилось вслепую. Если она попадет к тем, ситуация перейдет в разряд критических. Нужно любой ценой не допустить этого. Но пока — он ощущал каким-то шестым чувством — все еще оставалась возможность сыграть. Даже если его новая цель опять окажется ложной. Однако шанс был — он почуял в девушке силу большую, чем в предыдущих жертвах. А значит, рога трубят и охота продолжается.

* * *

— Ну вот, Наденька, уже совсем поздно, — мама обеспокоенно взглянула на часы. — Может, дождаться отца? Он сам погуляет с собакой. Или пошли вместе.

— Да ладно, мне полезно прогуляться. А у тебя болит голова. — Девочка отложила книгу, собрала перед зеркалом волосы в хвостик, перетянув их контрастной белой резинкой, и свистнула уже давно нетерпеливо виляющей хвостом собаке: — Ну дождался, пошли гулять.

На слово «гулять» собака радостно взвизгнула и устремилась в коридор за поводком.

— Все-таки интересно, как это у тебя всегда получается узнавать, если у меня что-то болит? — спросила мама, вставшая, чтобы проводить их до двери.

— Интуиция! — отвечала Надя, зашнуровывая кроссовки. — Выпьешь таблетку или тебе боль снять?

— Выпью, не так уж сильно болит. А ты иди, и без того поздно, — мать с беспокойством взглянула на темное окно.

— Да не волнуйся, мы быстро. Только туда и обратно!

Девочка надела на собаку ошейник и вышла из квартиры.

Мать на минуту прислонилась к обитой красным дерматином двери. На сердце у нее почему-то было тревожно. Может, все-таки собраться и пойти за ними?.. Словно откликнувшись на эту мысль, голова заныла с новой силой. Женщина поморщилась. Нет, все-таки лучше выпить таблетку и прилечь на диван. Все будет в порядке, они вернутся раньше, чем пройдет эта мерзкая тягучая боль.

Так она и сделала.

Тем временем девочка и собака уже вышли из подъезда.

Площадка перед домом была знакома обоим до последних мелочей. В чем-то она являлась центром их мира.

Пройдясь до соседней высотки — весь дворик-то небольшой, словно стенами окруженный соседними домами, — они повернули обратно. И тут собака вдруг забеспокоилась. Она залаяла, потом завыла куда-то во тьму и кинулась к ногам хозяйки.

— Все в порядке, трусишка, — попыталась успокоить ее Надя, гладя косматую собачью спину.

Пса била крупная дрожь.

— Ну что ты так испугалась?..

Незнакомец в черной кожанке появился перед ними, будто возникнув из мрака.

Собака истошно взвыла и вдруг, словно сумасшедшая, кинулась прочь.

Наде тоже стало страшно. Говорят, псы умеют распознавать людей. Ее пес всегда был ей верным другом и не раз облаивал не приглянувшихся ему дворников, пьяниц или мотоциклистов, но она никогда не видела, чтобы он кого-нибудь так боялся.

— Отойдите от меня. Я закричу! — предупредила она парня, отступая на шаг.

— Не успеешь, — холодно бросил тот, и она почему-то сразу же ему поверила.

— Однако я могу тебя отпустить, — сказал он. — Хочешь?

— Хочу, — прошептала она ставшими вдруг непослушными губами.

— Вот и прекрасно. — Он дружески кивнул ей. — Очень хорошо, когда люди могут нормально договориться. Я знаю, у тебя есть способности. Ты умеешь лечить, снимать боль или что-то в таком роде?

Она кивнула, чувствуя себя жалким болванчиком, однако воля совершенно покинула девчонку. Даже если бы он ее отпустил, она не смогла бы убежать — ноги вдруг сделались ватными.

— Тогда играем. Как ты снимаешь головную боль?

Она не понимала, зачем он задает ей такие странные вопросы, но тем не менее ответила:

— Руками. Я вожу руками и снимаю боль — слой за слоем, будто чищу луковицу.

— Молодец! — похвалил незнакомец. — Очень перспективная девочка. Ну что, красавица, правила игры таковы. Перед тобой черный ящик. То есть я. Определишь, кто я, — отпущу. Нет — как говорится во всех сказках, пеняй на себя. Начали.

— З-з-зачем мне определять, кто вы? — Зубы девочки невольно клацнули.

— Вот глупая, — удивился он, — я же говорю: таковы условия игры. Ты сама согласилась играть. Или ты меня обманула? — Его глаза подозрительно сузились.

— Нет! Не обманула! — поспешно сказала она, закрыла глаза и сосредоточилась.

Сейчас от Надиных странных способностей зависела ее жизнь.

Медленно, словно боясь обжечься, она протянула к незнакомцу раскрытую ладонь. От него веяло холодом и какой-то странной пустотой. Он был весь словно холодный огонь. Словно потухший очаг. Зияющая дыра в привычной ткани мира. Никогда она не видела ауру так ясно, и никогда ей так отчетливо не представлялось, что перед ней стоит тот, кого просто быть не может.

Она заколебалась.

— Ну? — ободрил он ее. — Ты догадалась? Так скажи.

— Мне... мне показалось, нет, этого не может быть...

— Ну давай, рискни, — ободрил он, приседая перед ней на корточки и заглядывая снизу вверх в лицо.

— Мне показалось, будто тебя нет. Что ты — неживой, — нерешительно прошептала девочка и тут же смутилась. — Наверное, у вас какие-то неприятности?..

— Бинго! — обрадовался незнакомец. — Приз в студию! Прекрасный ответ!

— Так я могу идти? — Она уже почти не верила своему счастью.

— Можешь. Только недалеко, — добавил он. — Потому что, ко всем своим недостаткам, я еще иногда лгу.

Закричать она действительно не успела.

Собака вернулась, когда его уже не было. Медленно и нерешительно она приблизилась к своей хозяйке, поджав хвост и то и дело приседая на задние лапы. Ей было очень страшно, но она все равно вернулась. Подойдя поближе, она лизнула холодное лицо шершавым горячим языком, подняла голову и громко, безнадежно завыла.

Глава 11

Весь следующий день я с волнением ожидала появления Артура, и совершенно напрасно. Резво бежали минуты, неумолимо проходили часы, все оставалось таким же, как всегда, только Артур так и не появился в школе. Даже составляя рассказ из всяких заковыристых слов типа «амикошонство», «амбивалентный», «экзистенциальный» (нам регулярно давали подобные задания — а что, отличный способ запомнить эти «умные» слова), я думала отнюдь не о задании. Я пыталась представить себе, где Артур сейчас: что делает и думает ли обо мне. К концу третьего урока я была уже сама не своя от беспокойства. Учителя не трогали меня, да и Димка, которому я пару раз ляпнула что-то невпопад, похоже, все понял и тоже замкнулся. Боюсь, я опять обращала на него слишком мало внимания.

Виола сегодня была необычайно тиха, и я вдруг поняла, что она тоже беспокоится по поводу отсутствия Артура.

«Даже не представляю, что могло случиться», — услышала я ее слова, адресованные Натали.

Новая Виола, беспокоящаяся о ком-то, кроме себя, была для меня в диковинку. Наверное, я виновата в том, что смотрела на нее предвзято и, возможно, просто не замечала то человеческое, что в ней есть: способность к сопереживанию. Может, зря я считала ее врагом, и мы просто почему-то не понимали друг друга.

А возможно, она действительно любит Артура. Честно говоря, они очень красивая пара и даже подходят друг другу. Оба обладают незаурядной привлекательной внешностью, оба богатые, избалованные, утонченные... К тому же нельзя забывать о том, что он спас ей жизнь.

На этой пессимистичной мысли в класс влетела Вика.

— Привет! — окликнула она меня. — А где ваш новенький?

Я молча развела руками в ответ на этот вопрос дня.

После учебы наш класс снова собрали в актовом зале, чтобы объявить итоги тренинга.

Всех поздравили, похвалили. Особой чести быть выделенными из общего числа были удостоены Артур — за блестяще созданный образ и знания, проявленные в проверяемых областях, и я — за то, что большую часть времени провела в мечтаниях и, как мягко сформулировала литераторша Анна Анатольевна, «постеснялась проявить свои способности при написании сочинения и анализе образа персонажа».

Анна Анатольевна укоризненно посмотрела на меня, и мне действительно стало стыдно, как будто я подвела ее. Я сама прекрасно знала, что очень рассеянна в последнее время и не уделяю учебе столько внимания, сколько прежде. И, разумеется, это никуда не годилось. В конце концов, я достаточно взрослая, чтобы не позволять эмоциям управлять собой. Я — мыслящая личность, и у меня есть совершенно определенная цель: поступить в университет, закончить его и работать журналисткой. Мне нравится эта профессия, к тому же родители всегда гордились моими успехами, и я не могу их огорчать.

Не знаю, как сложатся мои отношения с Артуром — все пока еще очень неопределенно и странно, — и сложатся ли они вообще. Так что нечего бесполезно страдать и рефлексировать — пора заняться делом.

В этот день я с былым жаром взялась за учебу, а вечером мы с мамой и папой играли с Джимом, смотрели какой-то длинный триллер и ели попкорн, запивая его колой. Обычно мои родители не слишком поощряют эту нездоровую еду, но сегодня, когда я предложила посидеть всем вместе у телевизора, папа сам с удовольствием сбегал в магазин.

Я часто замечаю, что отцу будто неудобно передо мной за то, что мы живем в простом, не элитном, доме и что одета я не так дорого, как мои одноклассники, а главное, за то, что он целыми днями пропадает на работе и мы можем проводить друг с другом не очень много времени.

Другое дело в детстве. Иногда я с удовольствием вспоминаю, как мы все втроем ходили в зоопарк, ели сахарную вату и вместе с папой с азартом резались в какую-нибудь простую компьютерную игру.

— Все хорошо, — сказала я себе, укладываясь спать.

И почти совсем не вспоминала об Артуре.

А ночью мне опять привиделся кошмар. Мне снились тусклые фонари и запутанные улицы города. Я опять бежала по ним куда-то, терзаемая паническим страхом. Я чувствовала, что за мной кто-то идет. Он подобрался уже совсем близко, и временами я чувствовала его дыхание. Я знала, что оглядываться ни в коем случае нельзя. Главное — бежать и бежать, не останавливаясь ни на минуту. Тогда у меня будет шанс спастись.

Где-то надсадно и страшно выла собака. Кричала какая-то женщина...

Весь мир сузился до этой полутемной кривой улочки. Смерть следовала за мной по пятам. Я хотела позвать Артура, но не могла произнести ни

единого звука, будто кто-то наложил на мои губы печать молчания.

Бледный глаз луны чуть щурился в темных тучах и наблюдал за мной с равнодушным любопытством.

— Оглянись! Посмотри ему в глаза! Прими свою судьбу! — шепнула мне ночь.

И тут я поняла, что снова могу говорить.

— Никогда! — крикнула я, поднимая лицо к небу. — И пусть взойдет солнце!

В тот же миг горизонт и вправду озарился золотым и пурпурным, и на небе показалось солнце. Оно росло и росло — огромное, торжествующее, сияющее.

Тьма взвыла тысячью голосов, полных боли и отчаяния, и отступила.

Я стояла в мире, залитом солнечным светом — он был таким ярким, что даже слепил, — и думала о том, почему эти пронзительные лучи не греют.

Открыв глаза, я обнаружила, что в окно и вправду заглядывает солнце, а мое одеяло утащил Джим, недвусмысленно намекая на то, что пора вставать и выгуливать собаку, которая, понимаете ли, давным-давно ждет, когда проснется соня-хозяйка.

— Джим, а тебе снятся кошмары? — спросила я верного пса, но тот только тихонько гавкнул и дружелюбно замахал хвостом, то и дело попадая им по моим голым ногам.

Между прочим, это не самое приятное с утра!

Я зевнула и потянулась. Что-то частенько мне стали сниться странные сны об опасности, подстерегающей меня в темноте. Хотя, вероятнее всего, беспокоиться все-таки не о чем. Как сказала бы наш школьный психолог, это часто случается с подростками и выражает их страх взросления и загнанные в подсознание комплексы.

Наверное, и вправду, как в анекдоте: бывают, девочка, и просто сны.

Последующие школьные дни не принесли ничего нового. Артур так и не появился, и я уже едва помнила себя от беспокойства. Даже долгожданный эфир нашей с Димкой сентябрьской передачи оказался на этом фоне смазанным.

Вместо торжественной линейки на первое сентября там был короткий репортаж из серии «Чего новенького», рассказывающий о том, что изменилось в школе за лето, о новых ребятах (их оказалось немного, в основном все у нас учились с первого и до последнего класса), также был сюжет о тренингах, интервью с учениками на тему, чего они ждут от следующего учебного года, и зарисовки-воспоминания о лете: кто куда ездил, кто где был, отдельный сюжет — о школьной поездке во Францию, в которой я не принимала участия.

К моменту выхода передачи в эфир я, во-первых, была слишком занята мыслями об Артуре, а во-вторых, как это со мной частенько случается, успела уже полностью в ней разочароваться. Пока я готовила материал, придумывала темы и брала интервью, все казалось мне увлекательным и интересным. Но вот съемки закончены, передача смонтирована и отсмотрена не менее десятка раз —

и меня вдруг посетила мысль, что получилось недостаточно интересно и ярко и все надо было делать совершенно по-другому. Я поделилась этим соображением с Димкой и Леной, но оба пытались успокоить меня, уверяя, что все в порядке и это обычный мандраж, часто случающийся перед тем, как результаты работы нужно представить на суд людей. Хорошо бы действительно так.

Скажу сразу, что показ прошел нормально. Меня поздравляли, говорили всякие приятные слова. Даже Виола не ляпнула никакой гадости. Она вообще в последнее время подозрительно притихла. Я видела, как они с Натали целыми днями о чем-то перешептываются.

Как-то на перемене Натали спросила, не знаю ли я, что случилось с героем моей передачи. Это она, разумеется, об Артуре. Подойти ко мне самой у Виолы явно не хватило то ли храбрости, то ли наглости. Я совершенно искренне ответила, что не знаю, но про себя твердо решила заехать в выходные в то самое кафе, куда однажды водил меня Артур, и разузнать там о нем поподробней.

Так я и сделала.

Рано утром в субботу я сказала родителям, будто отправляюсь на встречу (а что, в целом это даже правда), села в метро и доехала до «Арбатской».

Прислонившись пылающим лбом к холодному стеклу двери, я снова думала об Артуре.

Подводя итоги, нельзя было не признать нескольких очевидных фактов.

Первый. С Артуром что-то не так. Он явно отличается от других — иначе откуда его молниеносная реакция и прочие странности, которые я наблюдала.

Второй. Так или иначе он мной интересуется, словно прощупывает меня. Иногда, мне кажется, даже против своей воли.

А третьим фактом был тот, что я уже ввязалась в эту историю и сижу в ней по самые уши. Артур слишком много для меня значит, если я не испугалась даже его безобразного поведения.

Не люблю и не хочу быть слепой жертвой, влекомой куда-то. А значит, нужно наконец разобраться, что происходит.

Мне совершенно необходимо разыскать «Элис» — я хорошо запомнила это название — и разузнать там все, что можно. Иначе какой из меня журналист?!

Отыскать кафе, в котором мы сидели с Артуром, оказалось нелегко. Я целый час проплутала в путанице бесконечных арбатских переулков, не находя ничего похожего, и наконец, когда уже совсем решила сдаться и просто брела куда глаза глядят, ноги сами вывели меня к нужному зданию. Я прекрасно помнила эту узенькую улицу с невысокими двухэтажными домами и лестницу вниз с массивными чугунными перилами. Однако на знакомой двери красовалась неприметная табличка с надписью: «Похоронное бюро ЗАО «Элизиум»[1].

Я буквально не поверила своим глазам. И ули-

[1] Элизиум — в античной мифологии место пребывания душ умерших праведников.

ца, и дверь — все было совершенно таким же, как и в моих воспоминаниях.

«Может, днем они работают как похоронное бюро, а вечером убирают гробы и прочий антураж — и вот тебе, пожалуйста, готовое кафе», — промелькнула в голове совершенно безумная мысль.

Но на смену ей тут же пришла другая, более здравая: мало ли в Москве похожих зданий. В том месте я была всего только раз и вполне могла ошибиться...

И все-таки интуиция продолжала уверять меня, будто я пришла как раз туда, куда нужно. Лучше сделать что-то, чем не сделать, а потом всю жизнь сожалеть о несделанном. С этой мыслью я спустилась по лестнице, вдохнула, собирая всю свою храбрость, и толкнула массивную дверь.

Она даже не дрогнула. Заперто. Странно, на вывеске нет никаких сведений о часах работы этого заведения.

Я громко постучала.

Тишина...

Да, похоже, они там не слишком-то дорожат клиентами...

А что, если все это маскировка? Артур говорил, что заведение только для своих, вот они и вывесили дурацкую табличку похоронного бюро, чтобы отпугнуть ненужных посетителей. Не слишком банальный ход. С чего бы владельцы нормального бара стали так поступать? Объяснение может быть только одно: там собираются совершенно особенные люди. Например, бандиты и киллеры. Возможно, Артур предотвратил то покушение на Виолу именно потому, что сам...

«Стоп!» — велела я себе, поняв, что сейчас додумаюсь бог знает до чего. Версии у меня получались одна бредовей другой.

Первая. Артур не человек. (А кто? Инопланетянин, что ли?)

Вторая. Артур подготовленный, натренированный киллер, обладающий сверхчеловеческими реакциями.

Бред, бред, бред!

Если устроить в нашей школе конкурс на самую глупую фантазию, я, безусловно, выйду в нем победителем.

На этой отнюдь не оптимистичной мысли я вздохнула, поднялась по лестнице и двинулась обратно к метро.

И тут зазвонил телефон. Я взглянула на определитель: Вика.

— Привет! — отозвалась я, нажимая «прием».

— Привет-привет! — отвечала Вика. — Где шляешься? Я уже тебе домой звонила.

— Так, по центру гуляю, — а сама тем временем пыталась сориентироваться в хитросплетении улиц и понять, где же здесь метро.

— С кем-то? — жадно спросила она.

— Нет, одна. А что?

— Пошли лучше со мной по магазинам. Не знаю, как ты, а я совершенно пообносилась, даже в школу надеть нечего!

Я представила себе пообносившуюся Вику, и мне стало смешно. Насколько я знаю, ее гардероб просто ломится от всяких модных тряпок. Кофточек, джинсов, курточек и шубок всевозможных расцветок и фасонов там столько, что хватило бы

на небольшой магазинчик. Когда я была в гостях у Вики, ее гардеробная, размером, наверное, в добрую половину моей комнаты, произвела на меня весьма сильное впечатление.

— Есть две проблемы, — ответила ей я, обрадованная тем, что каким-то чудом вышла к Новому Арбату, — первая — мы с тобой ходим в разные магазины. А вторая — понимаешь, у меня нет с собой денег. Я, конечно, могу посмотреть, как ты примеряешь различные наряды, однако...

— Это не проблема! — быстро отреагировала Вика. — Во-первых, я не собиралась покупать себе ничего особенного, а для мелких шмоток вполне сойдет и «Охотный ряд». Весьма демократиченько. А насчет денег не беспокойся — я одолжу тебе сколько нужно. Мне как раз отец сегодня на карточку средств подкинул. Думаю, мы подберем тебе что-нибудь недорогое и миленькое. Ну соглашайся же! Прошвырнемся по магазинам, а потом в кафешке посидим. Ну?

«А почему бы и нет? — подумала я. — Это в любом случае лучше, чем торчать дома и забивать голову всякой ерундой».

— Хорошо, сейчас, перезвоню родителям и спрошу, не против ли они, если я пройдусь по магазинам, — сказала я, и Вика пообещала, что будет с нетерпением ждать моего звонка.

Переговоры с родителями прошли успешно. Мама даже обрадовалась, что я собралась немного обновить гардероб и, при соблюдении мною определенной меры, наш семейный бюджет вполне выдержит мой визит в «Охотный ряд».

Так что минут через сорок мы с Викой уже толкались, в числе других покупателей, в переполненных бутиках.

— Ты только взгляни, какая прелесть! — искренне радовалась каждой новой находке Вика.

Я смотрела на очередную желто-оранжевую кофточку — такую яркую, что у меня даже рябило в глазах, и неопределенно улыбалась.

— Ты что! — тут же принималась горячиться Вика. — В этом сезоне в моде люминесцентные яркие цвета!.. Ой! Какая прелесть! — И она выуживала неимоверную многослойную юбку, выглядящую так, будто ненормальный художник опрокинул на нее все свои пузырьки с красками, а потом, для усиления эффекта, искромсал все полотно ножом.

Спорить с Викой о моде — себе дороже, поэтому я опять улыбалась и кивала.

В общем, мы обошли все бутики «Охотного ряда» — от самого верха до низа, и Вика оказалась обладательницей целого вороха пестрых тряпок, бесспорно, самых модных в этом сезоне оттенков.

Я тоже не осталась без покупок, выбрав себе милое трикотажное платьице приятного горчичного цвета, яркий — черный с оранжевым — блестящий плащ и оригинальный комплект украшений, состоящий из бус и браслета, черных с металлическими висюльками.

— Ну вот, славно потрудились, — заметила Вика, удовлетворенно оглядывая пакеты с покупками. — И вполне заслужили награду. Теперь — в кафе.

Она затащила меня в «Шоколадницу», расположенную на третьем уровне торгового центра, и,

пока мы ожидали заказ, Вика, откинувшись в кресле, задала мне вопрос, ради которого, похоже, и был затеян сегодняшний поход по магазинам.

— Расскажи мне об Артуре, — сказала она. — Как я понимаю, он у вас совершенно необыкновенная личность. Вся школа только о нем и говорит.

— Боюсь, что знаю об Артуре не больше тебя, — попыталась отговориться я, — ну что сказать? Довольно симпатичный...

— Довольно симпатичный?! — перебила меня Вика. — Ну ты даешь! Либо у тебя совсем нет сердца, либо ты сейчас выпендриваешься!

Я покраснела. Сердце у меня все-таки было.

— Ах так! — торжествующе провозгласила юная садистка, уставившись на меня, как следователь на допросе. — Ну рассказывай же! Признайся, что он тебе нравится!

— Я не хочу говорить на эту тему, — заявила я. — А об Артуре тебе лучше порасспросить Виолу. Это с ней, а не со мной он сидит рядом и ходит на всех переменках.

Хотя Вика мне и подруга, рассказывать об Артуре я не собиралась. Прежде всего потому, что сама не знала, где заканчивается мое воображение и начинается реальность. Нам говорили, что все в мире относительно и зависит во многом от воспринимающего субъекта. Артур слишком загадочная личность, чтобы делать о нем выводы на основе имеющихся фактов.

Ну а потом, Вика, конечно, хорошая девчонка, но кто из нас без недостатков? Ее недостатком была... мягко выражаясь, общительность. Эта общительность, помноженная на природное любопытство, являла собой страшную силу и не раз способствовала молниеносному распространению сплетен по школе. Честно сказать, благодаря дружбе с Викой мне не нужно было охотиться за новостями: они сами исправно и регулярно поступали ко мне. Иногда даже чаще, чем этого бы хотелось.

— Ну ты же брала у него интервью и учишься с ним в одном классе! Я бы на твоем месте уже знала о нем буквально все! — разочарованно протянула Вика.

Видя, что от нее не отвяжешься, я рассказала ей об успехах Артура в учебе и о том, как стала свидетелем покушения на Виолу. Вика тут же набросилась на меня, требуя подробностей. Но я постаралась представить дело как можно прозаичней, предусмотрительно пропустив все детали, которые произвели на меня неизгладимое впечатление.

В ответ она поделилась со мной сведениями об отце Артура, полученными из собственных источников. (Честное слово, я давно подозревала, что у Вики — целая агентурная сеть по всей Москве, а может, даже не только...) Отец Артура, бизнесмен Валерий Климов, и вправду являлся владельцем медных месторождений и довольно крупного металлургического завода. Как подчеркнула Вика, он тоже личность весьма таинственная, почти не засветившаяся в прессе. Ей также удалось узнать, что большую часть времени Климов проводит у себя на Урале либо за границей,

бывая в Москве по делам бизнеса лишь наездами. Про мать Артура никаких достоверных сведений не имелось. Известно только, что сейчас его отец пребывает в статусе холостяка, а разведен он, вдовец или вообще не регистрировал свои отношения с матерью Артура — остается вопросом. Если уж этого не узнала Вика, думаю, не узнает никто.

Во время беседы нам принесли заказ, и Вика с жадностью набросилась на еду, доверительно сообщив, что хождение по магазинам всегда вызывает у нее зверский аппетит. Мне же кусок не лез в горло.

Она уже доела суп из шампиньонов и принялась за сырный пирог, а я все сидела над своими шоколадными блинчиками, печально тыкая в них вилкой. Вообще-то я очень люблю блинчики, но сейчас одна мысль о еде казалась мне отвратительной.

В конце концов Вика не выдержала.

— Ну, Полина, ты и садистка! — сказала она. — Оставь в покое бедный блинчик. Не хочешь есть — не ешь, но не терзай его так!

Я посмотрела на блинчик. Шоколад на нем показался мне кровью, вытекшей из нанесенных мною отвратительных ран, я передернулась и подальше от себя отодвинула тарелку.

Часть II

АЛЫЙ

Глава 1

Половину воскресенья я честно отработала курьером, развозя отцовским клиентам бумаги, диски и прочую мелочь.

Потом мы с Джимом гуляли и обнаружили голубенка, которого клевала ворона. Собственно, нашел его Джим. Он отогнал разбойницу громким лаем, и тут подоспела я, осторожно взяла уже полностью оперившегося птенчика в ладони и отнесла домой. Мы с мамой промыли слабым раствором марганцовки его раны, которые, к счастью, оказались неглубокими. Птенец чувствовал себя неплохо, согласился попить воды из блюдечка и съесть размоченный хлебный мякиш.

— Вообще-то голуби — разносчики заразы, — сказала мама, подозрительно осматривая моего нового питомца.

— Но не можем же мы бросить его на погибель, — возразила я, — он еще не умеет летать, и его съест первая попавшаяся кошка. Или та же ворона.

И мама, разумеется, махнула рукой. Она у меня вообще добрая.

Так в нашем доме появился Мерлин. Такое имя я придумала голубенку, загадав в тот день,

что, если птенец поправится и вырастет здоровым, все будет хорошо и в моих отношениях с Артуром.

Мерлин оказался бойким и любопытным птенцом, к тому же, видимо, вполне жизнестойким. Уже следующим утром стало понятно, что раны его подживают и юной голубиной жизни не грозит никакая опасность.

В общем, прогнозы были весьма оптимистичные, однако и в понедельник Артур в школе не появился. Я чувствовала себя как выброшенная на берег рыба и поймала несколько долгих и печальных Димкиных взглядов: от него, конечно, не укрылось мое состояние.

На уроках я отвечала так плохо, что поняла: если я не разыщу Артура сегодня же, моя успеваемость полетит в тартарары, и все усилия родителей вырастить из меня культурную и интеллигентную личность пойдут прахом.

Именно поэтому вечером, вместо того чтобы ехать домой, я сослалась на срочные дела, отключила мобильный телефон и отправилась в центр.

Я решила попытаться еще раз отыскать то странное заведение и проверить, не узнаю ли я там чего об Артуре. К тому же меня уже который день снедала мысль о похожести названий «Элис» и «Элизиум». Первое казалось мне сокращением от второго. В любом случае эту версию нужно было отработать.

Приехав на Арбат, я пошла по дороге, памятной с прошлого раза, и, разумеется, вышла не туда. Ничего похожего на нужный переулок и близко не было.

— Хорошо, — сказала я себе, — начнем заново. Если этот несчастный бар хочет поиграть со мной в прятки — как говорится, добро пожаловать.

В первый раз мне удалось найти его случайно, уже почти отказавшись от этой идеи. А что, если повторить трюк? Довериться интуиции и пойти куда глаза глядят?

И я пошла. Я брела по темным переулкам, без конца куда-то поворачивая.

Один раз меня напугала большая пьяная компания, в другой — попытался привязаться какой-то подозрительный мужик, я убежала от него и, завернув за угол одного из домов, неожиданно оказалась на знакомой улице.

Вот и лестница, готические чугунные перила. И надпись «ЗАО «Элис».

Их что, и вправду периодически меняют: то «Элис», то — «Элизиум»?

Мне стало смешно, когда я представила себе несчастного владельца подозрительного заведения, вынужденного постоянно менять таблички. Хотя в этом случае, конечно, выгоднее сделать одну переворачивающуюся вывеску и просто не забывать крутить ее время от времени.

Движимая любопытством, я подошла поближе к табличке. Она оказалась накрепко привинчена к стене шурупами.

Оставалось только гадать: сюда ли я приходила в субботу и не померещилась ли мне надпись «Элизиум». Хотя про бюро ритуальных услуг я вряд ли бы придумала сама. Не испытываю ни малейшей склонности к готической культуре.

Черные губы, корсеты с низким вырезом и всякая кладбищенская романтика — все это, знаете ли, не для меня. Я люблю жизнь со всеми ее красками, люблю солнце и зеленую траву, теплый дождь и тихое журчание реки, люблю бегать по траве босиком, рвать цветы, плести венки и читать что-нибудь, прислонившись спиной к толстому стволу старого дуба — примерно такому, что растет неподалеку от нашей дачи. Однако этот вечер, словно впавший в меланхолию художник, рисовал передо мной исключительно мрачные картины.

День выдался довольно хмурым, и в семь часов над Москвой уже сгустились сумерки.

В воздухе висел туман, поэтому весь переулок казался весьма мрачным и похожим на черно-белую картинку. Хотя черного и серого здесь было не в пример больше.

Мне стало очень неуютно, наверное, от сырости, однако я собралась с силами, спустилась по лестнице, стараясь не касаться холодных, даже на взгляд, перил, и громко постучала.

Никто не ответил, и я принялась колотить кулаками в дверь. Было бы глупо уже второй раз банально топтаться перед запертой створкой.

Она открылась так внезапно, что я едва не ударила кулаком в грудь возникшего передо мной высокого широкоплечего мужчину.

— Что тебе нужно? — спросил он, демонстрируя всю ненавязчивость здешнего сервиса.

Но меня не так легко отпугнуть.

— Добрый вечер, — сказала я как можно вежливее. — Позвольте войти. У меня здесь назначена встреча.

— Какая встреча? С кем? — Он окинул меня с головы до ног неприятным цепким взглядом, и я постаралась сделать лицо попроще.

— С Артуром, — ответила я, взмахнув ресницами и тщательно изображая, будто это само собой разумеется и я крайне удивлена его тупостью.

Мужчина заколебался. Ага! Он знает Артура! Нужно идти ва-банк.

— Я, конечно, могу уйти, но не расстроится ли он, если я скажу, что вы, — я выделила это слово, — не впустили меня в кафе?

— Проходи. — Охранник посторонился.

Ура! Может, зря я не хожу в театральный кружок, когда налицо такой явный талант?..

В зале так же, как и в первый раз, горел неяркий свет, скорее собирающий, чем разгоняющий тени, потрескивал камин. Никаких гробов и прочих причиндалов бюро ритуальных услуг я не обнаружила, хотя, возможно, они просто были хорошо спрятаны.

Я села за ближайший свободный столик и огляделась. Народу сегодня было явно больше, чем при первом посещении кафе, и почти все столики оказались занятыми. Я заметила, что публика эта вполне состоятельная, наверное, из артистической среды. По крайней мере, неподалеку от меня расположилась компания мужчин во фраках, с пышными кружевными манишками, и женщин, облаченных в странные декольтированные ретроплатья весьма смелых и оригинальных фасонов. И мужчины, и дамы показались мне очень красивыми и какими-то чересчур яркими для обыден-

ной жизни. Стараясь не слишком пялиться на них, я уткнулась взглядом в стойку.

Бармен, ловко полирующий красивый старинный бокал (ну надо же, как здорово здесь выдержана средневековая обстановка!), вдруг застыл на месте и уставился на меня так, будто увидел привидение.

«Либо с моей прической что-то не так, либо тут тематическая вечеринка», — решила я.

Меж тем компания за соседним столиком тоже внаглую разглядывала меня и о чем-то тихо переговаривалась.

Мне стало неуютно. Все вокруг так и источало опасность, и шикарная идея с расследованием с каждой секундой казалась мне все более и более сомнительной. Я потихоньку вытащила из сумочки зеркало и взглянула на себя. Видно плохо. Но вроде волосы более-менее в порядке. Линзы тоже на месте. А что под глазами? Растекшаяся тушь? Нет, к счастью, только тень от ресниц. Ну и что им не нравится?

Пока я проводила все эти манипуляции, бармен наконец поставил на стойку бокал и двинулся ко мне.

Я видела, что один из мужчин спросил его о чем-то, и он, не останавливаясь, бросил ему в ответ что-то резкое.

Надеюсь, это не сутенеры, похищающие молоденьких девочек и увозящие их куда-нибудь в бордели Турции или далекого Сингапура.

Тем временем бармен добрался до своей цели. То есть до меня.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, нависая надо мной, словно скала над одиноким кораблем.

— Вы меня помните? Я была здесь с Артуром, — сказала я многозначительно.

Бармен промолчал. И вообще какой-то он странный. Высокий, худой, и даже при этом свете видно, какой бледный. А глаза — бррр! Мурашки по коже.

— Он много рассказывал об этом месте, да и мне здесь очень понравилось, — вынуждена была продолжать я. — Мы с ним в одном классе учимся, а у нас класс очень дружный, — врала я напропалую, будто сам черт был мне не брат, — вот я и захотела поближе познакомиться с его друзьями, а заодно узнать о его состоянии здоровья. Он отсутствует в школе с середины прошлой недели. Вы ничего о нем не знаете?

Бармен посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Я уже сама начинала чувствовать себя такой, поэтому выдала:

— Может, принесете мне свой фирменный напиток? — смутно надеясь с помощью этой фразы перейти в разряд клиентов и получить драгоценный кредит его доверия.

Но бармены, видно, не моя судьба. По крайней мере, отношения с ними у меня не складываются категорически. Вот и этот отреагировал на простую и естественную просьбу весьма необычным образом.

— Вон отсюда! — сказал он. Тихо, но таким голосом, что по моей коже пробежала целая толпа ледяных мурашек.

— Да ладно, если у вас закрытая вечеринка, я

и вправду пойду, — поспешила сказать я, — но меня же впустили...

— С этим я разберусь, — пообещал бармен, бросив взгляд на охранника, и я заметила, что громила невольно отступил на шаг, видимо, не на шутку напуганный угрозой. Ну надо же, как этот тощий хлипкий человек здесь всех запугал. Может, он криминальный авторитет?.. И стоит за стойкой только для маскировки. Или это у него хобби такое.

Я встала, с достоинством одернула новый плащик и направилась к выходу.

— Никогда. Сюда. Не. Возвращайся, — услышала я за спиной его ледяной голос.

Вывод можно сделать один: друзья Артура (если они, конечно, ему друзья) не менее странные люди, чем он сам.

Охранник распахнул передо мной дверь. В глазах его я увидела безнадежность и смутную тоску. Видимо, он уже предчувствовал наказание за проступок.

— Извините, что так вышло, — сказала я ему, — может, я смогу чем-то вам помочь? Сказать, что вы не виноваты.

Но он только махнул рукой, и я, надо сказать, с облегчением оказавшись на улице, вдохнула прохладный вечерний воздух.

Но едва я зашла за угол, как на мое плечо опустилась чья-то рука. Я не слышала звука шагов и поэтому даже подпрыгнула от неожиданности.

Рядом со мной стоял молодой ухоженный мужчина, облаченный в тоненькую рубашку, обшитую кружевом по вороту и манжетам. У него были светлые волосы, уложенные в аккуратную прическу, и небрежные аристократические манеры. Я вспомнила, что уже видела его. Причем совсем недавно — в кафе, за соседним столиком. Ну точно артисты.

— Я слышал, ты дружишь с Артуром, — сказал он мягким, бархатным голосом.

Я кивнула, решив не посвящать незнакомца во все сложности наших отношений.

— Прости Яна, он очень блюдет свое заведение и не любит незнакомцев. Пойдем со мной. Здесь поблизости есть другое кафе...

Я заколебалась. Идти пусть с приятным, но незнакомым человеком куда-либо было делом опасным. А что, если он сумасшедший, да еще и буйный?..

— Я хорошо знаю Артура и его родителей. И, честно сказать, беспокоюсь за него... Эта новая школа... — незнакомец испытующе взглянул на меня, — я в курсе, что у него сейчас проблемы... Не могла бы ты уделить мне минутку?.. Прости, совсем забыл представиться. Владлен. — Он протянул мне тонкую холеную руку, и я ее пожала.

К вечеру похолодало, он был в одной рубахе, поэтому неудивительно, что у него оказались такие ледяные пальцы.

— Виола, — зачем-то представилась я. — Ну что же, я с удовольствием поговорю с вами.

— Здесь недалеко. — И он повел меня вниз по переулку.

Идти было действительно недалеко, потому что не успели мы миновать два темных офисных

здания, как вдруг я оказалась накрепко прижата к стене. Его руки, словно железные скобы, держали меня, не оставляя никакой возможности для маневра.

Я вспомнила, что в таких случаях нужно изо всей силы ударить противника в пах и бежать в какое-нибудь людное место, громко крича о помощи. Однако осуществить это было сложно. Он буквально припер меня к стене, приподняв над землей, и стоял слишком близко. Хорошо бы он опустил меня на мостовую и немножечко отошел. Однако предлагать это Владлену я не стала. Почему-то мне показалось, что моя просьба не встретит в нем понимания.

— Ты расскажешь мне все, — говорил тем временем он, — а потом я выпью из тебя кровь. Всю. До последней капли.

Отличное предложение!

И тут я по-настоящему разозлилась. В моей жизни никогда не было проблем значительнее, чем мелкие пакости, творимые Виолой. А в последнее время все словно сговорились довести меня. Артур со своим странным и противоречивым поведением. Недавнее нападение, во время которого меня абсолютно случайно — эдак походя — едва не убили. Хамоватый бармен, буквально вытолкавший меня из своего заведения на потребу всем местным маньякам. И вот пожалуйста — какой многообещающий финал! Какие головокружительные перспективы!

— Не скажу! — заорала я в холеное лицо мерзавца. — Мне не подходят твои условия!

Надо сказать, мерзавец несколько опешил от моей наглости. Я попыталась воспользоваться этим, чтобы вывернуться и убежать, но не тут-то было. Удивление Владлена, увы, никак не сказалось на его бульдожьей хватке.

— Расскажешь, — тихо и жутко произнес он и посмотрел в мои зрачки.

У него были ужасные глаза. Одновременно пустые и пронизывающие, будто там пряталась голодная бездна, затягивающая в свои глубины всякого, по неосторожности приблизившегося к ее краю.

Потом мне показалось, будто на меня несется огромная бетонная стена, которая расплющит меня, словно попавшую под колеса грузовика лягушку. Инстинктивно я выставила перед собой сверкающую ледяную стену. И тут произошло столкновение. Я почувствовала его буквально физически — острая боль пронзила все мое тело. Из ледяной стены во все стороны дождем брызнули осколки, но она устояла.

Я судорожно втянула в легкие воздух и поняла, что не дышала все это время. Хотя какое там время — на самом деле прошло не более секунды.

— Ты расскажешь мне все, — сухо повторил Владлен, если это, конечно, было его настоящее имя.

Ну хорошо, спорить с психом — себе дороже, и я решила избрать иную тактику.

— Спрашивай, — прошептала я и увидела, как его тонкие губы дрогнули в улыбке.

— Что Артуру нужно в вашей школе? Зачем он туда пришел?

Настоящий журналист должен справиться с

подобной ситуацией: заболтать противника и усыпить его бдительность. Хуже, что действовать приходится вслепую.

— За знаниями, — ляпнула я. И тут же подумала, что вот теперь он меня точно убьет.

Но мой ответ почему-то прокатил.

— Хорошо. За какими?

Сказать «за гуманитарными» — наверняка вызвать приступ его ярости. Физика с математикой тоже вряд ли его устроят.

— Обо мне. Он должен был собрать сведения обо мне, — быстро ответила я, чтобы сказать хоть что-то.

— Дальше, — потребовал мучитель.

Мой мозг напряженно работал в поисках решения. Нужно придумать какую-нибудь правдоподобную, хотя бы на первый взгляд, историю. А еще желательно такую, чтобы Владлен счел, что живая я буду ему полезней.

— Я точно не знаю, — стала на ходу сочинять я и вдруг вспомнила, что при знакомстве назвала ему чужое имя. И в голове тут же родилась идея. — Думаю, все это связано с моим отцом, известным банкиром. Он занимается серьезным бизнесом, и это привлекает к нему внимание. На прошлой неделе на меня уже было совершено нападение, и Артур меня спас...

«Верит? Не верит?» — стучало в голове.

— Артур как-то связан с этим бизнесом?

— Кажется, его послал отец. Ты должен меня отпустить. Мой отец может заплатить за меня выкуп, — заявила я, все больше вживаясь в образ Виолы.

— Артур рассказал тебе о своем отце? — Владлен смотрел на меня так, словно я сказала ужасающую чушь.

Не знаю, что такого секретного в преуспевающем, но, в общем, обычном владельце заводов, машин, пароходов.

— Рассказал, — подтвердила я. — Знаешь, он будет очень расстроен, если со мной случится что-нибудь плохое. И, честное слово, я не хотела бы оказаться на твоем месте, когда он до тебя доберется.

Разумеется, я блефовала. А что еще мне оставалось делать, будучи прижатой к стене, причем в самом что ни на есть буквальном смысле!

— Значит, Артур будет расстроен? Вот и славно. Давно хотел добраться до этого зарвавшегося мальчишки, — заявил маньяк, и я поняла, что избранная мною линия защиты оказалась неверной.

Но уже было поздно. Господи! Какие у него... голодные глаза! Никогда еще я не испытывала такого страха, как в тот момент, когда поняла, что моя жизнь легче лебединого пуха — лишь подуй на нее и...

Я громко закричала, а незнакомец повернул мою голову и...

Пришла в себя я уже на земле, и глазам моим предстало странное, страшное и в то же время завораживающее зрелище.

Владлен и Артур (откуда он только здесь появился) кружили друг напротив друга, словно в странном танце. Они были похожи на двух великолепных хищных зверей — породистых, сильных и невероятно опасных. То один, то другой пытал-

ся сделать стремительный, едва уловимый взглядом выпад. Но противник каждый раз каким-то чудом умудрялся перехватить своего врага.

Темные силуэты зданий... Редкие фонари, роняющие слабый, таинственный свет, словно отколотая половинка луны в небе, и эта невероятная, красивая драка! Я смотрела на них... с восхищением. Мне никогда не нравились поединки, но этот!..

Я наблюдала за завораживающим действом и вместе с тем осознавала, что на карту поставлена моя собственная жизнь.

Тем временем противники сплелись в один путаный клубок. Они двигались так быстро, что я уже не могла различить, кто из них где, сколько ни напрягала глаза. Владлен был выше и крупнее Артура.

Только бы Артур выжил! Только бы он победил! Я бы сделала для этого все!

Но вот картинка изменилась: один из противников, поверженный, лежал на земле, другой — держал его за горло.

— Не убивай меня. Мы все уладим. Я не знал, что девчонка так важна для тебя, — послышался хрип, и я с трудом узнала голос Владлена.

— Поклянись, что не станешь больше искать и преследовать ее, никогда не дотронешься до нее и не причинишь ей зла, — Артур говорил негромко, но каждое его слово казалось мне победным звоном колокола.

— Клянусь, клянусь своим Домом, — поспешно ответил его противник.

Странная клятва. Он произнес слово «дом» как будто с большой буквы. Чокнутый, привязанный к дому, — это нечто.

Артур встал, и Владлен тоже, покачиваясь, поднялся на ноги. Он бросил на меня один-единственный взгляд и растворился в темноте.

Я вскочила — боже мой! Я все это время так и просидела у стены, не чувствуя своего тела.

Артур шагнул ко мне, и я бросилась к нему, забыв обо всем, что нас разъединяло.

— Ты жив! Ты жив! — я одновременно плакала и смеялась от счастья.

— Почти, — ответил он и прижал меня к груди.

Мое сердце колотилось как бешеное. Я провела рукой по его плечу и груди, обтянутой тонкой водолазкой, и поняла, что она порвана, а края ткани мокрые от крови.

— Ты ранен! — Я потащила его поближе к тусклому фонарю и, рванув водолазку, развела разорванные края.

На его гладкой белой коже не было даже царапины.

Значит, это кровь Владлена. Тем лучше.

Меж тем Артур нахмурился.

— Ну скажи, зачем ты пришла сюда? Я же тебя предупредил! — По его лицу было заметно, что он действительно не понимает.

Я опустила голову, почувствовав себя маленькой девочкой, с перепугу натворившей массу глупостей.

— Мне... Просто хотелось узнать о тебе. Ну, кто ты на самом деле... Обычное любопытство. Между прочим, это очень по-человечески... — пробормотала я, не решаясь взглянуть ему в лицо.

— Вот именно. По-человечески, — грустно усмехнулся он. — И как, узнала? Тебе стало от этого легче? — в его голосе чувствовалась горечь.

— Владлен... — нерешительно начала я, — он что, маньяк? Ты его знаешь?

— Прошу тебя, Полина, держись от всего этого подальше. Просто ни во что не вмешивайся, хорошо?

Он говорил со мной, как с неразумным ребенком. Да, возможно, я поступила глупо и пришла в опасное, полное маньяков место. Но Артур сам привел меня сюда, а теперь оказывается, он даже не предполагал, что я буду искать его здесь. Должно быть, он вообще не предполагал, что его станут искать. Пропасть на целую неделю — это так обыденно, так по-мужски.

— Пообещай, что больше не повторишь этой глупости, — требовательно сказал он.

У меня от обиды даже задрожали губы. За кого он меня принимает? Ну ладно, если я ему безразлична, пусть просто оставит меня в покое, не лезет в душу, не пялится своими непостижимыми глазами — просто оставит, и все!

Я отвернулась, чтобы он не видел моих слез, и, собрав всю волю в кулак, шагнула прочь.

— Полина!

Я обернулась.

— Я... я тебя... обидел? — он говорил очень неуверенно.

Я молчала.

— Ты... прости... я отвык... — Артур с трудом подбирал слова.

Неужели он смутился? И вдруг я поняла, что он действительно не привык извиняться, а еще не привык к эмоциям. Кажется, моя эмоциональность его пугает.

— Ладно, забыли. — Я попыталась улыбнуться.

И тут Артур взглянул мне в глаза и улыбнулся — неожиданно тепло и печально.

Он стоял под фонарем, на самой границе света и тени, и за его плечами, словно плащ, клубилась тьма. Я заметила, что губы у Артура перепачканы кровью, как у ребенка — шоколадом. «Наверное, ему разбили губы в драке», — объяснила я себе. И внезапно мне захотелось прильнуть к этим губам, накрепко прижаться к Артуру. И пусть исчезнет весь мир. Пусть мы останемся только вдвоем. Я и он — мой темный ангел ночи, моя звезда, мой маленький принц с окровавленными губами...

Артур ничего не сказал. Только подошел ко мне, обнял за плечи и принялся баюкать, словно капризного ребенка. Легкими, почти невесомыми, пальцами он гладил меня по волосам, и мне уже было все равно, поднимаюсь ли я высоко к звездам или падаю в мрачную бездну. Главное — он был рядом со мной.

Глава 2

В этот вечер мы с Артуром почти не разговаривали. Он провожал меня домой. И я необычайно остро чувствовала, что вот оно — счастье. Как ни смешно, но больше мне в жизни ничего не нужно. Ни журналистика, ни учеба, ни карьера. Просто идти рядом с Артуром, зная, что можно в

любую минуту прикоснуться к нему, и вздрагивать, и смущаться от каждого случайного прикосновения. Мне хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончалась. Мне не нужно слов — чаша счастья была и без того полной, и всякая лишняя капля только пропала бы зря. Сейчас мне не требовалось даже внимание Артура. Достаточно просто знать, что он есть.

О том, что мобильник так и остался выключенным, я вспомнила, когда мы уже были на моей станции. Совсем поздно, и родители наверняка волнуются обо мне. Судорожно дернув «молнию» на сумке, я вытащила телефон и включила его.

Так и есть. Шестнадцать пропущенных вызовов. Пока я тут гуляю, мама с папой просто сходят с ума.

Я набрала домашний номер. Трубку сняли буквально после первого же гудка. Я так и представила маму, сидящую над телефоном с мокрым полотенцем на лбу и открытым флаконом успокоительных капль в руке. Мое сердце болезненно сжалось.

— Полина? Это ты? С тобой все в порядке? — выдохнула мама.

— Да, мам, в порядке. Извини, — я виновато посмотрела на Артура, заодно прося прощения и у него, — я уже еду домой.

— А ты знаешь, сколько времени? Ты вообще о ком-нибудь думаешь, кроме себя?! — закричала в трубку мама.

Она никогда не кричала на меня раньше.

— Мам... Ну что ты переживаешь... — забормотала я, не зная, как реагировать на эту внезапную вспышку, — я скоро буду.

— Что я переживаю?! — переспросила мама. — Да мы не для того... Не для того тебя растили, чтобы ты с нами так поступала!

Я растерянно молчала, и, наверное, именно это успокоило маму.

— Хорошо, — сказала она уже тише, — стой где стоишь. Папа сейчас за тобой приедет.

— Мам, я скоро буду. Меня провожают, — повторила я.

С полминуты она молчала, осознавая услышанное.

— Ну сказала бы сразу, что ты с Димой. — Ее голос потеплел еще на градус. — Передавай ему привет и пусть как-нибудь заходит к нам в гости.

Я онемела. Неужели моя и Димкина мамы сговорились?!

— Я не с Димкой. Я тебе потом все объясню, — и я нажала отбой.

— Ты любишь своих родителей? — спросил Артур, когда мы уже подходили к моему дому.

— Конечно, люблю, — удивилась я. — На самом деле у нас прекрасные отношения. Даже не знаю, что это мама сорвалась сегодня. Вернее, знаю... Я раньше никогда не приходила так поздно, и она просто перенервничала.

— А что ты чувствуешь, когда думаешь о них? — снова задал он вопрос.

Весьма странный вопрос, надо сказать.

— Я радуюсь. Просто радуюсь, оттого что они есть. И еще, когда мне в детстве было страшно

или неуютно, я приходила к маме, садилась рядом — близко-близко, и мне становилось теплее. Честно говоря, я и теперь часто так делаю. А почему ты спрашиваешь?.. — И тут же вспомнила, что рассказывала мне Вика. Должно быть, у Артура действительно непростые отношения в семье: вечно отсутствующий отец, а мама... вдруг у него и вправду нет матери?..

— Мне просто любопытно, как это бывает у других... людей, — сказал он после легкой заминки. — У меня нет родителей.

— А как же твой отец?

— Да, правильно, отец. У него слишком много дел и забот, — сухо ответил он. — Хотя, разумеется, я очень к нему привязан.

— Я слышала! — обрадовалась я, и Артур с изумлением посмотрел на меня. — Твой отец крупный бизнесмен, и дела вынуждают его находиться то на Урале, то за границей.

— Ах да, — согласился он, будто ожидал услышать от меня что-то совершенно другое.

— А твоя мама? — все-таки решилась поинтересоваться я.

— Она умерла, — ответил он еще суше, и я поняла, что надо держать себя в узде, или мое любопытство может обернуться чем-нибудь нехорошим.

На этом разговор о родителях прекратился. У самого подъезда Артур остановился и вдруг спросил:

— Полина, какого цвета твои глаза?

Вопросики он умеет задавать еще те!

— А ты не видел? — на всякий случай переспросила я.

— Я спрашиваю о настоящем цвете.

— Некрасивого, — вынуждена была признаться я. — Такие... как бы немного фиолетовые... В детстве надо мной смеялись, вот я и стала носить цветные линзы.

— Я так и думал, — чуть улыбнулся он. — Я хотел бы увидеть твой настоящий цвет глаз. Я уверен, что он — очень красивый.

Вот и носи после этого линзы!

Когда я вернулась домой, Джим радостно встретил меня у двери и облизал шершавым горячим языком замерзшие на вечернем ветру нос и щеки.

Родители ждали меня в гостиной.

— Полина, — позвала мама, — подойди, нам надо поговорить.

Я шагнула в комнату и вдруг поняла, что впервые в жизни не могу рассказать им всю правду. Я не могу рассказать им об Артуре и всех сомнениях, что мучают меня уже не первый день. Они просто не поверят в то, что произошло сегодня около кафе «Элис»! Или поверят, но тогда уж точно перестанут выпускать меня из дома. Вообще.

У меня появилась тайна.

— Простите, — мне очень не хотелось лгать, но я подумала, что это — ради Артура, и отважилась: — Мы гуляли по центру с новеньким из нашего класса. А мобильник у меня садился, и я его отключала, а потом забыла включить.

— Новенький — этот тот самый Артур, сын

владельца медных месторождений? — спросил отец.

— Ну да. Он милый парень, и, надеюсь, мы с ним подружимся, — объяснила я.

— Милый? — Мама удивленно приподняла брови. — Он тебе нравится?

Это начинало походить на допрос, я занервничала и замкнулась. Мама, видимо, все поняла, потому что посмотрела на отца и сказала, что ему пора спать.

Он тут же поднялся с дивана и ушел, подмигнув на прощанье: мол, все с вами, девочки, ясно. Секретничайте...

После этого мы с мамой проговорили еще, наверное, целый час, однако все на этот раз было не так, как раньше. Тайна тяготила меня, вынуждая тщательно взвешивать каждое слово. Между мной и мамой пролегла трещина. Пока еще узкая, почти незаметная. Но что будет, если так пойдет и дальше. Кто-то говорил, что ложь всегда рождает новую ложь, и в конце концов человек путается в ней, как муха в паутине.

— Мам, — сказала я наконец, — ты знаешь, я пока не хочу говорить об Артуре. Все еще слишком неопределенно... Не спрашивай меня, ладно? А с Димкой я вовсе не ссорилась. Мы дружим.

— Хорошо. — Она поцеловала меня в лоб. — Ты уже совсем выросла. Как жаль, что дети не остаются маленькими.

— Тогда ты бы тоже не выросла. — Я показала ей язык и отправилась в ванную.

Наполнив ванну с моей любимой пеной с запахом фиалок — обожаю этот запах, — я закрыла глаза и стала думать об Артуре.

Я вспоминала каждый его взгляд, каждое движение так отчетливо, будто и сейчас видела его наяву.

Кто же он на самом деле? Или, возможно, мне лучше не знать об этом. Однако забыть все происшедшее не получалось, и мысли, помимо воли, все время крутились в голове.

Как быть со сверхчеловеческой реакцией Артура и той расплющенной пулей, что и сейчас лежит в моей шкатулке со всякой бижутерией? Как объяснить то, что я явственно видела своими глазами?..

А еще этот Владлен. При воспоминании о нем кровь застыла в моих жилах. Никогда я не встречала никого настолько пугающего.

Неужели он и вправду едва меня не убил?..

«Старуха! — вдруг вспомнила я, и в ушах опять зазвучал ее ужасный хриплый смех. — Она предупреждала меня об опасности! Она говорила: «Берегись ночи!»

Надо разыскать ее и расспросить поподробнее. Возможно, карты открыли ей тогда все, что действительно со мной произойдет...

Я вздохнула, спустила воду и, завернувшись в любимое пушистое полотенце, отправилась спать.

Сегодня у меня выдался очень длинный день.

Ловчий, два часа спустя

Она ждала его в той же комнате, что и раньше.

На этот раз ее медные волосы были заплетены в две тугие длинные косы и лежали на груди,

словно сверкающие чешуей змеи. Верхнее платье на ней было зеленое, с большим вырезом, из-под которого выглядывало нижнее платье, из материала пожелтевшего и истончившегося. Изящные, сплетенные вручную кружева, украшавшие его по краю, давным-давно порвались и истлели. Голову ее стягивал тонкий серебряный обруч, потускневший от времени. Однако она, как и всегда, выглядела настоящей королевой.

Ловчий преклонил перед ней колено.

— Ты опоздал, — произнесла она звучно и певуче. — Где ты был?

— На охоте, моя королева, — отвечал он.

— На охоте! — оживилась она. — Мой верный Там Лин[1], ты принес мне что-нибудь? Ну скажи скорее!

Она, словно маленькая девочка, нетерпеливо ожидающая подарка, подбежала к нему и тут же разочарованно отпрянула:

— Ты ее не нашел!

— Нет, моя королева. Но охота идет. Она где-то рядом.

— Подойди туда, — королева ткнула тонким пальчиком в ту сторону, где на стене когда-то висело старинное зеркало, — и скажи, что ты видишь.

Ловчий едва заметно поморщился, но тем не менее повиновался.

На стене висела рама. Пустая рама, он так и сказал королеве.

Она удовлетворенно кивнула и прошлась по комнате, едва слышно напевая себе под нос:

---

[1] Там Лин — персонаж легенды, рыцарь королевы эльфов.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медовый вереск,
А меда мы не пьем»[1].

— Почему мы не пьем меда? — вдруг обернулась королева к Ловчему. — Скажи мне, почему? Почему сидим здесь, когда ТЕ пируют за нашими столами?! Этот город должен стать нашим! Пора выйти из подвалов! — Она требовательно взяла его за подбородок, заставив смотреть себе в глаза.

Даже он едва мог вынести ее взгляд. Пронизывающий взгляд, неодолимая глазом бездна, в которой, словно густой туман, клубилось древнее безумие.

Ужас, который охватил его, был так велик, что он невольно застонал.

— Прости, мой верный охотник. — Королева отвела взгляд, и ее тонкие пальцы осторожно погладили его по щеке. — Ты пришел ко мне, чтобы я помогла тебе найти добычу. Да, я знаю, что она уже чувствует погоню, слышит твои шаги за своей спиной, а значит, сама себя выдаст. Мы с тобой старые волки, не правда ли! Мы вспугнем добычу, поднимем ее и погоним прямо в наши сети. Да, именно в сети, — улыбнулась она и, приподняв пальчик, пропела:

---

[1] Строки из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Вересковый мед» в переводе С. Маршака.

«Птичка — ах! — попалась в сети —
Жалости не знают дети!»

— Моя королева, позвольте...

— Да, я помню, все помню, — раздраженно прервала она его. — Пойдем, я отведу тебя в мир грез. В подвластное мне древнее царство. Ищи ее там! Давай же! — Она сжала ладонями его виски, и комната перед его глазами поплыла.

Теперь Ловчий видел себя в городе. Город, как и прежде, был полон свежей крови. Она струилась по его венам, выплескиваясь на улицы через выходы метрополитена. Мимо него, как при ускоренной съемке, мелькали люди, машины, неуклюжие автобусы, похожие на распухших пиявок. Он стоял посреди этого мельтешения и искал нужную им нить. Одну тоненькую ниточку среди запутанного узора.

Вот она! Его охватило ликование. Стоит только чуть-чуть потянуть за нить...

— Ты нашел ее! — взвизгнула королева.

Миг — и он снова очутился в знакомой комнате.

За окном царила непроглядная ночь. Это было их царство. И город ждал их. Свежая кровь...

Глава 3

...Кровь. Она отчаянно стучала в моих висках. Передо мной снова лежали темные улицы города. Я — уже в который раз — бежала и бежала куда-то.

Совершенно пустой, мертвый город, и только эхо моих шагов, поднимающееся к низкому черному небу.

Я бежала, как загнанная лань, словно слышала за собой победный лай собак и трубные звуки охотничьих рогов.

Черные тени ложились мне под ноги. Росчерки перекрестков... Пустые квадраты домов... Будто мир вывернули наизнанку.

— Отдохни, — шепнула мне тьма. — Смирись. Выбор уже сделан. Зачем бежать от своей судьбы? Ну же, ОН ждет тебя.

Но я бежала сломя голову, не слушая этот коварный медовый голос, как змея подползающий к моему сердцу, просачивающийся сквозь одежду и обволакивающий, словно тугой кокон. Я знала, что поддаться ему — значит умереть. Или даже хуже, чем умереть.

Из-под моих ног взметнулся черный ворон и хрипло закаркал... Или засмеялся, а в темной подворотне, неподалеку от себя, я заметила большую лохматую собаку. Хугин! Что он здесь делает?.. Собака взглянула куда-то за мою спину, угрожающе рыкнула и скрылась во тьме.

Я бежала и бежала...

Впереди показалась моя школа. Я не знала, как достигла ее, но очень обрадовалась.

Школа — это убежище. Там есть охранники и полным-полно народа. Там я, несомненно, найду спасение.

Но, когда я подбежала к воротам, навстречу мне, вместо охранника, шагнул Владлен.

— Я выпью всю твою кровь, — сказал он, глядя в мои глаза. — Всю! Без остатка!

Я отпрянула, но он схватил меня за руку:

— Не уходи!

Какой знакомый голос... Не может быть, это голос... Артура!

Артур — это его рука держит меня за локоть. Но почему, почему он мешает моему спасению? Неужели он тоже хочет меня погубить.

Артур...

Нет, это не Артур. Как я могла принять этого человека за Артура?! Да, у него тоже черные волосы. Но он совершенно не похож на Артура и одет так, как тот никогда бы не оделся — в грубую черную косуху, порванную на локте. Я не знаю его, но моя спина мгновенно становится мокрой от холодного липкого пота.

— Не уходи, — повторяет он, — я так долго тебя искал...

Я пытаюсь вырваться, но бесполезно. Он крепко прижимает меня к себе.

— Я приду за тобой, жди, — шепчет он и нежно целует меня в висок.

В тот момент, когда его ледяные губы касаются моей кожи, я громко и отчаянно кричу.

И просыпаюсь.

Крик еще звучит на моих губах. Я изо всей силы зажимаю рот рукой и отползаю в угол.

— Полина! Что случилось? — В комнату вбежала перепуганная мама.

— Н-ничего, — выдавливаю я из себя. — Сон. Страшный сон — и только.

Я пытаюсь говорить спокойно, чтобы она не услышала стук моих зубов, но мама все понимает и выходит из комнаты, чтобы возвратиться с полной кружкой воды.

Я принимаю из ее рук свою любимую кружку с принтом, изображающим оранжевый кленовый лист, и жадно пью холодную воду. Это никуда не годится. Наверное, весь дом проснулся и теперь слушает, как стучат о край кружки мои зубы.

Мама садится на край кровати, обнимает меня и, прижав к своему теплому боку, пытается успокоить, словно я и вправду маленькая девочка, напуганная привидевшимся кошмаром.

— Все хорошо, это только сон, — повторяет она мои слова, гладя меня по волосам.

Только сон. Один из тех, что так часто снятся мне в последнее время.

Допив воду, я отдаю кружку маме.

— Ну что, уже лучше? Тебя побаюкать? Спеть песенку?

Я невольно улыбаюсь:

— Нет, все нормально, иди спать.

Она уходит, а я, оставшись в темноте, сжимаюсь в клубок и плотно-плотно зажмуриваю глаза. Мне действительно очень страшно.

Я не знала, чего следует ожидать от Артура.

Если он так же равнодушно и спокойно пройдет мимо меня, как это уже случалось после разговора в кафе, я просто не выдержу. Нет, выдержу, назло ему выдержу, но уже больше никогда никому не поверю.

Утром я дольше, чем обычно, возилась перед зеркалом. На мне были обновки — то самое горчичного цвета платье и сверху — блестящий пла-

щик. Только волосы никак не удавалось причесать нормально. Как ни пытаешься уложить их покрасивей, они обязательно растреплются, и выйдет еще хуже. Мама говорит, что это потому, что волосы у меня густые и тяжелые. Иногда я думаю, что даже слишком. Пару раз она пыталась сделать мне высокую прическу, напихав туда с килограмм шпилек, результат — через полчаса голова обязательно начинала болеть и приходилось срочно все распускать. В общем, и сегодня, перепробовав несколько вариантов, я решила пойти в школу как есть — с распущенными волосами. Зато линзы, конечно, надеть не забыла.

Пока я собиралась, папа выгулял Джима и давно с нетерпением ждал меня. Наконец я была готова, вернее, махнула рукой на свой внешний вид, погладила Джима, заглянула в уголок к Мерлину, уже окрепшему и нагло вылезающему из своего ящика. И мы поехали.

Я едва успела на школьный автобус.

— Привет, спящая царевна. Что же ты чуть не пропустила свою карету? Глядишь, в следующий раз она возьмет да и превратится в тыкву, — по привычке подмигнул мне водитель.

Но я слишком волновалась, думая о предстоящей встрече с Артуром, чтобы достойно ответить на его шутку, и только рассеянно поздоровалась.

— Ну вот, — обиделся Андрей, — наверняка наша Полина влюбилась. Ей встретился настоящий принц, и она теперь не обращает внимания на скромного, но преданного кучера, специально ради нее превращенного доброй феей из крысы в человека, — сообщил он девчонкам в салоне.

Те с готовностью захихикали, а я покраснела и молча прошла на место.

Кстати, не замечала раньше, но Андрей и вправду чем-то неуловимо похож на крысу. Наверное, в этом виноваты смешные топорщившиеся усики.

На своей остановке в автобус вошел Димка. Мы немного с ним поболтали. Если нашу беседу, конечно, можно было назвать болтовней. Я то начинала нести всякий вздор и смеялась невпопад, то столь же неожиданно замолкала. Фролов ни о чем меня не спрашивал, и мне подумалось, что он, как всегда, обо всем догадался.

Когда мы подъехали к школе, мое нетерпение достигло предела. Однако я не представляла, как вести себя дальше. Можно встать на крыльце и подождать Артура там, делая вид, что просто дышу свежим воздухом, а можно пройти в класс, открыть учебник и попытаться повторить заданное на дом... Пока я медлила, за воротами показался черный «Роллс-Ройс», и сердце мое затрепетало: я боялась, что Артур и сегодня не появится в школе. Просто возьмет и исчезнет из моей жизни, будто унесенный течением кленовый лист.

Ну ее, эту гордость! Лучше дождусь его здесь. Я услышала за спиной резкий хлопок двери и вдруг осознала, что все это время Димка стоял рядом со мной, ожидая, пока я перестану тормозить, а теперь ушел. Бедный Димка! Больше всего на свете мне не хотелось огорчать его... Нет, лгу.

Нельзя врать себе: больше всего на свете мне хотелось, чтобы мы с Артуром были вместе.

— Привет. Я скучал по тебе. — Он посмотрел в мои глаза, и все посторонние мысли тут же испарились из моей головы.

Раньше я подумала бы, что это шутка, — ну разве можно скучать по человеку, расставшись с ним накануне вечером, но вдруг поняла, что и я скучала по нему так, будто мы не виделись уйму времени.

— Привет, я тоже скучала, — ответила я.

На нас уже глазели. Ну конечно, лакомая картинка для всех школьных сплетников и сплетниц.

— Пойдем в класс. — Я потянула его за рукав.

И руку мою словно обожгло. Как приятно вот так, ненароком, просто прикоснуться к нему!

Мы шли по коридору, не замечая утренней школьной суеты, словно были только вдвоем — он и я.

— У тебя все хорошо? — спросил Артур.

— Да, конечно, — я невольно поежилась, неожиданно вспомнив сегодняшний сон: рассказать или нет?..

— Будь осторожней, — прошептал он, на секунду сжав мою руку.

Мы вошли в класс и застыли на пороге под устремленными на нас внимательными взглядами. И тут я почувствовала, что меня будто ударили под дых: Димка пересел на задворки к Мишке, и место за моей партой пустовало.

Артур, как будто так и надо, не колеблясь подошел к опустевшему Димкиному месту и сел. Виолы в классе еще не было. Я без сил опустилась на стул рядом с ним.

— Вы только посмотрите, что творится! — послышался за спиной задыхающийся от злобы голос Натали. — Кажется, у нас образовалась новая сладкая парочка!

Виола вошла в класс, когда урок уже шел, и застыла на месте, уставившись на нас с Артуром. У нее было такое потерянное выражение лица, что мне стало ее жалко.

Собравшись, она все-таки села за свою парту, и к ней тут же шмыгнула Натали. Я спиной чувствовала, как они на нас смотрят.

Я раскрыла тетрадь на последней странице, написала: «Виола тебе никогда не простит» — и пододвинула тетрадь Артуру. Он посмотрел, пожал плечами и ответил: «Виола меня не интересует». Вот и суди о странностях девичьей психологии: я вдруг почувствовала за нее обиду. Да, она сделала мне много пакостей, но я прекрасно понимаю, как тяжело, когда человек, к которому ты привязался, вдруг предпочтет тебе другую. Тем более если эта другая — вовсе не красавица, а к тому же явный аутсайдер, изгой. Как такое вынести Виоле, привыкшей считать себя лучше всех и действительно являющейся самой красивой девочкой в школе?

Мы с ней обе — длинноволосые брюнетки, ростом чуть выше среднего. Однако она кажется только что сошедшей со страниц глянцевого журнала — такая же ухоженная, уверенная и яркая. И волосы у нее совершенно дивного темно-каште-

нового оттенка, дающего рыжеватый отблеск на солнце. А я — словно бледный черно-белый снимок — слишком тощая, пожалуй, даже угловатая, лицо бледное и какое-то никакое... а про уверенность вообще промолчу. Хотя, если подумать, кое-кому я все-таки нравлюсь. Взять того же Димку, а еще мне Данила из параллельного класса в средней школе дружбу предлагал... И один мальчишка из нашего дома все время, как собачка, за мной шлялся. Подходить не решался, но из вида не выпускал... До сих пор он иногда ходит. Мне даже интересно стало: неужели так никогда и не решится заговорить?..

Виола держалась почти весь день. Она ходила по школе в обнимку с Натали, усиленно делая вид, что не замечает нас с Артуром, и тиранила Мишку, счастливого от того, что его богиня наконец обратила на него свой взгляд. Думаю, последнее делалось специально для Артура, но он совершенно искренне не замечал ее выкрутасов. Он вообще, словно мальчик-инопланетянин, почти не обращал внимания на окружающих.

Но в этот день он был очень внимателен ко мне и почему-то сильно испугался, когда классная собрала нас и сообщила, что в Москве появился маньяк, убивающий молодых девушек. Я сразу вспомнила о Владлене. И еще подумала о своем страшном сне.

— Полина, пообещай мне, что будешь очень осторожна, — уже во второй раз за этот день попросил Артур, — а еще: доверяй себе и не выходи вечером из дома. По крайней мере пока, на всякий случай.

— Ну не сидеть же все время взаперти? — удивилась я.

Мы с Артуром находились в школьной столовой. Он пил свой коктейль, я — с аппетитом поедала мясо, приготовленное в горшочке.

— По вечерам я всегда гуляю с Джимом. Он наполовину ротвейлер. Дружелюбный, но, уверена, никакому маньяку не поздоровится, вздумай тот напасть на меня, — сказала я.

— Не будь в этом так уверена. И вспомни Владлена, — предупредил Артур, отпивая еще глоток.

— Ты думаешь, что этот сумасшедший — Владлен?

— Нет, не Владлен. Но он может быть не менее, а то и более опасен.

В общем, Артур оставил меня в сомнениях. Хуже всего, если тебе говорят только часть правды. По-моему, либо молчи, а раз уж заговорил — выкладывай все.

...В этот вечер я отправилась в тот отдаленный парк, где я когда-то встретила странную старуху с собакой. Я надеялась поговорить со старой ворожеей и расспросить ее обо всем подробней.

Я позвонила домой, предупредила, что задержусь, и поехала на окраину города.

Парк был совершенно таким, каким я его запомнила. Те же переплетающиеся дорожки, песок и грязь под ногами, засыпанный листьями фонтан... Не было только старухи. Сколько ни искала я ее по аллеям парка, с надеждой загляды-

вая в лицо каждому прохожему, ее нигде не было. Ни ее, ни собаки.

Возможно, мне стоит попытать счастья в другой день.

Я уже собралась уходить, когда вдруг заметила Хугина. Он смотрел на меня из темноты совершенно человеческими глазами. Нет, более пронзительными. Казалось, он видит меня насквозь, знает каждую, самую потаенную, спрятанную даже от самой себя мысль.

— Хугин! — окликнула я его.

Но собака развернулась и неторопливо потрусила прочь.

Я кинулась за ней: возможно, она хочет привести меня куда-то...

Но Хугина уже и след простыл...

Только в лицо ударил резкий порыв холодного ветра.

Ну что ж, значит, не судьба. К тому же вполне вероятно, что это был вовсе не Хугин. Мало ли в окрестностях лохматых дворовых собак...

И я поехала домой.

Глава 4

— Вот тебе и тихоня! — налетела на меня с утра Вика. — А еще подругой называешься! Ну почему я обо всем узнаю последней, когда уже вся школа в курсе!

Я опасливо отступила на шаг, испуганная ее напором.

— Ну дела! И кто бы мог подумать, — продолжала меж тем она, наступая на меня и буквально загоняя в угол.

— О чем это ты? — с деланым недоумением спросила я, хотя уже прекрасно поняла, о чем.

— Об Артуре, моя прелесть! И с чего это тебе лучшие мальчишки достаются?! — Она с подозрением оглядела меня с ног до головы. — Вроде скромная, тихая, а самого суперского парня в школе заполучить сумела, и не просто так, а отбив его у этой воображалы Виолы!

— Вик, ну погоди, — попыталась я урезонить подругу, — никого я не отбивала.

— Как же! — хмыкнула та. — «Не виноватая я, он сам пришел», так, что ли? Но, главное, ведь молчала, как партизан, молчала все время! Я тебя спрашивала о нем, а ты — хоть бы словечко!

— Да разве я знала, что так получится?!

— Ну, разумеется, не знала. И Димку на случай держала. Он тоже, между прочим, ничего. Я уж помолчу о том, что у его матери два собственных бутика в центре.

Лучше бы Вика этого не говорила. То, что она сочла, будто я использую Фролова, оказалось для меня неожиданным ударом.

Не проронив ни слова, я отстранила ее и пошла прочь.

— Погоди! Ты что, обиделась?! — Вика догнала меня и обняла за талию. — Ну чего на меня обижаться, знаешь же, я болтаю иногда что придется, не думая!

— А ты думай, — резко ответила я.

— Ну, Полинка, да не расстраивайся же ты! Я знаю, что ты с Димкой не из-за денег дружила.

У меня само собой вырвалось, как подумала, что у тебя поклонники словно на подбор: и красивые, и богатые... И вправду, что ли, Золушкам везет? Может, мне тоже на скромные наряды перейти?..

— И не забудь про котлы и горох с чечевицей, — отозвалась я, улыбаясь.

Нет, на Вику совершенно невозможно сердиться. Она очень импульсивная и иногда городит чушь, но ведь не стесняется же признаться в этом и даже попросить прощения. Ей и вправду не везет с парнями. До недавнего времени был у нее один, на два года старше, но они с ним расстались. А вернее, он ее бросил. И вот теперь Вика, что называется, «в свободном полете» или «в свободном пролете», как говорит она сама.

И хотя она немного несдержанная на язык, но, в общем, добрая, без лишнего гонора, и по душевным качествам даст той же Виоле сто очков вперед. Мне очень хотелось бы, чтобы Вика нашла себе парня. Думаю, после этого многие ее закидоны исчезнут сами собой.

— А может, у Артура друг есть? Такой же, как он... Или почти такой же, — начала тем временем фантазировать Вика. — Ты спроси. Здорово, если бы мы куда-нибудь вчетвером сходили — пара на пару.

— Спрошу, только не слишком надейся: он же из Англии только недавно вернулся, — пообещала я.

В тот же день я спросила Артура, может ли он познакомить кого-нибудь из своих друзей с Викой.

Почему-то его реакция оказалась весьма неожиданной. Он рассмеялся и сказал, что я — самая милая и наивная девушка, какую только можно представить. Если честно, я даже слегка обиделась.

— Ну почему ты считаешь, что никто из твоих друзей не может встречаться с Викой? Она хорошая девушка. И потом, дружим же мы с тобой, — пыталась убедить его я.

— А потому, что и тебе на самом деле лучше бы держаться от меня подальше, — ответил он.

— Почему? — Я взглянула на него округлившимися глазами.

— Ты слишком настоящая, слишком... живая. И именно поэтому я не могу с тобой расстаться. Я эгоист?

— Ага! — обрадовалась я. — Самый лучший эгоист в мире. И, пожалуйста, оставайся таким всегда-всегда, чтобы быть рядом со мной... По крайней мере, пока тебе самому это не надоест.

Он неуверенно улыбнулся. Как-то по-другому, иначе, чем раньше. Прежде его улыбка была сияющим солнцем, далеким и равнодушным, хотя, разумеется, слепяще-прекрасным, теперь же она походила на солнечный зайчик, ласковый и теплый.

«А он, похоже, и вправду размораживается», — подумала я.

Мы стояли, глядя друг на друга. Еще неуверенно и несмело, однако между нами протягивались невидимые нити, крохотными крючочками пронзающие мое сердце. Оборви их — и сердце порвется в клочья.

Не знаю, сколько времени мы так простояли, но привел меня в чувство холодный и злой взгляд Виолы. Она появилась в коридоре и уставилась на нас.

— Пойдем отсюда, — сказал Артур и, обняв меня за плечи, увел прочь.

Я не знаю, чем именно заслужила такое счастье — счастье быть с ним рядом, видеть его каждый день. Я — совершенно обычная девчонка, а он — необыкновенный.

Эта неделя прошла так быстро, что я едва это заметила. Димка по-прежнему избегал меня, мы встречались только в кружке журналистики. Почти на все предметы он теперь ходил с параллельным классом, и литераторша Анна Анатольевна сказала, будто он наконец взялся за ум и занялся действительно тем, что ему интересно.

Мне было ужасно неловко перед Димкой за свое сумасшедшее счастье, которое, казалось, так и лучилось, не в силах уместиться целиком в моем худощавом теле. Я сияла, наверное, как стоваттная лампочка!

В пятницу наш класс выехал на экскурсию в Царицыно. Было уже довольно холодно, и я надела черное пальто и высокие черные сапоги. По-моему, это мне шло. По крайней мере, мама заметила, что я изменилась за последнее время.

— Полинка, — говорила она, — ты у нас всегда была красавицей, но будто стеснялась этого, а потому казалась тихой, неприметной. А теперь вдруг раскрылась, как бутон розы. Скажи, ты что, и вправду влюбилась? Ну зачем тебе этот мальчик? Вспомни, ты же сама поначалу говорила, что он слишком богат и избалован?

Я краснела и плела какую-то чушь, а мама смотрела на меня, и я видела: она действительно переживает, потому что я выросла, потому что у меня впервые появился мальчик, да к тому же совершенно ей незнакомый, и она чувствует трещину между нами, которая день ото дня становилась все глубже и глубже. Я тоже переживала, но не могла ничего поделать. Мое чувство к Артуру пришло внезапно и накрыло меня с головой, оказалось слишком сильным, чтобы с ним бороться. Можно только надеяться, что вскоре все образуется, и я смогу открыться перед мамой и вернуть нашим отношениям всю простоту и доверительность, которая всегда была между нами. Мама понимала меня во всем. Кроме отношений с Артуром. Не знаю, почему, но он сразу ей не понравился. Может, она вдруг испугалась, что я выросла? Как говорит наш школьный психолог, всем мамам хочется, чтобы мы оставались детьми. Но я-то уже не ребенок. Я достаточно взрослая, чтобы самой делать выбор и судить о том, подходит мне человек или нет! В любом случае отказываться от Артура я не собиралась! Капелька моих любимых духов с ароматом фиалки — и я готова, можно идти...

Когда ученики собрались на школьном дворе, из здания вышли Анна Анатольевна и наша классная Татьяна Михаиловна. Они должны были сопровождать нас на экскурсию в Царицыно.

Классная оглядела учеников: все ли на месте.

— Где Виола? — спросила она.

— Заболела, — ответила Натали и так посмотрела на нас с Артуром, что сразу стало понятно: Виолу просто не устраивает компания нищей и предателя.

Я никак не прокомментировала это и отвернулась.

Однако весь накал страстей и буйство эмоций прошли мимо внимания Татьяны Михайловны, у которой сегодня было полным-полно своих забот.

— Ну что, все тепло оделись? Мы сначала погуляем по парку, послушаем экскурсовода, а потом посетим музей, расположенный на территории Большого дворца. Пожалуйста, занимайте места. — И она указала на школьный автобус с неизменным Андреем за рулем.

Когда я проходила мимо шофера, он мне подмигнул и, чуть кивнув в сторону Артура, выставил вверх большой палец. Типа молодец, эдакого принца себе отхватила.

Артур был, как всегда, элегантен и великолепен. Черное полупальто, очень красивое и мягкое на ощупь, белая водолазка, черные джинсы, мягкие черные ботинки и узкие солнечные очки. Он казался настоящим принцем, волей феи вдруг перенесшимся в современный мир.

Автобус тронулся, и всю дорогу Артур держал меня за руку.

По пути нам рассказали историю Царицына. Я уже пару раз бывала там с родителями, и мне всегда становилось ужасно жалко, что в этом прекрасном дворце никто никогда не жил.

Вот автобус затормозил у резной решетки, отделяющей территорию парка. Мы прошли через ворота и остановились, глядя на открывающуюся панораму.

Это было здорово! Словно старинные зеркала тускло поблескивали пруды, обрамленные в желто-красную раму осени, параллелями и меридианами ложились под ноги красные, посыпанные толченым кирпичом дорожки. А за мостом на холме виднелись зеленые крыши дворцовых зданий.

Подошел экскурсовод и повел нас по территории, рассказывая о дворцах и об эпохе, когда они были построены. Я шла рядом с Артуром, и он развлекал меня забавными историями, связанными с екатерининским временем. Честно говоря, слушать его было гораздо интереснее, чем экскурсовода.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила я, в который раз удивленная его разносторонними талантами.

Мне показалось или Артур вдруг смутился?..

— Мой отец — специалист по Екатерининской эпохе, — ответил он.

Ну вот, а еще говорят, будто нынешние бизнесмены и нувориши ничего не знают! Однако удивительно, что отец Артура успевает так много. Вот в чем секрет невероятной эрудиции его сына. Наверно, это наследственное.

После экскурсии нам дали немного свободного времени.

— Погуляйте по парку, полюбуйтесь осенью. Ведь сейчас — в начале октября — самая красивая пора. Посмотрите, какая вокруг роскошь! — сказала Анна Анатольевна. — Какое пронзительное небо, какое золото и багрянец! Может быть, каждый из вас принесет мне что-нибудь, что символизирует для него осень?

— Собираемся ровно через сорок минут здесь же! После прогулки идем в музей! — добавила классная.

Я хотела позвать с нами Димку, но он уже скрылся среди деревьев, и я подумала, что оно, конечно, к лучшему, что мы с Артуром остались вдвоем.

Мы медленно пошли по дорожке вдоль пруда, потом поднялись на холм. Я собрала букет ярких кленовых листьев на длинных черенках, сплела из них пышный венок и надела на голову Артуру.

— Это для тебя, мой принц, — сказала я.

Он действительно казался настоящим принцем, а венок, оттеняющий его бледный лоб, был лучше, чем золотая корона.

Потом я сплела венок для себя. И мы с Артуром ходили среди деревьев, словно король и королева этого сказочного леса. Я забыла обо всем и видела только его. Его глаза, узкие кисти рук, красивый изгиб шеи.

Я вообще-то не пишу стихов, но сейчас в голову вдруг сами собой пришли строчки. Я подняла с земли еще один кленовый лист и принялась писать на нем обычной шариковой ручкой.

— Что ты пишешь? — спросил Артур.

— Об осени, и о нас, и обо всем-всем мире, — ответила я.

Осень как кусочек счастья,
Растворившийся в лазури.
Это ласковое небо
Как затишье перед бурей.
Осень — это солнце в луже,
Переливы, переливы...
И так дорог, мил и нужен
В небе танец журавлиный.
Это золото короны
В черных волосах у принца.
Это то, что только будет,
Или то, что лишь приснится...
Это терпкий запах яблок,
Это веер непогод.
И на сердце, как на луже,
Самый первый, хрупкий лед.

Тем временем Артур тоже поднял с земли лист.

— Давай писать свои желания на этих листьях, а потом сожжем их — и желания исполнятся, — предложил он.

— Давай, — тотчас же откликнулась я.

На своих листьях я написала: «Быть с Артуром — навсегда!» Да-да, целый букет нарядных листьев, и на каждом из них написано только одно-единственное желание.

Я не знаю, что написал Артур на своих листьях. Мы собрали их вместе, и Артур поднес к ним зажигалку. Листья никак не хотели загораться, пришлось вырвать несколько страниц из тетради и разжечь небольшой костер.

И когда тоненький дымок стал подниматься в небо, я почувствовала себя абсолютно счастливой. «И еще хочу, чтобы сегодняшний день никогда не кончался», — подумала я.

— Эй, ребята, что вы тут делаете? Жечь в парке костры запрещено! — Прямо к нам направлялся милиционер.

— Бежим? — спросил Артур, протягивая мне руку.

— Бежим!

И мы побежали, продираясь сквозь заросли, сбегая с горок и вновь поднимаясь наверх. Я радостно смеялась, будто знала: наши желания, как письма, достигнут своего адресата и обязательно сбудутся.

Мы присоединились к классу с опозданием, когда Татьяна Михайловна уже бегала по окрестностям, пытаясь нас разыскать. Анне Анатольевне мы принесли кленовый листок с моим стихотворением и веточку ярко-красных волчих ягод.

А потом, как было обещано, мы пошли в Большой дворец. Сама экспозиция показалась мне довольно скудной, зато залы будто жили своей собственной жизнью. Когда мы вошли в парадный зал, там оказалось так красиво, что я невольно схватила Артура за руку... И тут произошло нечто совершенно необыкновенное. Мне почудилось, будто зал полон облаченных в старинные одежды людей. Все они смотрели на стоящего отдельно вельможу в роскошном красном камзоле Екатерининской эпохи. Еще на нем были туфли с пряжками-бантами и напудренный пышный парик. Вельможа осторожно раскрыл длинный резной футляр. На этом футляре из слонового бивня были вырезаны какие-то пасторальные сценки: пастушки с овечками, беседующие с галантными юношами в камзолах, резвящиеся под кустами диких роз ягнята...

Из футляра появилась флейта. Вельможа поднес ее к губам и начал играть. Его музыка показалась мне необыкновенной. Она, словно огонь, и завораживала, и обжигала. Каждый звук был подобен драгоценному камню. Вот он падает на пол, сверкая в лучах заходящего солнца, подпрыгивает, переворачиваясь и сияя новой гранью... А музыка лилась и лилась, как будто передо мной низвергался целый водопад сверкающих камешков...

...Я пришла в себя от того, что Артур тряс меня за плечи.

— Полина, что с тобой? — спросил он.

Я, еще оглушенная необыкновенной картинкой, приложила палец к губам и покачала головой.

И Артур не стал приставать ко мне с вопросами. Между прочим, так поступит, наверное, один парень из ста.

Я немного постояла у окна, глядя на открывающийся за ним пейзаж, и постепенно в голове моей прояснилось. Неужели я и вправду видела то, что здесь когда-то происходило? Или все это — лишь плод моей фантазии?..

— Артур, Полина, не отставайте! — окликнула нас классная.

Оказывается, наша группа уже давно ушла вперед.

— Пойдем, — кивнула я Артуру, и мы присоединились к остальным.

— Представляешь, — сказала я ему, когда мы уже выходили из здания, — в том зале мне вдруг померещилась странная картинка. Будто какой-то человек в старинном камзоле играет на флейте дивную мелодию, а вокруг него стоят люди и

смотрят на него. Мне даже почудилось, будто я слышу эту музыку. Она была так прекрасна, что мне даже стало больно.

Артур кивнул.

— Вот поэтому они затыкают свои уши воском. Он слишком хорошо играет, чтобы слушать его просто так, — отвечал он как ни в чем не бывало.

— Что?! Что ты сказал?! — опешила я.

Артур улыбнулся:

— Не обращай внимания, я пошутил.

Но я сразу подумала, что он понял меня, и он знает привидевшегося мне человека...

Глава 5

В школьном холле было тихо и пусто, только откуда-то доносился негромкий звук, похожий на всхлипывания.

Натали сидела на ступеньках и плакала.

Я прошла мимо нее. Почти прошла... Но все-таки обернулась.

— Что случилось?

— А тебе не все равно? — спросила она и уткнулась носом в ладони.

Я видела, что спину ее сотрясают рыдания, а под колготками, чуть выше коленки, угадывается огромный страшный синяк.

— Нет, не все равно, раз спрашиваю, — ответила я, застыв над ней словно статуя Командора.

Наверное, с моей стороны было бы логичным просто оставить ее и пойти своей дорогой, но я не могла этого сделать. Если бы я так поступила, я, наверное, просто перестала быть собой...

Натали всхлипнула и подняла на меня покрасневшие заплаканные глаза.

— Пустяки, я сама виновата... Физичка попросила меня принести из кладовки осциллограф, а я тут... в общем, — она поморщилась, — кажется, я не просто ударилась, а вывихнула ногу.

— Больно? Позвать врача? — Я присела перед ней на корточки. Если человеку плохо, нужно прежде всего ему помочь, а уже потом думать, какие у тебя с ним отношения.

— А ты думаешь не больно?! — она вновь взглянула на меня недоверчиво.

— Подожди, я сейчас.

— Полин, — сказала она мне в спину. — А может, ты этот осциллограф принесешь? Они там ждут, и мне... неудобно.

Самоотверженность Натали, в такой момент думающей не о себе, а о других, поразила мое воображение.

— Не можешь — и ладно, — поспешно поправилась она, заметив мое замешательство.

— Ну хорошо, — я пожала плечами, не понимая столь срочной необходимости в этом измерительном приборе, — принесу, мне не сложно. Как раз мимо медкабинета идти.

— Спасибо, — прошептала Натали и наклонила голову.

Я вдруг поняла, что ей очень передо мной стыдно.

Мне тоже стало перед ней стыдно, поскольку я всегда была склонна видеть в Натали только

фан-клуб и тылы Виолы, а отнюдь не самостоятельную личность. Отсутствие Виолы явно пошло ей на пользу. Той нет всего второй день, а в Натали, гляди-ка, проявляются уже человеческие черты.

Я взяла у нее ключ от кладовки, спустилась на первый этаж, заглянула в медкабинет, объяснив, что Натали сильно ударилась и, кажется, даже подвернула ногу, и отправилась дальше, к входу в подвал, где за прочной металлической дверью находилась кладовка.

— Полина! — окликнул меня голос, который я бы всегда узнала из тысячи. — Что ты тут делаешь?

Конечно же, это был Артур.

— Иду за осциллографом, — объяснила я.

— Можно с тобой?

— Конечно!

И мы пошли вместе. Спустившись в подвальное помещение, я открыла массивную металлическую дверь, повернула выключатель и шагнула в кладовку.

Я бывала здесь всего единожды в своей жизни, поэтому все вокруг казалось мне таинственным и интересным. Эта кладовка была своеобразной святая святых нашей школы и содержала в своих недрах всяческие ценные и необходимые вещи: принтеры, невостребованные мониторы, коробки с бумагой, физические приборы и нужные в школьном хозяйстве мелочи.

— Ух ты, да тут целый склад! — восхитился Артур, оглядываясь.

Мы стали искать пресловутый осциллограф.

И вдруг дверь за спиной с грохотом захлопнулась, и наступила темнота.

— Эй! — крикнула я как можно громче. — Эй, вы нас заперли!

В одну секунду Артур оказался у двери и с силой ее дернул. Я услышала легкий скрежет и... Дверь не поддалась.

Еще секунда — и Артур уже стоял рядом со мной.

— Извини, Полина, она слишком толстая. Я не уверен, что могу ее сломать, — сказал он, прижимая мои руки к своей груди.

Сама мысль, что можно сломать тяжелую, специально укрепленную дверь в кладовку, показалась мне абсурдной.

— А зачем ее ломать? — успокаивающе произнесла я. — Сейчас все уладим. Погоди, я только позвоню...

Я достала из висевшего на шее чехла мобильник. И, разумеется, связи в подвале не оказалось. Видно, и вправду здесь слишком толстые стены.

— Ну что же, не повезло, — нарочито бодрым голосом произнесла я. — Но это не страшно. Нужно просто немного подождать.

— Хорошо. Погоди, я устрою для нас место.

Артур удалился куда-то в темноту, но вскоре вернулся, сказав, что все готово.

Он натаскал пачки бумаги, сложив их на полу, накрыл отыскавшимися здесь старыми занавесками — так что получилось вполне уютное и мягкое сиденье. Мы устроились на нем, и я, прижавшись к груди Артура, положила голову на его

плечо. Он обнял меня. И мы сидели в полной темноте, словно одни во всей Вселенной...

Кажется, я даже задремала, и мне приснились какие-то темные запутанные коридоры с таящейся за каждым углом опасностью. Я проснулась и почувствовала, что Артур нежно гладит мои волосы.

— Сколько времени прошло? — спросила я, перестав ориентироваться в темноте, в пространстве и во времени одновременно.

— Почти час, — отозвался он. — Тебя послала сюда физичка?

— Нет, Натали, — и я рассказала ему, как все произошло.

Рука Артура на миг замерла, а потом он еще крепче, чем прежде, прижал меня к себе.

— Полина, — ласково произнес он, — а тебе не кажется, что все это — ловушка?

— Почему ловушка? — удивилась я, и тут же в моей голове закрутилась карусель мыслей.

А что, если Натали просто стянула ключ у физички или с поста охраны?

А что, если никто, кроме нее, не знает, что мы здесь заперты?

Что, если этот осциллограф никому на свете не нужен и не понадобится еще долгое время?!

Что, если...

Я почувствовала, как меня охватывает паника. Животная паника, не поддающаяся никакому контролю. Я — умная девушка, умеющая держать себя в руках, — готова была закричать, взвыть от страха и отчаяния.

И тут же по моему подбородку потекло что-то теплое.

Артур оттолкнул меня так, что я отлетела к стене, вскочил на ноги и бросился прочь.

Я стояла во мраке, не понимая, что происходит... Что случилось... Поднеся руки к носу, я поняла, что пальцы тоже мокрые и липкие. Значит, из носа у меня пошла кровь. Как давно это было последний раз! И вот — надо же! — в самый неподходящий момент...

Нет, такого сильного кровотечения у меня еще не случалось. Я чувствовала, что кровь стекает по моим пальцам. Паника все больше поглощала меня.

— Артур! — крикнула я в темноту, словно утопающий, готовый схватиться за спасательный круг.

— Н-не подходи ко мне. — Его голос показался мне чужим. Очень глухим и хриплым. Таким я еще никогда его не слышала.

— Я. Тебя. Очень. Прошу. Не. Подходи, — повторил он.

Темнота казалась живой. Она пульсировала, сжимала мою голову, давила на виски. Я задыхалась, откашливаясь от крови, которая уже попала мне в горло.

Слезы сами собой полились из моих глаз. Я вновь опустилась на занавески, сжавшись в комок и заливая их собственной кровью.

И ночь была со мной. И ночь была во мне.

Я вздрогнула, когда холодные руки Артура коснулись меня.

Мозаика сложилась. Его необычайная реакция, сплющенная пуля, оставшаяся на нагретом солнцем асфальте, слова Владлена «Я выпью твою

кровь» и испуг Артура, оказавшегося перед искушением... Я долго отгоняла от себя эту мысль и прятала страшное слово в самых потаенных уголках своего подсознания. Но бесполезно закрывать глаза. Вампиры все-таки существуют. И Артур — один из них. Сейчас он в несколько глотков выпьет мою жизнь, как собирался это сделать Владлен.

Неужели я похожа на пакет томатного сока?! Как глупо все вышло!

Эти мысли промелькнули в моей голове в одно мгновение, а потом Артур обнял меня, осторожно прижал к своей груди и приложил что-то к носу.

— Прости, я тебя напугал, — сказал он, нежно гладя меня по волосам. — На миг в моей голове действительно помутилось. Понимаешь, глубоко во мне живет зверь, но пока я еще человек, и я не дам ему вырваться на волю. Не бойся, маленькая...

В его голосе звучали любовь и забота. Страшное слово так и не было произнесено. И я поверила, успокоилась просто потому, что не могла ему не верить. Пускай вся ситуация казалась мне взятой из дешевого романа — девушка и вампир, запертые в подземелье. Жертва и безжалостный убийца, жаждущий выпить ее кровь. Ерунда. Все это не имело к нам ни малейшего отношения.

Мы сидели обнявшись, и страх вновь был не властен надо мной. Постепенно кровотечение остановилось. Оно никогда не продолжалось долго, однако я чувствовала себя совершенно разбитой. Чувствовала бы, если бы не Артур.

— Наверное, мы проведем здесь целую ночь, — сказала я, стараясь не думать о том, что завтра — суббота, а значит, возможно, еще два дня нас никто не хватится.

— Вряд ли. — Артур обнимал меня за плечи, и мне было удивительно тепло и спокойно. — Твои родители начнут о тебе беспокоиться, и найти нас здесь, думаю, окажется несложно. Но какое-то время мы тут просидим.

Мы помолчали.

Я чувствовала себя ослабевшей. Так всегда бывало даже после несерьезных кровотечений.

Над нами повисла напряженная тишина. Нужно непременно ее разогнать — иначе быть беде. Любыми средствами. Любым, даже пустяковым, разговором.

Артур, похоже, почувствовал то же самое. Или прочел мои мысли. Если судить по всяким книгам, такие, как он, могут проделывать это с легкостью.

— Я, наверное, кажусь тебе чудовищем. Так оно, в общем, и есть. Мы уроды, паразиты, изгои, твари, лишенные сердца и чувств...

Я ощутила, как он выпустил мою руку и отвернулся от меня. Его тело было напряжено, словно натянутая тетива.

— Нет, Артур, это не так. — Я сама обняла его за плечи и прижалась к нему, согревая холодное, как мрамор, тело. — Ты не такой.

Я согрела его своей любовью, и он расслабился и снова повернулся ко мне.

Даже во мраке я чувствовала на себе взгляд его темно-вишневых глаз.

— Расскажи о себе, — попросила я. — Как получилось, что ты стал... таким, как сейчас?

— Ты хочешь услышать мою настоящую историю? — спросил он.

Я обрадованно кивнула, а потом вдруг вспомнила, что он едва ли увидит это в темноте.

— Я вижу. Мне не нужен свет, ведь я — дитя ночи, — сказал Артур, едва я попыталась заговорить.

Для него все началось в тот теплый майский день, когда умер его отец.

Артур знал, что проблемы в семье существуют уже давно. Не меньше года, с момента взятия второго кредита. Отец с матерью просиживали по полночи на кухне, что-то горячо обсуждая. «Банк», «кредит», «может выгореть», «Лешка — он мой друг и никогда не поступит со мной так», — доносилось оттуда.

А еще отец нет-нет да заводил разговоры о том, что вскоре их положение может измениться. Так или иначе. И Артур понимал, что он ввязался в какую-то авантюру. Впрочем, без авантюр, похоже, было нельзя. Все тогда ввязывались в бесконечный хоровод, завертевшийся, когда неожиданно открылись границы и появилась возможность рискнуть: либо пан, либо пропал.

Панами становились немногие.

Тот майский день, пожалуй, ничем не отличался от сотен тысяч таких же солнечных теплых дней. Почти ничем, кроме...

Всю прошедшую неделю отец приходил очень поздно, хмурый и такой уставший, что тут же ложился спать, а с утра пропадал снова.

Но в это утро что-то изменилось.

— Оленька, — сказал он маме, — мы так давно никуда не выбирались. Все вместе. Втроем. Кажется, дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Давайте это отметим. Посидим где-нибудь на природе.

Мама обрадовалась. Она сходила к знакомой продавщице, прикормленной еще в былые, более успешные времена, и купила у нее прекрасный кусок мяса и бутылку импортного легкого вина с красивым певучим названием «Сангрия». Мясо они замариновали, и Артур сбегал на рынок за зеленью и помидорами.

Все было готово к пикнику. Но когда они только вышли на улицу, Артур услышал громкий резкий звук. И отец вдруг начал падать. Он падал неимоверно долго — целую вечность. А потом опустился на асфальт — нелепо, точно сломанная кукла.

Артур смотрел на него сверху вниз и видел, как на светлой рубашке медленно распускается огромная пурпурная роза.

Понадобилось время, чтобы понять, что это — кровь.

Дико закричала мама, уронив сумку, из которой тут же выкатился большой круглый помидор и застыл, остановившись у неподвижной отцовской руки. Этот крик резко ударил по ушам мальчика. Мама кричала и кричала. А потом у нее пропал голос. Или это Артур просто перестал слышать. Только видел ее открытый искривленный рот и не слышал ни звука.

Никогда — ни до, ни после того — ему не слу-

чалось видеть что-либо столь ужасное, как этот истошный беззвучный крик.

Их окружили какие-то люди. Кто-то пытался приподнять отца, кто-то сбегал к телефонному автомату на углу дома и вызвал милицию и «Скорую».

Все, что было потом, сплелось для Артура в один огромный клубок. Вой сирен. Чей-то чужой голос, сказавший: «А что такого, бандюки между собой разбираются. Там им, гадам, и надо!» «Скорая». Холодный коридор в ментовке. Бесконечные вопросы, и его ответное «не знаю». Пустые глаза матери — после гибели мужа она так и не заговорила, будто навсегда сорвала голос в том ужасном истошном крике. Дядя Леша, который «не сможет» и который смог, его бегающие глаза и лживый голос: «Ты же понимаешь, это не мои деньги. С меня за них три шкуры спустят. Тебе уже шестнадцать. Возьми мать и езжай куда-нибудь из Москвы». Квартира, которая буквально в один день перестала быть их домом. Два койко-места в грязном общежитии на этаже, сплошь заселенном одинаковыми как капли воды, говорливыми вьетнамцами, приехавшими в Россию на заработки.

Мамина сестра жила в Омске. И он решил отвезти мать к ней. Нужно было только достать немного денег на дорогу туда и обратно.

Покидать Москву побежденным Артур не собирался. Это было не в его характере. И он решил, что, если иначе не выходит, он будет грабить и убивать. Если так поступают все вокруг, почему он должен стать исключением? Город покоряется лишь сильному.

Он может быть сильным. И еще вернется в эту жизнь, разбитую, точно старое зеркало, майским днем, почти ничем не отличающимся от длинной череды других теплых солнечных дней.

Днем, который отнял у него семью и оставил пустоту и звериную ярость. Если придется драться, он будет драться до конца.

А дальше... дальше были переговоры с дворовой бандой мальчишек, под предводительством некоего Пахи, сбежавшего из армии после года службы и собравшего собственную стаю. Артур им кое-что пообещал. Он посулил дать наводку на богатую квартиру того самого дяди Леши, который называл себя другом отца и предал его.

Артур рассказывал все это просто и будто равнодушно, но картины сами собой возникали перед моим мысленным взором, словно я сама там присутствовала. Как будто собственными глазами видела все происходящее.

Нападение провалилось. Квартира стояла на охране, и милиция приехала слишком быстро. Так быстро, что Паха и его компания едва успели унести ноги. И еще... еще они подумали, что их сдали. Виновного долго искать не пришлось: никто даже не усомнился, что им был Артур.

— Мы чуть не вмазались[1] из-за тебя, щенок! Ты что, наседка[2]? — орал Паха.

Я будто видела его — худощавый, высокий

---

[1] Вмазаться (блатной жаргон) — быть взятыми с поличным.

[2] Наседка (блатной жаргон) — обычно подсаженный в камеру для «раскалывания».

подросток с прыщавым, перекошенным животной яростью лицом.

Они находились на пустыре, где-то на окраине Москвы.

Сквозь открытое окно выходившей на пустырь потрепанной пятиэтажки победно вырывалась на простор громкая, бьющая по ушам музыка.

Там, за окнами, в квартирах сидели люди. Спокойные, довольные своей незавидной участью, таращащиеся в старенький телевизор и считающие каждую копейку, перед тем как пойти в ближайший ларек и купить из-под полы какую-нибудь самопальную водку, разлитую в соседнем подвале.

Оглянувшись по сторонам, Артур прикинул варианты: всяко получалось плохо. Паха наступал на него, а по бокам, как трусливые шакалы, готовые броситься по малейшему знаку вожака, выжидали Прыщ, Лысый и красавчик Дэн. Артур знал, что легче всего будет с Дэном. Его можно ударить в лицо — и тот, конечно, тут же выйдет из боя, обеспокоенный нанесенными фейсу повреждениями. А вот с остальными придется повозиться... А если ударить — и бежать?.. Нет, исключено. Ему все равно некуда идти. И еще. Ему адски нужны деньги. Бежать нельзя. Нужно драться. И заставить их зауважать себя. Любой ценой. Двоих. Если он положит хотя бы двоих, станет легче.

В груди Артура, словно пламя, всколыхнулась бешеная злоба. Он коротко, без замаха, ударил Паху в челюсть, затем быстро развернулся к Дэну и двинул ему кулаком в нос. Кулак врезался во что-то мягкое и противное.

— У-у-у! — взревел Дэн. — Мой нос!

Из его ноздрей хлынула кровь, измазав новый, тщательно «выварenный» джинсовый пиджак — роскошь, которую в их компании не имел больше никто.

— Он бешеный! — истерично взвизгнул Прыщ. — Держитесь от него подальше!

Минус два. Так и есть. Уже почти на равных.

Но тут Паха изо всей силы двинул ему в лицо, а подоспевший Лысый ударил ногой в живот. Фортуна переменилась, что, в общем, и неудивительно, если бой ведут четверо против одного.

— Сломай ему нос! — гундосил Дэн, на всякий случай не приближаясь к арене боевых действий.

Кто-то еще врезал Артуру в живот так, что он согнулся пополам от боли, но тут же выпрямился и кинулся на противника.

Он сопротивлялся до последнего. Бил кулаками, уже почти не видя, куда бьет, и, кажется, даже вцепился кому-то зубами в горло.

Наседавшая на него масса визжала, сыпала отборным матом и источала лютую злобу.

Когда он упал на землю, уже почти не ощущая град сыпавшихся на него ударов, вдруг ясно понял, что это — конец. Что он не смог, не успел.

Последняя мысль была о маме. Теперь она уж точно пропадет без него. Зря он не отправил ее к родственникам...

Когда Артур очнулся, уже стемнело. Он лежал под одиноким фонарем все там же, на пустыре. Первым ощущением была боль. Ужасная боль во

всем теле. Парень подумал, что, наверное, так бывает, если по тебе проедет самосвал.

С трудом сфокусировав взгляд — один глаз почти не открывался — наверняка затек, — он увидел над собой незнакомого мужчину.

Молодой мужчина, одетый в черный пиджак и белую рубашку, сидел перед ним на корточках и внимательно его разглядывал. Ворот рубашки незнакомца украшала элегантная бабочка.

Артур медленно перевел взгляд на его ботинки. Они матово блестели в неярком свете фонаря и, кажется, на них не было ни единой пылинки.

Представить себе что-нибудь более неуместное на этом забытом богом грязном пустыре было невозможно, и Артур хрипло засмеялся. Смех с болью вырвался из его разбитых губ, отдаваясь эхом в искалеченной груди, но он все смеялся и никак не мог остановиться.

Незнакомец терпеливо дождался, пока он отсмеется и замолчит, жадно хватая окровавленным ртом прохладный вечерний воздух, затем провел пальцем по его лицу, посмотрел на оставшуюся на нем кровь, слизнул ее, на минуту задумался. А потом вновь взглянул ему в зрачки своими огромными темными, словно переспевшие вишни, глазами и сказал:

— Ты нам подходишь.

Затем легко, одним неуловимым движением, поднялся на ноги и приказал кому-то позади, теряющемуся во тьме за границей неяркого света одинокого фонаря:

— Несите его в машину.

Глава 6

— Они пришли!

Я, под впечатлением его ужасного рассказа, крепко прижалась к Артуру. Кто пришел? Те отморозки, с которыми он дрался на пустыре? Или те, кто подобрал его после драки и сделал тем, кем он стал?..

— Не бойся, — ласково шепнул в мое ухо Артур, — пришли наши спасители. Слышишь, они уже открывают дверь.

И тут я действительно услышала звук поворачиваемого в замке ключа, дверь распахнулась.

— Полина, ты здесь? — донесся до меня голос классной Татьяны Михайловны.

И в ту же минуту вспыхнул яркий слепящий свет.

Я зажмурилась.

— Что случилось? Что ты с ней сделал?!

Я приоткрыла глаза, все еще продолжая болезненно щуриться, и увидела, как Димка, вихрем слетевший по лестнице, набросился на Артура, в ярости размахивая кулаками.

Артур не отвечал на его удары и каждый раз уклонялся легким движением. Я видела его бой с Владленом и понимала, что Димка для него не противник.

— Ребята! Остановитесь! Что происходит? Полина, что с тобой? — взволнованно забегала вокруг нас Татьяна Михайловна, как раз успевшая к тому времени спуститься в подсобку.

И тут я увидела эту сцену со стороны. Я, вся измазанная в засохшей крови, с растекшейся по лицу тушью, с растрепанными волосами... Артур

с голой грудью (оказывается тряпка, которую он сунул мне в темноте, была его собственной футболкой)... Валяющиеся в углу занавески, тоже щедро заляпанные моей кровью...

Боже мой! И что тут можно было подумать?!

— Димка! — закричала я, хватая его за руки. — Все в порядке! У меня просто пошла из носа кровь. Как в прошлом году на русском. Ну вспомни! Вспомни!

Поначалу разгоряченный односторонним боем Фролов пытался вырваться и оттолкнуть меня, но я держалась намертво, и постепенно он успокоился и затих, очевидно, прислушавшись к моим словам или просто осознав, что Артура ему не достать.

— Пойдемте наверх. Полина, умойся, приведи себя в порядок и приходи в мой кабинет. Нужно обсудить возникшую ситуацию, — велела классная.

Я подняла глаза, и мне почудилось, что у двери промелькнул силуэт Натали.

Мы вышли в холл. Гуськом, как в детском саду. Молчаливый, набычившийся Димка. Недовольно поджавшая губы Татьяна Михайловна (я ее понимала — второй скандал с начала учебного года, и опять с моим участием!). И, наконец, мы с Артуром.

Я искоса посмотрела на него и, вспомнив, как ужасно выгляжу, невольно закрыла лицо руками.

— Ты самая красивая, — сказал он, почувствовав мое волнение. — И не беспокойся: я и так все видел в темноте.

Мы просидели в подвале три часа. Это удалось выяснить после долгих разговоров и очных ставок. Натали думала «пошутить» и подержать меня там минут тридцать. О том, что вслед за мной в подвал спустился Артур, она и не догадывалась. Однако все сложилось иначе. Едва она собралась вторично завладеть ключами и выпустить меня, как ее поймала француженка и продержала у себя целых два часа.

В это время Димка уже поднял шум по поводу моего отсутствия, меня принялись искать, что в конце концов и привело к нашему освобождению из плена. Разумеется, ни классная, ни директор, лично курирующая ситуацию, не собиралась молчать и сообщили о произошедшем нашим родителям.

Отца Артура в Москве не было, зато мой папа, бросив работу, примчался за мной в школу и долго сидел в кабинете Светланы Дмитриевны, что-то с ней обсуждая.

Мамочка Натали тоже появилась в школе. Очень похожая на свою дочку, с прилепленным к лицу брезгливым выражением, она держалась высокомерно и снисходительно. С моим отцом они обменялись в коридоре такими взглядами, что стало понятно: их связывает одно и то же чувство, и это вовсе не приязнь.

Впрочем, мне почти не было до этого дела. Я даже простила Натали, потому что подвал меня кое-чему научил. Вернее, я вынесла оттуда целых две важных мысли.

Первая: Артур — вампир, дитя ночи, как он себя сам назвал.

Вторая: я люблю его, несмотря на все это.

Вот вы можете представить себе, что ваш любимый — чудовище и в свободное от учебы время отправляется пить кровь невинных младенцев и доверчивых юных девушек?!

Но он же меня не тронул! Все это — про кровь и прочее — вычитано мною из сомнительных книг и глупых комиксов. В любом случае, разве не может быть, что Артур — другой, не такой, как все. Я вспомнила, как он смотрел на меня. Нет, он просто не способен отнять чужую жизнь!.. А если способен? Он же сам сказал, что внутри него скрывается зверь? Что же делать? Мой мир давно качался и вот, наконец, перевернулся с ног на голову. Я должна узнать все, я больше не могу отворачиваться от правды. Пора взглянуть ей в лицо. Пора поговорить с Артуром.

Разговор я наметила на воскресенье. Мы условились встретиться и погулять в Коломенском. Я никогда там не бывала.

— Я покажу тебе все, — пообещал мне Артур, — я часто туда ходил... Давно. Еще в другой жизни.

Я чувствовала, что воспоминания причиняют ему боль, но, не зная боли, не ведаешь и сострадания.

На встречу он приехал на метро, без своего мрачного молчаливого шофера, что, надо сказать, меня очень порадовало.

Мы пошли по дорожке, миновали резные деревянные ворота...

— Там дальше будет храм Вознесения, — рассказывал Артур. — Он простой, но очень красивый. В детстве я сидел на царском месте, на открытой площадке...

День был чудесный. Совсем не солнечный, но притом очень приятный, какой-то мягкий. Тревожные мысли на время оставили меня. Хотелось смеяться и дурачиться. Все казалось мне милым и замечательным.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула я, увидев передвижной лоток с сахарной ватой.

— Хочешь? — спросил Артур.

— Ага! — воскликнула я.

Мне действительно хотелось, как ребенку, сразу всего: и сахарной ваты, и петушков на палочке, и попкорна, и покататься на теплоходе!

Артур купил для меня сахарной ваты. Эдакое сладкое облачко, намотанное на палочку.

— Это и есть самое настоящее облако, — объясняла ему я. — Оно прилетело сюда из сахарной страны. Там часто идет сиропный дождь. А когда он попадает на ветки деревьев, то застывает леденцами и карамельками!.. Ммм! — Я откусила целый ком ваты, не обращая внимания, что при этом у меня измазались и нос, и лоб, и щеки. — Как вкусно!

— А ты, наверное, карамельная принцесса, — включился в игру Артур. — Знаешь, ты очень аппетитно ешь. Мне даже захотелось попробовать. Немного, самую малость.

— Эй! — засмеялась я. — Ты пригласил меня на прогулку, чтобы съесть всю мою сахарную вату!

— Ты разгадала мои коварные планы! — ответил Артур, делая «злодейское» лицо.

Я смотрела на него и никак не могла поверить в то, что он рассказал мне там, в подвале.

Он казался таким юным, таким красивым и головокружительно беззащитным. Шея и запястья рук у него были тонкие, почти как у ребенка, грудь — довольно узкой. Если бы я не видела сама, ни за что не поверила бы в то, что он действительно силен.

Тем временем Артур отщипнул кусочек сахарной ваты и принялся жевать так сосредоточенно, будто от этого зависела его жизнь.

— Ну как? — поинтересовалась я.

— Мне кажется, я чувствую вкус... Оказывается, я совершенно его забыл... — сказал он не слишком уверенно, и мне захотелось растормошить, разморозить его.

— Это сладко! — крикнула я ему. — Знаешь, как? Вот так! — Я снова откусила кусочек, сглотнула слюну и, зажмурив глаза от удовольствия, повторила: — Ммм! Вкусно!

Артур насмешливо посмотрел на меня.

— А что, для того, чтобы почувствовать вкус чего-то, обязательно строить такие мины? — спросил он.

— Всенепременно! — объявила я. — Ну давай, сам попробуй!

Артур осторожно взял еще кусочек ваты, положил в рот и смешно зажмурился.

— Ммм! — повторил он за мной.

И вдруг удивленно раскрыл глаза:

— Я чувствую! Я и вправду чувствую ее вкус! Как в детстве!

— Так-то! Пошли! — Я потянула его за руку.

Страшная жажда гнала меня вперед — жажда новых впечатлений и ощущений. Подойти к храму, заглянуть, а что там, и скорее дальше, к набережной. Ручей, маленькое круглое озерцо — все становилось для меня настоящим открытием. Я будто сошла с ума и болтала, болтала без умолку.

Когда мы, обойдя все на свете и облазив окрестные холмы, подошли к деревянным зданиям кафе, навстречу нам вышла пушистая кошка. Заметив Артура, она вздыбила шерсть и зашипела.

— Отойди немного, — попросила я его.

Он шагнул в сторону. Кошка тем временем подошла ко мне, я присела, дав ей обнюхать свои руки.

Удовлетворенная осмотром, кошка тихо мяукнула и потерлась об меня мягким пушистым боком.

— Хорошая, красавица, — сказала я и принялась гладить густую шерсть.

Кошка довольно зажмурилась и заурчала — так громко, будто в ней включился моторчик.

— Подойди сюда, — обернулась я к Артуру, — давай, погладь ее!

Он медлил.

— Понимаешь, Полина, она чувствует меня, знает, что я опасный хищник, и боится. Она ни за что не даст себя погладить, — объяснил он.

Но я даже слушать его не стала:

— Глупости! Ты же не сделаешь ей ничего плохого и вовсе не желаешь ей зла! Ну подойди же! Вот когда ты в последний раз гладил кошку?

Артур нерешительно шагнул к нам.

Кошка перестала урчать и напряглась.

— Не волнуйся. — Я гладила ее, пытаясь внушить ей уверенность. — Он хороший, он не обидит тебя. Понимаешь?!

Артур протянул руку.

Кошка зажмурилась, прижала уши, но осталась на месте.

Артур осторожно коснулся ее шерсти и провел по ней рукой.

И тут нервы у кошки, видимо, не выдержали. Она истошно взвыла — это было похоже на вопль отчаяния и боли — и бросилась бежать.

Все мое прекрасное настроение будто ветром сдуло, я разрыдалась.

Артур присел рядом со мной на корточки, обнял меня и стал успокаивать:

— Не плачь, Полина, это просто сильнее ее. Я не такой, как все люди, и она боится меня.

Я плакала, припав к его плечу, будто хотела выплакать всю свою тревогу. О, я бы выплакала все глаза, если бы слезы могли хоть что-то изменить! Если бы я могла спасти Артура!

Мимо проходили люди. Они глазели на нас, кто-то, кажется, даже спросил, все ли у нас в порядке. Честно говоря, ничего у нас не было в порядке. Этот случай с кошкой совершенно выбил из-под моих ног почву. Но несмотря ни на что, в моем сердце еще жила надежда на то, что Артур ничем не отличается от других...

— Мы должны поговорить, — сказала я, наплакавшись вдоволь.

Артур кивнул. Мы встали и, не сговариваясь, зашагали по одной из дорожек в глубь яблоневого сада. Отойдя подальше, мы нашли уютное местечко под деревом и сели, привалившись к шершавому яблоневому стволу.

— Ты закончил свой рассказ на том, как очнулся на пустыре, где тебя подобрал какой-то человек, — напомнила я. — Что было дальше? Ты после этого стал... — я замолкла, не решаясь произнести страшное слово, — ну таким?..

— Да, — подтвердил Артур. — Если бы не они, я бы, наверное, просто умер там, на улице. Возможно, это было бы к лучшему...

— Нет! Не говори так! — испуганно прервала его я.

— Ты права, — кивнул он, — ведь тогда я никогда бы не встретил тебя. А ты — самое лучшее, что случилось в моей жизни. Без тебя мир был бы простой черно-белой картинкой, пустой и бессмысленной. Полина, когда я смотрю на тебя, когда я рядом с тобой, я снова чувствую себя живым. Сегодня, когда мы гуляли и я наблюдал, как ты улыбаешься, гладишь кошку и ешь эту дурацкую сладкую вату, я чувствовал, что мое сердце начинает биться. И мне вдруг стало страшно, потому что я осознал, что стоял на самом краю пропасти! Я уже забывал, как это — быть живым! Я почти растерял все человеческое, что еще оставалось во мне!.. Меня учили стрелять и даже владеть шпагой. Меня учили вести беседы и влиять на людей, подключая присущие нашему роду способности. В итоге я научился всему и... разучился быть человеком! Мой учитель сам забыл об этом уже несколько столетий назад...

Он говорил торопливо, словно боясь не успеть, будто слова были раскаленными шарами и

жгли его горло. Поскорее избавить от боли — выпустить их наружу...

Я обняла его. Крепко-крепко. Так сильно, как только смогла. И мы долго молчали. Но это молчание было наполнено для нас огромным смыслом. «Я тебя люблю», «Ты нужен мне», «Мы всегда будем вместе» — громом звучало в наших сердцах. Люди не могли нас слышать, зато слышали деревья, и это огромное небо над головой, и трава, и земля, и птицы. Они стали свидетелями наших непроизнесенных клятв, словно на камне, высеченных в наших сердцах.

Мы сидели так, пока на землю не опустились сумерки, а потом поднялись и пошли к набережной, и Артур рассказывал мне свою историю.

Он не помнил, как его перенесли в машину, потому что вновь потерял от боли сознание, и очнулся в странной комнате. Все ее стены были закрыты тяжелыми бархатными портьерами с золотыми кистями. Над головой смутно белел лепной потолок, теряясь в полумраке плохо освещенного помещения. Артур понял, что лежит на чем-то, напоминающем огромный алтарь. Его ложе было каменным, а в помещении царил такой холод, что все тело заледенело. Он не чувствовал ни рук, ни ног, взгляд туманился, а голова кружилась.

Откуда-то издали доносилась тихая музыка, то рассыпающаяся чудесными переливами, то струящаяся, как ручей.

По углам алтаря, на котором он лежал, горели четыре свечи в высоких крученых подсвечниках, пахло какими-то травами...

Этот полутемный зал, эта музыка почему-то воспринимались им в тот момент как нечто совершенно обычное, само собой разумеющееся. И он абсолютно не удивился, когда прямо перед ним из мрака возник человек. Одет он был словно с картинки учебника истории: бархатный зеленый камзол, расшитый золотом и крупным жемчугом, тускло блестевшим в неярком свете свечей, на голове у человека имелся пышный белый парик, а когда незнакомец повернулся к нему вполоборота, Артур заметил, что заканчивается парик небольшой тугой косичкой. Лицо у человека было белое, будто изможденное, с резко очерченными скулами, а глаза казались угольками из костра. От него волной расходилась такая сила, что Артуру показалась, что она расплющит его, раздавит, словно великан, давящий громадной ногой крохотную букашку.

— Мой мальчик, — заговорил человек сухим голосом, — не бойся, все твои беды закончились. Тебе выпала великая честь быть с нами и войти в мой Дом. Ничего не осталось у тебя в том мире, полном тревог, горестей и печалей. Приди к нам, и ты обретешь вечность.

— Мама, — прошептал Артур непослушными губами.

— Мама? — переспросил его человек. — Разве ты смог ей помочь? Разве дал ей то, что она заслужила? Ты проиграл, мой мальчик. Однако игра еще не закончена. Есть шанс отыграться и покарать твоих врагов. Ты можешь стать одним из нас. В тебе чувствуется внутренняя сила, жажда жизни, без которой ничего не получится. Мы долго

наблюдали за тобой, прежде чем убедились в том, что ты нам подходишь.

Артур молчал. У него не осталось сил говорить.

Прошлое промелькнуло перед ним. Счастливые дни, когда отец еще был жив, школа, беззаботная юность, первые уроки игры на гитаре, первые заинтересованные взгляды девчонок... Все это вдруг показалось ему пустым и ненужным. Его жизнь никогда не вернется в прежнее русло. Он никогда не станет прежним. Он снова вспомнил своих врагов. Дядю Лешу, предавшего отца; компанию Пахи, безжалостно избившую его на пустыре; все те равнодушные лица, все те любопытные и злые глаза из толпы прохожих, и ярость волной захватила его.

— Хорошо, — прохрипел он. — Я буду с вами.

И тут же, будто дожидаясь этого момента, музыка смолкла, и в тишине послышались звуки хора. Они крепли и крепли, подобные шторму. Артуру показалось, что его ушные перепонки лопнут, не выдержав этого. Высоко взметнулось пламя свечей.

— Пей! — услышал он чей-то приказ. — Пей!

Вернее, даже не услышал. Голос прозвучал в его голове, и Артур увидел перед собой тяжелый старинный кубок, до краев полный какой-то темной, густой жидкости.

Он глотнул и понял, что это кровь. Солоноватая густая кровь.

— Это моя кровь. Она принесет тебе вечную жизнь, — снова раздался в его голове тот же голос. — Выпей ее и вступи под защиту тьмы. Будь с нами, стань сыном ночи.

Артур залпом осушил кубок, и ему показалось, будто комната завертелась перед его глазами. Она вертелась все быстрее, ускоряя и ускоряя темп.

Он думал, что его измученное тело уже не может болеть, но та боль, которая сейчас пронзила его, оказалась многократно сильнее, чем он когда-либо мог представить. Она заполняла каждую клеточку его тела. Сопротивляться ей было так же бесполезно, как если бы щепка, несомая прибоем, вдруг попыталась противостоять океану.

Хор все пел, удивительным образом следуя за наплывами боли, то ускоряясь, то замедляясь. Пламя свечей трепетало.

Артур почувствовал, как на его губах выступает кровь, мышцы сводит дикой судорогой, а в вены будто впустили жидкий огонь, выжигающий все на своем пути. И этот огонь несся к его испуганно бьющемуся сердцу.

Он хотел крикнуть: «Нет!», но голоса уже не было.

Выгнувшись дугой, Артур увидел бездонные глаза наклонившейся над ним ночи.

— Иди ко мне, мой мальчик, — шепнула она, — иди ко мне. Я успокою тебя, утолю твои страдания, я укрою тебя своим звездным плащом ото всех на свете. Отныне ты будешь только моим. Отныне никто не посмеет тебя обидеть. Иди ко мне!

Артур заглянул в эти глаза, открывающие тоннель куда-то далеко, в центр Галактики, в напол-

ненную холодными звездами бездну, и в этот момент огонь добрался до его сердца. Оно вспыхнуло — и сгорело.

Беспредельная боль — и... тишина...

...Он лежал, словно в самом центре мира, и мир сливался с ним, принимая его в свои объятья, пульсируя в висках, наполняя тело новой неведомой силой.

Артур медленно открыл глаза и понял, что тьма ожила, и ночь теперь всегда будет говорить с ним, потому что он сам стал ее неотъемлемой частью.

Свечи погасли, и только от едва тлеющих фитилей поднимались к лепному потолку легкие струйки дыма.

Артур приподнялся. Боль покинула его, и тело вдруг стало удивительно послушным и легким. Он слышал сразу тысячи звуков и понимал, что находится в подвале не слишком высокого дома. На верхних этажах, над ним, ходили люди, они разговаривали, и он мог различить каждое их слово...

Рядом с ним стояли братья, облаченные и красные бархатные балахоны. И отец, тот, кто даровал ему эту жизнь.

Артур встал на колени и припал к его костлявой, как у мумии, обтянутой нереальной бумажно-белой кожей руке. На безобразных кривых пальцах сверкали драгоценные перстни.

Отец милостиво кивнул ему, и Артур почувствовал, как его затопило счастье.

— Я взял твое человеческое сердце, — сказал ему отец, — и дал тебе другое — сердце вампира! Встань, мой сын! Ты теперь — один из нас!

Часть III

ЧЕРНЫЙ

Глава 1

Я стояла и слушала ночь. В моих ушах все еще звучала исполняемая хором песня. Кажется, это был какой-то старинный гимн.

Артур, так же молча, стоял подле меня. Я нашла его руку и крепко ее сжала. Мне казалось, будто я сама заглянула в бездну, и его боль, пройдя через время и пространство, наполнила меня. Я ощущала ее так же сильно и ясно, будто вместе с ним умирала тогда на алтаре в комнате, занавешенной тяжелыми бархатными портьерами.

— Что же случилось потом? — спросила я хрипло, когда наконец голос вернулся ко мне.

— Потом я стал заново учиться жить, — ответил Артур, — хотя, наверное, я и не жил — до той поры, пока не встретил тебя.

— Тебе нравится быть таким, каким ты стал? Ты же быстрее и сильнее, чем обычные люди?

— Да, — подтвердил Артур. — Я изменился. Мое тело получило новые возможности, реакции мои многократно возросли. Теперь я могу поймать летящую пулю или без устали бежать всю ночь напролет. Однако...

— Однако? — переспросила я.

— Однако нельзя приобрести что-либо, не отдав ничего взамен. Все, что было для тебя дорого, пока ты оставался человеком, обесценивается для вампира. Это происходит не сразу, а постепенно — шаг за шагом. Сначала исчезают мелкие, казалось бы, незначительные воспоминания и чувства, а затем меняется вся твоя личность. Ты просто перестаешь быть собой, выпуская на свободу хищника, зверя. Только встретившись с тобой, я понял, что едва не забыл свою человеческую сущность, как забыл ее, скажем, Владлен.

— Владлен? Он один из ваших? — спросила я.

— Да, мы с ним принадлежим к одной семье. Как у нас говорят, к одному Дому.

— Так почему же он напал на меня? — Мы сели на скамейку, и я, не замечая вечерней прохлады, напряженно ловила каждое произнесенное Артуром слово.

— Он уже почти забыл о своей человеческой сущности, однако кое-что из прежних чувств у него осталось. Это зависть. Он знал, что отец приблизил меня к себе, и, услышав от тебя мое имя, захотел понять, что нас связывает и, по возможности, погубить меня в глазах отца.

— Да, — согласилась я, — он задавал тебе вопросы. И, честно сказать, ты появился очень вовремя. Владлен, — тут я невольно поежилась, — как раз собирался выпить из меня всю кровь.

— Я сам не могу убить того, кто одной со мной крови, но отец знает о его проступке, и Владлен будет наказан, — холодно сказал Артур.

— Но кровь... Вы и вправду убиваете людей, выпивая их кровь?

— Нет, что ты, — Артур усмехнулся, — ты же не съешь на обед, скажем, целую корову. К тому же пища, чтобы доставлять удовольствие, не должна быть слишком обильна. Да, мы пьем кровь, в основном это кровь наших верных слуг, которые всегда охотно делятся ею с нами. Эту пищу можно сравнить с хорошим старым вином. Пить нужно самую малость, чтобы почувствовать весь спектр вкуса. Ничто так не придает силы, как живая теплая кровь. Однако чаще всего мы употребляем уже остывшую и разделенную на плазму и эритроциты, тромбоциты и так далее, так называемую донорскую кровь.

— Это тот коктейль, который ты обычно смешиваешь себе во время обеда? — догадалась я, и Артур кивнул.

— А еще ты, наверное, хочешь спросить, почему я хожу под солнцем и не превращаюсь в горстку пепла.

— А вправду, почему?

— Я еще очень молодой вампир. Чем старше вампир — тем труднее ему находиться на солнце, тем больше у него уходит на это сил и... тем больше ему требуется подпитки — крови. Я тоже избегаю яркого солнца. Какое-то время я выдержу, но недолгое.

«Вампир», «кровь», «дети ночи» — мы произносили эти слова, как будто они были совершенно обыденными — скажем, как «шкаф» или «телефон». Если представить себе наш разговор со стороны, можно подумать, будто у нас обоих поехала крыша. Однако я знала, что Артур не шутит, и сразу поверила ему. Вернее, я почувствовала все

немного раньше, до того, как он начал говорить. Еще там, в подвале.

— А что насчет летучих мышей, дыма, лазанья по отвесным стенам?.. — спросила я.

— Не видел ни одного вампира, превращающегося в летучую мышь или туман, — пожал плечами Артур, — однако вампир может влиять на сознание большинства людей и внушить им, что он, скажем, во что-то превратился. А про отвесную стену... Лично я в этом не силен... Хотя есть такие... Впрочем, довольно. Хватит на сегодня вопросов. Пойдем, я провожу тебя, а то ты уже замерзла.

Моя кожа и вправду покрылась мурашками, однако уходить не хотелось, и я принялась уговаривать Артура посидеть хоть еще немного.

— Ты сегодня легко одета и можешь заболеть, — заявил он заботливым, как у мамы, голосом. — Пойдем, честное слово, мы видимся с тобой не последний раз.

— Обещаешь? — лукаво спросила я.

— Клянусь, — отозвался он серьезно и посмотрел на меня своими необыкновенными темно-вишневыми глазами.

Весь вечер я думала о том, что рассказал мне Артур. Его история казалась мне фантастической, и вместе с тем я абсолютно в нее верила. Возможно, потому, что во время его рассказа чувствовала, будто это происходит со мной.

Возможно, именно поэтому мне снова приснился один из моих обычных в последнее время кошмаров.

Снилось мне, будто я попала в знакомый черно-белый город. Я находилась где-то на самых его задворках.

Я стою у стены, рядом с огромными мусорными баками, и какой-то человек — я вижу только его силуэт и никак не могу различить лица — протягивает мне свою руку, с которой тяжелыми каплями стекает на землю кровь.

— Пей! — говорит он мне.

И тут я осознаю, что нахожусь во сне, и что это мне снится под впечатлением рассказа Артура, а значит, здесь все неправильно: где же парадная комната с портьерами, и алтарь, и свечи, и высокая чаша?!

Я пытаюсь сказать об этом человеку из кошмара, но он только смеется в ответ на мои слова.

— Ты глупая маленькая девочка, — говорит он, — кому нужна вся эта мишура? Только выродженцам, цепляющимся за старые обряды. Это все пустяки! Все проще, обыденней и страшнее. Нужны только ты и я. И эта кровь, что течет между нами.

Я поднимаю глаза и вижу, что кровь действительно уже течет рекой. Она струится по улицам города, стекает с домов, оставляя на окнах красные потеки... Я вижу, что мои руки целиком измазаны в липкой крови.

— Выпусти из себя зверя! Сбрось свою маску! — слышу я чей-то голос. — Брось притворяться! Ты не принцесса, ты — ведьма, и знаешь, кто убил прекрасного принца?

Я знаю ответ, а потому изо всех сил зажимаю уши...

И просыпаюсь.

В понедельник в школе появилась Виола. Она показалась мне отдохнувшей и такой же беззаботной, как и прежде, и я даже понадеялась, что она отказалась от идеи вернуть Артура. Но, как выяснилось, рано.

После всех занятий, кружков и прочего я ждала Артура, гуляя по своему любимому скверу. День, а вернее, уже вечер выдался холодный и сумрачный, и я совсем замерзла и собралась было пойти погреться в школу, когда увидела его. Он почти подошел ко мне, стоявшей в тени деревьев, как вдруг его окликнул девичий голос. Все, кто, как и я, проучился с Виолой с первого класса, не спутали бы ее ни с кем.

Артур остановился, позволяя ей догнать себя.

— Я хотела с тобой поговорить, — сказала Виола.

Мне было слышно каждое их слово, и в душе происходила мучительная борьба: уйти или остаться?! В пользу первого говорила вся моя порядочность и накрепко засевшее в голове правило «подслушивать — нехорошо», в пользу второго — мое природное любопытство, помноженное на личную заинтересованность. И это чувство в конце концов победило. Дело не в том, что я не доверяла Артуру, однако слишком много странного уже случилось и, я чувствовала, еще случится со мной в ближайшее время, а поэтому уйти оказалось выше моих сил.

— Артур, — говорила тем временем Виола, — возможно, я обидела тебя чем-то? Может, я вела себя как-то не так? Пожалуйста, не сердись на меня, просто скажи — и я постараюсь исправиться.

Ее голос звучал непривычно робко. Я не могла бы никогда представить себе, что Виола будет так унижаться перед парнем, который ее отверг. Я стояла, затаив дыхание. Если Виола меня обнаружит, то никогда не простит мне, что я стала свидетелем ее унижения, и сделает все, чтобы превратить мою жизнь в настоящий ад.

Артур молчал.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — продолжала Виола, жадно вглядываясь в его лицо.

— Ты очень красивая девушка, — ответил Артур так холодно и равнодушно, что мое сердце подпрыгнуло от радости.

— Но тебе этого мало, да? Так что же еще тебе нужно?! — настаивала Виола. — Скажи, у меня все-таки есть шанс?

— Я не буду тебя обманывать: нет. К тому же я просто показался тебе героем, потому что совершенно случайно спас тебя. Это ничего не значит, и скоро ты сама забудешь...

— Нет! — прервала его Виола злым голосом. — Я не забуду! Я никогда не забуду, как ты меня унизил! Ты предпочел мне эту наивную тусклую дурочку! Да знаешь ли ты...

И в этот момент я действительно разозлилась на Виолу. Глупая тщеславная кукла! Да как она смеет говорить обо мне гадости?! Мало я натерпелась от нее за все годы совместной учебы? Нет, это ей просто так с рук не сойдет! Она еще пожалеет!

Ярость застлала мой взор, и мир вокруг сделался черно-белым, совсем как в моих снах!

Я шагнула по направлению к Виоле и... пришла в себя.

Слава богу, я еще не вышла на дорожку, и они меня не заметили. Что же это такое?! Откуда во мне столько злобы и ненависти? Эта вспышка гнева испугала меня: я отчетливо пожелала Виоле смерти. Почти ни за что — за глупые пустые слова. Что со мной? И много ли во мне такой дикой ярости, до поры до времени надежно спрятанной за гладким образом «хорошей девочки», похожей на укрывающуюся под гладкой зеленой лужайкой смертоносную, вечно голодную трясину.

«Сбрось маску! Выпусти из себя зверя!» — вспомнились мне слова из сегодняшнего сна.

Но тут нечто другое отвлекло меня от беспокойных раздумий. Обострившееся, почти звериное чутье вдруг прошептало мне: «Опасность рядом!» Она была совсем близко от меня — рукой подать. Меня вдруг прошиб холодный пот, а ноги будто налились свинцом. Я смотрела на тусклые очертания деревьев, фонари на главной школьной аллее... и картинка перед моими глазами снова стала черно-белой. Мне померещилось, будто я слышу тихий шепот чьих-то шагов. «Я пришел за тобой. Ну, иди же ко мне. Я помогу утолить твою ярость. Я погашу твой голод. Иди ко мне!» — вместе с пульсом застучало в моих висках, а там, где коснулся моего лица своими холодными губами ужасный незнакомец из сна, кольнуло.

— Полина! Ну выходи, я знаю, что ты здесь, — окликнул меня Артур. — Я слышу тебя.

Я вышла из-за деревьев, наверное, такая же бледная, как и он. Артур удивленно взглянул на меня:

— Что-то случилось? Тебя кто-то напугал?

— Нет. Да, — невпопад ответила я. — Пойдем отсюда поскорее.

— Хорошо, — согласился Артур, не сводя с меня удивленного взгляда, и тут я поняла, что он ничего не чувствует! Он просто не ощущает той опасности, которую так ясно чувствую я! Может, все это лишь игра моего неуемного воображения, но проверять, кто из нас прав, я не стала.

— Пошли отсюда, — повторила я.

И мы ушли.

Ловчий, десять минут спустя

След был совсем горячий. Ноздри Ловчего раздулись, а мышцы сами собой напряглись, как перед прыжком. Они были здесь. Другой вампир и одна... нет, две девушки. Совсем недавно. Минут десять-пятнадцать назад. Не больше. Они стояли тут и разговаривали.

Присутствие другого вампира «из тех», как презрительно называл их Ловчий, свидетельствовало, что он на верном пути и наконец нашел добычу, которую так ждала его королева.

То, что ТЕ перешли ему дорогу и добрались до девушки раньше, лишь подхлестнуло его. Он знал, что в открытом столкновении легко справится с несколькими противниками. Но нападать открыто он не собирался. Те, другие, — трусы. Они наверняка еще кружат вокруг девушки, пытаясь прощупать ее и понять, какой она станет

после изменений и как впишется в их планы. Самое время перехватить добычу прямо у них из-под носа! Это будет приятная охота. Приятная и забавная. Она доставит ему истинное наслаждение. Хорошо бы девушка оказалась не совсем дурой. Настоящий охотничий драйв — вот чего ему так не хватало в последнее время!

Ловчий присел на корточки и внимательно осмотрелся.

Неподалеку находились решетчатые ворота, возле них — будка охранника. Перед воротами, на улице, располагалась стоянка, на которой была припаркована всего пара машин. За воротами шла освещенная фонарями аллея, чуть подальше она разветвлялась, подходя к двум корпусам. Одно из зданий, выкрашенное в яркие желто-оранжевые цвета, было одноэтажным, второе, белое, с красной крышей, — двухэтажным.

«Частная школа «ИДЕАЛ» — услужливо сообщала небольшая табличка у ворот.

Он уже бывал в подобных заведениях и знал, что их посещение сопряжено с определенными... нет, даже не трудностями, скорее — мелкими неудобствами. Ведь, прежде чем заняться делом, приходится позаботиться о камерах наблюдения и вооруженных охранниках. Вроде мелочь, но уделить ей некоторое внимание надо. Охота не терпит неаккуратности.

Одним движением Ловчий легко поднялся на ноги и медленно пошел вдоль металлической ограды школы, осматриваясь и принюхиваясь.

Он ступал так легко и осторожно, что ни один лист не шевельнулся под его ногой.

Но вдруг Ловчий замер и с недоверием втянул ноздрями воздух.

Поблизости находился еще один... охотник? Не тот, кого он учуял раньше, у ворот, но, без сомнения, один из ТЕХ. Что-то их сегодня многовато. Дело, возможно, пахнет засадой.

Ловчий, бесшумнее ночной тени, обогнул затаившегося и внимательно осмотрелся. Похоже, больше никого. В этом он был уверен. Уж его-то провести трудно. Его нюх никак не сравнить с притупившимся нюхом вырожденцев. Они даже своих же неофитов не чуют... Ну, разве что у старейшин нюх получше. Однако их старейшины по кустам не шастают — им, видите ли, по рангу не положено... Тем не менее Ловчий выждал некоторое время, наблюдая и настороженно принюхиваясь.

Другой явно чего-то ждал.

Видимо, он не знал о присутствии Ловчего. По крайней мере, позволил ему подобраться со спины и тем самым подставил под его клыки свое горло.

Ловчий кусать не стал. Он лишь слегка обозначил укус, дав противнику понять, что тот в его власти.

Все происходило в полной тишине и было похоже на странный немой фильм.

— Не убивай, — наконец заговорил чужак. — Я здесь, чтобы встретиться с тобой.

Ловчий ждал. Чего угодно — нападения, какого-нибудь знака, который мог подать своим приятелям схваченный за горло противник — всего.

— Я готов назвать тебе ту, за которой ты охотишься, — добавил мужчина.

Незнакомец был довольно высок, светловолос, одет в дорогое легкое пальто, шелковый белый шарф и перчатки. Только шляпы и тросточки ему не хватало.

Ловчий брезгливо скривился — он терпеть не мог подобных расфранченных типов. К тому же сидеть в засаде в белом шарфе и перчатках мог позволить себе только совсем свихнувшийся.

— Из какого ты Дома? — спросил пленного Ловчий, никак не реагируя на его заманчивое предложение.

Тот назвал Дом, прошептав так тихо, что только восприимчивое ухо Ловчего смогло это уловить. Ловчий чуть присвистнул.

— Так ты знаешь, кого я ищу, и готов указать мне ее? — недоверчиво переспросил он. — И с какой, интересно, стати?

— В этом деле есть мой личный интерес, — ответил незнакомец. — И еще одно: поклянись своим становлением, что, в случае конфликта между нашими... — он чуть замешкался, пытаясь найти подходящее слово, и, не найдя, решил заменить его привычным для себя, — Домами... вы не тронете меня.

Ловчий улыбнулся. Его противник либо пытается заманить его в ловушку, либо собирается предать свой Дом и свой Род. А значит, либо лжет, либо он предатель. Слово, данное лжецу или предателю, весило меньше птичьего перышка, а поэтому...

— Клянусь, — легко подтвердил он.

— Хорошо, — чужак кивнул. — Я сталкивался с той, что тебе нужна, близко и почувствовал исходящую от нее силу. Тут не может быть ошибки. Ее зовут...

И он назвал имя.

Глава 2

Миновало несколько дней. В четверг вечером я, как всегда, возвращалась из школы. Дверца автобуса захлопнулась за моей спиной, Андрей дружелюбно помахал на прощание рукой, и я пошла по дорожке к дому. Идти до подъезда было не более пяти минут. Пройти мимо детского сада, миновать отделение банка и спуститься по лестнице в низину, где и стоял наш дом...

В этот вечер я немного нервничала, проделывая привычный путь. Дело в том, что от остановки за мной пошли двое парней. Собственно, я была не уверена, преследуют ли они меня, или им просто по пути, но меня несколько тревожило их присутствие за моей спиной и периодически доносящийся до меня хохот.

Я попробовала идти быстрее, но и они не отставали. Мы были уже у лестницы, и я совсем было решила спасаться бегством, как дорогу мне перегородил третий парень.

— Вау! Вы только позырьте, какая телка! — сказал он, обдавая меня алкогольным амбре.

Я попыталась молча его обойти, но он не дал мне пройти и, скорчив рожу, загундосил:

— Не спеши, солнышко! Видишь, с тобой конкретный чел познакомиться хочет?!

Двое парней, шедших сзади, остановились и снова гнусно загоготали.

Я судорожно огляделась. Как назло, прохожих рядом не было.

— Извините, я спешу, — сказала я и, поднырнув под расставленную руку парня, бросилась бежать по ступенькам.

— Держи ее! Хватай! — заорал кто-то, и вся компания бросилась за мной.

Они настигли меня у подножья лестницы.

— Ты погляди, она нами типа того, пренебрегает! — пожаловался друзьям парень, что преградил мне дорогу.

Я молчала, чувствуя себя затравленным зверем, и готовилась дать мерзавцам отпор. Возможно, они ждали, что я стану унижаться и просить их меня отпустить. Однако я не собиралась этого делать. Во-первых, потому что не люблю унижаться. А во-вторых, это почти всегда совершенно бесполезно.

— Слышь, мой кент к тебе со всей душой, а ты! — с азартом включился в диалог второй из парней.

— Со всеми, можно сказать, нежными чувствами! — сострил его приятель, и вся троица опять громко захохотала, будто услышав что-то на редкость забавное.

— Ой, а может, это девочка-недотрога! — подмигнул мне заводила. — А мы сейчас проверим!

И он толкнул меня в грудь так сильно, что я отлетела к одному из его товарищей.

— Поиграл сам — передай другому! — отозвался тот и толкнул меня к третьему.

Тот схватил меня за волосы и дернул изо всей силы. Я едва устояла на ногах, но каким-то чудом смогла извернуться и укусить его за руку. Он громко взвизгнул.

Ловчий, три минуты спустя

Во двор, где трое парней затеяли странную игру, он забрел случайно. Однако девчонка, ставшая их жертвой, его заинтересовала. Он видел ее у той школы. И еще — от нее исходил поток силы. Не такой уж мощный, но достаточный, чтобы обратить на нее внимание, даже несмотря на то, что конечная цель им была уже определена.

Девочка держалась молодцом.

— Вот змеюка! Давайте разукрасим эту гадину! — крикнул один из парней, и в мозгу у Ловчего будто что-то переключилось.

Была зима. Крупные снежинки, медленно кружась в свете вечерних фонарей, опускались на стылую землю, на его коротко подстриженные черные волосы, на сжатые в кулак пальцы, и тут же таяли, расплавленные теплом человеческого тела. Хрупкая темноволосая гимназистка металась между двух пьяных парней под их громкий хохот. Как хорошо, что он решил незаметно проводить ее до самого дома! Парни были выше и старше него, бой предстоял нешуточный, и он, тихонько перекрестившись, вышел из уютной тени. Туда — под неяркий свет фонарей:

— Отстаньте от нее! Что вам надо?..

Сейчас Ловчий не сказал ни слова. Инстинкты сработали раньше, чем он успел дать себе в этом отчет. Первого из отморозков он просто оттолкнул. Затем приподнял за грудки второго и, не глядя, швырнул куда-то.

Третий парень попытался его ударить. Он вытащил из кармана джинсов небольшой раскладной нож и двинулся на Ловчего. Это было даже не смешно — одно неуловимое движение — и нападающий взвыл, схватившись за бессильно повисшую руку. Его нож остался лежать на земле, отлетев от него шагов на десять.

— Уходим! Это псих! — крикнул тот, кто был у них за главного, и парни, кряхтя и постанывая, бросились бежать с места боевых действий. Хорошо, что он успел. Он часто встречал девушку в парке, где она гуляла с гувернанткой, и никогда не решался подойти. И вот теперь...

Ловчий брезгливо отряхнул руки и повернулся в сторону девушки... У нее было какое-то имя... вот только он не мог припомнить, какое именно....

И тут же понял, что ошибся: спасенная девушка оказалась только похожа на ту гимназистку — просто такая же худенькая и черноволосая. Однако это была не она, не та.

От обиды он даже скрипнул зубами.

— Спасибо вам. Я пойду? — робко спросила она.

Ловчий промолчал. Девчонка отвлекала его от воспоминаний. Если бы не она, возможно, он сумел бы поймать ту тонкую нить, что протянуло ему прошлое. Как же звали ту гимназистку?.. Как же называли тогда его самого?..

* * *

Кажется, мой спаситель даже не услышал меня. Может, оно и к лучшему. Судя по тому, с какой легкостью он раскидал напавших на меня хулиганов, лучше не раздражать его лишний раз.

Надо признать, что парень появился очень вовремя. Он показался мне смутно знакомым. А еще — чертовски опасным. Как Владлен. А может, еще хуже.

Ни за что не поверю, что он здесь очутился совершенно случайно. Ага, как и тот подозрительный громила с собакой, повадившийся приходить во двор в то же время, что и я. Никогда его раньше не видела, и другие собачники, между прочим, тоже. Такое ощущение, будто меня посадили под стеклянный колпак.

Сегодняшний парень в косухе, разумеется, мне помог, однако я не маленький ребенок, чтобы пасти меня и заботливо водить за помочи! И вообще зачем они все лезут в мою жизнь?! Разве я звала их? Могла ли я всего месяц назад представить, что моя жизнь станет похожа на сценарий какого-нибудь триллера: на меня будут нападать люди и вампиры, меня станут запирать в подвале и рассматривать, словно мошку под микроскопом?! Хотя нет, предложи мне кто-либо вернуться к прошлой, спокойной, жизни, я бы решительно отказалась. Потому что вместе с риском в мою жизнь вошла любовь. Она стала для меня тем же, чем для узника становится первый глоток свежего воздуха. Она похожа на рассвет, когда яркие солнечные лучи пронзают ночную

тьму, как рыцарь, пронзающий мечом тело дракона. И тьма скукоживается, отступает.

До появления Артура я не жила, а только готовилась жить, словно спящая красавица, сотню лет ожидавшая того, кто разбудит ее юное сердце. Вместе с Артуром в мою жизнь вошел смысл. То, ради чего стоило жить и бороться, и я готова к этому.

Завтра же подойду в клуб и запишусь на какую-нибудь борьбу. А сегодня — достану из ящика и переложу в сумочку газовый пистолет и старинный серебряный нож, хранящийся в моей семье с незапамятных прабабушкиных времен. Почти везде пишут, что вампиры боятся серебра. Так что пусть он тоже лежит в моем кармане. Кто знает, с кем предстоит встретиться в следующий раз!

Я открыла дверь и вошла в квартиру.

— Полина? — окликнула меня из комнаты мама. — Разогреешь себе суп сама? Он в холодильнике. Я еще вареники с вишней сделала. Будешь?

После всего происшедшего мне вовсе не хотелось есть, зато хотелось немедленно начать действовать.

Джим по-своему понял мой боевой задор и тут же притащил кусок толстой веревки, чтобы немного поиграть со мной в перетягивание каната. Из этой игры он, кстати, всегда выходил победителем и обычно просто протаскивал меня по паркету, а папа смеялся и повторял свою обычную присказку про то, что кое-кто ел мало каши.

Немного поиграв с Джимом, я заглянула в мамину комнату. Мама плотно сидела в своем «1С», так что лучше было ее не трогать, но я все-таки не удержалась и спросила:

— Мам, а можно я в спортивную секцию запишусь?

Она удивленно оглянулась.

— А зачем это тебе?

— Ну... — я замялась, — для общего развития. Чтобы духовное, так сказать, не превалировало над материальным.

— Ну ты даешь! Совсем заучилась! — прокомментировала мою заковыристую фразу мама.

— Вот поэтому я и хочу уделить внимание спорту! — тут же вывернулась я.

— Хорошо, — кивнула она. — Скажи отцу, сколько надо денег, и занимайся себе на здоровье... сколько прозанимаешься.

Похоже, она не очень поверила в то, что я буду заниматься всерьез.

— Мам, — спросила я, пока она не вернулась к своему компьютеру, — а где инструкция от газового пистолета?

— Что-нибудь случилось? — Она даже привстала с места, встревоженно глядя на меня.

— Нет. — Я постаралась сделать как можно более беззаботное лицо. — Просто у нас в школе сказали, что в Москве появился какой-то маньяк.

— Маньяк?! — Мама явно испугалась. — Ну тогда будь осторожнее и не ходи никуда поздно. Давай с Джимом пока будет гулять папа.

— Мам, ну что ты, честное слово. У нас то и дело всякие уроды появляются. Просто я подумала, что вам будет спокойней, если я стану носить с собой пистолет.

— Ну хорошо, — мама рассеянно взглянула на экран компьютера, где уже мигал конвертик. — Извини, Полин, у меня срочная работа. Посмотри там, в ящике с документами.

— Ок, — кивнула я и отправилась в гостиную, где в среднем ящике серванта хранились всякие бумаги.

Документы оказались в полном беспорядке. Кажется, там что-то совсем недавно искал папа. Неудивительно, что после него здесь черт ногу сломит.

Пока я перебирала бумаги, на глаза мне попалась цветная папочка. Я заглянула в нее и остолбенела.

Прямо передо мной лежала простая синяя бумажка, на которой значилось: «Свидетельство об усыновлении (удочерении)», и далее следовал текст, что некая Полина Петрова усыновлен (удочерена) Светловым Александром Владимировичем, гражданином России, русским, и Светловой Ольгой Петровной, гражданкой России, русской.

Глава 3

Я бестолково смотрела на эту странную бумажку и чувствовала себя так, будто меня ударили чем-то тяжелым по голове.

Этого не может быть! Это бред! Какая-то мистификация!

Я закрыла глаза и снова их открыла, но проклятое свидетельство не изчезло. Вот оно передо мной: неумолимое и беспощадное в своей сухой казенности.

Даты, подписи, печати...

Ровные строки, навсегда перечеркивающие всю мою жизнь, переворачивающие ее с ног на голову.

Мне стало так плохо, что я опустилась на ковер и закрыла лицо руками. Больше всего в этот момент мне хотелось завыть — страшно, беспомощно, глупо!

Кто-то ткнулся в мои руки чем-то мокрым и шершавым. Это Джим. Пытаясь утешить меня, он вылизал мне руки и лицо, а я все сидела на ковре — будто на самом краю мира — и не могла подняться.

Я вспоминала, как, совсем маленькая, я взбиралась маме на колени, и она играла со мной, гладила по волосам, пела незатейливые песенки...

Неужели это была не моя мама?!

Неужели вся моя жизнь — сплошная ложь?

Кто же я тогда?! Кто и откуда? Где мои настоящие родители? Неужели они отказались от меня? Что это вообще за фамилия — Петрова?!

И, главное, почему это случилось СО МНОЙ?! Почему сейчас, когда в моей жизни все и так смешалось круче, чем в доме Облонских?[1] Почему?!

— Полина! Что ты там затихла? Ты поела? — крикнула мне из комнаты мама.

Я сглотнула. Тугой ком стоял у меня в горле, мешая говорить, мешая дышать...

Они всегда заботились обо мне. Я любила их, и стоит ли в минуту разрушать то, что строилось годами? Я не буду торопиться и выяснять отно-

[1] Отсылка к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

шения. Я просто хочу побыть одна и во всем разобраться. Сама. Без чьей-либо помощи. Я имею на это право.

— Д-да, — выдавила я из себя, — поела. Спасибо.

Медленно, как во сне, я собрала рассыпанные бумаги, положила их на место и поплелась в ванную. Больше всего мне сейчас хотелось не существовать. Просто никогда не рождаться или вдруг раствориться в воздухе, стать закатным лучиком солнца, гаснущим на горизонте, мимолетной тенью на стене, тающим в небесной лазури облачком. Не быть. Не существовать.

Машинально я наполнила ванну и, только улегшись в нее, заметила, что, оказывается, забыла раздеться. В голове пульсировала тупая боль, и я подумала, что не плачу просто потому, что разучилась плакать. Видимо, даже это обычное утешение отныне стало мне недоступно. Ну что же, придется научиться жить и с этим.

Выйдя из ванной, я сразу же пошла в свою комнату и легла на диван, лицом к стене.

Она... теперь я, наверное, никогда не смогу называть ее мамой, заглянула ко мне и спросила, не заболела ли я.

— Нет, — буркнула я в спинку дивана.

Я боялась повернуться, чтобы она не увидела мое лицо.

Тогда она подошла ко мне и положила руку на мой лоб.

«Хорошо бы я и вправду заболела. Лежала бы с высокой температурой и не думала ни о чем, все бы меня жалели, и можно было хотя бы на время забыть о своих проблемах», — подумала я.

— Странно, лоб у тебя совершенно ледяной, — сказала она. — Наверное, ты переутомилась и у тебя упадок сил.

Я издала звук, который при определенной доле фантазии можно было трактовать как положительный ответ.

— Ну спи. — Она поцеловала меня в затылок и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Я лежала, уставившись пустым взглядом в спинку дивана. Сон бежал от меня, как бежит от собаки ее собственный хвост. Я слышала, как хлопнула входная дверь, и в коридоре зазвучали приглушенные голоса.

Кто-то заглянул в мою комнату, но я лежала тихо и неподвижно, и дверь снова закрылась.

Потом тот, кого я раньше называла папой, отправился выгуливать Джима... Я слышала, как он вернулся, и они ушли в гостиную, где еще долго разговаривали, прежде чем лечь спать.

Время ползло медленнее улитки. Я лежала на диване и явственно чувствовала, что над моей головой собрались тяжелые грозовые тучи. Откуда-то я знала, что все, что произошло со мной, это еще не гроза. Гроза ждет впереди, и пусть мой ангел-хранитель убережет меня, когда она наконец разразится.

Не знаю, сколько я спала в ту ночь.

С утра я привычно выгуляла Джима, хотя эта прогулка не доставила мне обычного удовольствия, кажется, съела что-то на завтрак, натянула

дежурные джинсы и первую попавшуюся под руку кофту...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил человек, называвший себя моим отцом.

— Нормально, — бросила я, избегая смотреть ему в глаза.

Он озабоченно, как бы невзначай, тоже коснулся моего лба. А я думала о том, какие они — мои настоящие родители, и как получилось, что я, словно кукушонок, оказалась заброшена в чужое гнездо. Скорее всего настоящая мать просто отказалась от меня когда-то. Потому что я никому не нужна, потому что я всем мешаю. С самого детства... Остается только Артур. Но нужна ли я ему?..

— Подвезу тебя сегодня до школы, собирайся, — услышала я некогда родной голос. — Мама говорила, что ты хочешь записаться в какую-то спортивную секцию? Вот и правильно, это пойдет тебе на пользу. Нельзя вечно сидеть над книжками. Давай сегодня все и уладим.

— Я хочу записаться на карате, — мрачно сказала я.

— Да? — он явно удивился. — А я почему-то подумал, что речь идет о какой-нибудь аэробике.

Я пожала плечами и достала из шкафа кожаную куртку.

— Шарф надень, холодно уже, — напомнил мне он. — Ну, хорошо... Если хочешь карате — пусть будет карате... Только это не совсем женский вид спорта.

Я кивнула и вышла за дверь, он последовал за мной.

Он подвез меня до школы, однако мы попали в огромную пробку, и на урок я пришла с опозданием. Когда я появилась в классе, то уловила два направленных на себя внимательных взгляда. На меня смотрели Артур и... Виола. Она буквально пожирала меня глазами, и постепенно на ее лице все явственней проступало недоверие.

Я не умела читать чужие мысли, но сейчас этого умения и не потребовалось, чтобы разгадать тайну вчерашнего покушения. Виола. Это она послала за мной тех парней.

Раньше я бы едва ли смогла легко перенести этот удар, но за последнее время судьба так часто меня била, что мои нервные окончания, похоже, атрофировались. По крайней мере, я приняла эту мысль достаточно равнодушно, но, посмотрев на Артура, увидела, как он переводит взгляд с меня на Виолу и, кажется, начинает что-то понимать.

Ну конечно же, он не человек и обладает сверхъестественными способностями.

Нужно быть слепой, чтобы не заметить, что Артур в ярости. Ярость вытекала из него, как вода из переполненного стакана. Я буквально ощущала ее физически. Вот сейчас он встанет, и, несмотря на то что идет урок, подойдет к Виоле, и...

Я положила ладонь на его руку и изо всех сил сжала его холодные пальцы.

— Ты не имеешь права вмешиваться в мою жизнь, — произнесла я, едва шевеля губами. — Я сама с этим разберусь.

Он, похоже, заколебался.

— Это МОЕ право, и ты не должен решать за

меня, — сказала я и тут же почувствовала, что нашла верные слова.

Он едва заметно кивнул.

В классе шел урок, и никто не знал, что я только что, похоже, спасла Виоле жизнь.

На перемене я подкараулила ее в одном из школьных коридоров.

Забавно, в ее глазах мелькнула тень страха, когда я шагнула ей навстречу.

— Ты, кажется, проиграла, — улыбнувшись, сказала я, — видишь, на мне нет и царапинки.

Она посмотрела на меня примерно так, как, наверное, смотрел датский принц Гамлет на явившийся к нему призрак.

— Я изменилась, Виола, и больше у тебя никогда не получится играть со мной эти дурацкие шутки. Ни-ко-гда! Понятно?

Я улыбнулась, сама удивляясь тому, насколько спокоен мой голос, а Виола вздрогнула и отпрянула. Интересно, что у меня с лицом. Я сама ощущаю, что меняюсь, и не уверена, что мне нравятся эти изменения.

Вечером я отправилась в клуб, находящийся неподалеку от дома, и записалась на карате. Учитель долго и несколько скептично разглядывал мою тощую нескладную фигуру, но все-таки назначил день и время первого занятия.

Потом я бесцельно бродила по улице, никак не решаясь вернуться в то место, которое всегда было для меня домом. Но иди мне было абсолютно некуда, и я вернулась.

Открыв дверь своим ключом, я услышала заливистый лай Джима. Из гостиной доносился рассерженный голос мамы... то есть той, кого все это время я привыкла называть мамой. Я заглянула в комнату.

На полу валялось разбитое блюдце, по всей комнате было рассыпано зерно, а мать, сидя на корточках перед взъерошенным, нахохлившимся Мерлином, отчитывала несчастного голубенка.

Довершал картину Джим, который носился вокруг них кругами и громко лаял.

— Полина! Ты только посмотри, что натворил этот пернатый подкидыш! — сказала мама, заметив меня на пороге. — Вот разбойник! Вот вредитель! Взгляни, как он здесь набедокурил! И это в благодарность за нашу заботу!

В последнее время мне было достаточно пустяка, чтобы потерять над собой контроль. Мне вдруг показалось, будто Мерлин — мой кровный брат, такой же обездоленный и несчастный подкидыш, как и я. В эту минуту в моей душе поднялась какая-то мутная волна, и я решила, что мои родители, те люди, которые обо мне заботились, все это время презирают и ненавидят и меня, и Мерлина. Будто мы для них — источник раздражения и беспокойства, неблагодарные подкидыши.

— Не смей кричать на него! — сказала я зло. — Я знаю, ты его не любишь. А меня... меня ты тоже ненавидишь, да?

И тут я случайно заметила в зеркальной стенке

бара отражение своего лица. Это было лицо не человека. Скорее — демона. Боже, до чего я дошла!

Я выскочила из комнаты, а вслед мне раздалось удивленное и обиженное:

— Полина, что с тобой?!

Я влетела в свою комнату и с силой захлопнула дверь. Нет, я не стала плакать. Мои глаза были совершенно сухими. Такими сухими, как будто в них насыпали песку пустыни Калахари.

Я забилась в самый угол дивана, обняла коленки руками и сидела, пялясь в полутьму комнаты. Секунды тикали у меня в висках. В доме царила тишина. Никто не приходил меня утешить. Вот оно — лучшее доказательство того, насколько я всем безразлична... Но вот я немного успокоилась и вышла в коридор. Было подозрительно тихо. Я заглянула в гостиную.

Она сидела на полу, обняв ящик с Мерлином, и горько плакала. Она — та, что заботилась обо мне все эти годы, растила меня, читала мне книжки и разыгрывала со мной смешные веселые сценки-спектакли, клала руку на мою голову, когда я заболевала, и терпеливо уговаривала выпить немного горячего молока с медом... Боже мой! Что я наделала! Неужели это у меня нет сердца?!

— Мама! — окликнула я ее.

На этот раз слово легко мне далось, и я поняла, как оно нужно и уместно.

Она подняла ко мне заплаканное лицо.

— Мамочка! Извини, пожалуйста, я сама не знаю, что на меня нашло, — быстро заговорила я.

Она кивнула и улыбнулась сквозь слезы.

Тут я не выдержала и бросилась к ней на шею. Она обняла меня, и мы с ней заплакали вместе. Способность плакать вдруг вернулась ко мне самым волшебным образом. А Джим прыгал вокруг и, не зная, кого из нас утешать, лизал то мамино, то мое лицо.

В таком виде нас и застал папа.

— Что-нибудь случилось? — озабоченно спросил он.

— Вот, — мама беспомощно указала рукой на разбитое блюдце, — Мерлин набедокурил.

Папа оглядел нас будто ненормальных.

— И только? Все остальное в порядке? — подозрительно спросил он.

— Все остальное в порядке, — ответила я.

Я не могла не соврать ему и чувствовала, что эта ложь — самое правильное, что только может быть в данном случае.

— Ну хорошо, — неуверенно сказал папа, принес из кухни веник и подмел в комнате. Честно говоря, обожаю мужской способ решения проблем.

Затем он свистнул псу:

— Ну, Джим, неси свой поводок. Пойдем с тобой погуляем. Пусть наши красавицы немного отдохнут.

Они ушли, а мы с мамой еще долго сидели обнявшись.

Укладываясь спать, я подумала, что вела себя глупо. Мама и папа любят меня, а что касается моих настоящих родителей, не знаю, стоит ли пытаться выяснять о них что-нибудь. Не уверена, что смогу простить своей настоящей матери, если

вдруг выяснится, что она сознательно отказалась от меня и живет преспокойненько где-то, даже не помня о моем существовании.

Впрочем, надеюсь, свой урок из сегодняшних событий я извлекла. Свернувшись в клубок и подмигнув старому верному зайцу, дружелюбно взирающему на меня с высоты шкафа, я закрыла глаза и буквально через минуту уже крепко спала.

Ловчий, две минуты спустя

Ловчий стоял, прислонившись к пыльной стене дома. Он никуда не спешил. Если разобраться, в его распоряжении была целая вечность. Девчонка никуда от него не денется, почему бы не подождать немного?..

Дверь клуба распахнулась, впуская новых посетителей, и изнутри до него докатилась волна людского шума и громкой музыки.

Ловчий непроизвольно поморщился.

— Раз, два, три, четыре, пять.
Вышла девочка гулять.
Тут охотник выбегает,
Прямо в девочку стреляет.
Что же будет — ой-ой-ой!
Не придет она домой, — пробормотал он.

— Эй, брат, закурить не найдется? — окликнул его какой-то пацан, едва стоявший на ногах после принятой дозы алкоголя.

Ловчий медленно поднял на него глаза.

— Извини, — сказал тот внезапно протрезвевшим голосом и поспешно ретировался.

Ловчий равнодушно посмотрел ему вслед, но тут из клуба вышел тот, кто его интересовал.

Молодой мужчина направился к припаркованному у дороги автомобилю. Ловчий последовал за ним, и, когда тот скрылся из виду торчавших у входа охранников, холодные руки опустились на его шею и сжали ее так, что он не смог издать ни единого звука.

Когда с мужчиной было покончено, Ловчий достал из его кармана ключи от машины, уложил в салон тело, сам сел за руль и отогнал автомобиль в ближайший темный переулок. Там он аккуратно раздел свою жертву и переоделся в ее одежду. Все было прекрасно.

Ловчий взглянул на себя в зеркало заднего вида и, ухмыльнувшись, привычным жестом коснулся своего любимого талисмана — небольшого серебряного крестика. Подержаться за него считалось у Ловчего хорошей приметой и сулило удачную охоту. Впрочем, неудачных охот у него не случалось уже давным-давно.

Теперь все было готово к выходу в свет. Запах и вид чужой одежды не нравился Ловчему, однако переодевание являлось частью его плана, и с этим нельзя было ничего поделать — вряд ли его повседневная одежда вызовет доверие у охранников.

Итак, полностью экипированный, он направился к входу в клуб.

— Простите, можно попросить вашу клубную карту? — обратился к нему один из секьюрити.

Ловчий достал из кармана и протянул ему требуемое. Охранник взял карту и принялся ее разглядывать, переводя взгляд с документа на гостя.

Ловчий был спокоен. Он знал, что этот человек, несмотря на всю его выучку, в случае чего даже не успеет закричать, однако оставлять за собой гору трупов ему не хотелось. Он очень не любил небрежную и неаккуратную работу.

— И давно вы состоите членом нашего клуба? — спросил охранник, изучив документ самым тщательным образом.

— А это имеет значение? — Ловчий взглянул мужчине в глаза, и с полминуты они стояли друг напротив друга, словно ведя безмолвный поединок.

— Вить, что-то не так? — спросил товарища напарник.

— Проходите, пожалуйста, извините за задержку, — ответил тем временем тот, открывая перед Ловчим дверь.

И шквал музыки вновь ударил в него взрывной волной.

Девушку он нашел сразу. Она сидела за столиком неподалеку от стойки и цедила из высокого коктейльного бокала нечто неестественное, ярко-голубое. Вместе с ней за столиком разместились две светловолосые девицы. Чуть подальше Ловчий заметил амбалов, ее охранников. Справиться с ними в случае необходимости ему не составит никакого труда.

Однако...

Смутное беспокойство не оставляло его.

Что-то здесь явно было не так. Что-то беспокоило его, словно докучливая осенняя муха.

Внезапно он понял: импульс силы, идущий от девушки, казался слишком слабым. Ориентируйся он исключительно на свою интуицию, он никогда бы не выбрал ее. И тут в голове его возник план. Даже если выяснится, что это не та девушка, ее можно будет использовать.

В любом случае отступать уже не имело смысла, он улыбнулся и шагнул к столику.

* * *

— Вау! Ты только погляди, какой чел на тебя пялится! Готова спорить: это любовь!

Она подняла хмурый взгляд от бокала. Настроение явно было не супер. Даже третий бокал любимой «Голубой стрелы» отнюдь не способствовал его улучшению.

На нее действительно в упор смотрел молодой человек.

Девушка мгновенно оценила его костюм — к чести владельца, не вызывающий ни тени сомнения в своей подлинности, прическу — нарочито небрежную, тем не менее подчеркивающую своеобразный шарм незнакомца, его решительное и породистое лицо.

Все это свидетельствовало в его пользу. Однако что-то ее смущало: то ли ироничный изгиб тонких губ, то ли упорный магнетический взгляд.

Она никогда не видела его в этом клубе прежде. Заметив ее интерес, незнакомец, должно быть, расценил его как приглашение и шагнул к их столику.

Девушка чуть заметно поморщилась: пусть и не рассчитывает на легкую победу. Однако почему бы не поморочить ему голову и не потешить за его счет жестоко ущемленное самолюбие?!

— Привет! — Он, не спрашивая разрешения, опустился на свободный стул. — Милые барышни скучают? Позвольте составить вам компанию.

Его нарочито старомодная речь весьма повеселила милых барышень — на счету каждой из них было уже не по одному коктейлю.

— Проблемы? — За спиной темноволосой возник один из амбалов и застыл, ожидая распоряжений.

Девушка нахмурилась.

Дурацкая идея тащить телохранителей с собой в клуб, однако ничего не попишешь: отец настоял.

— Свободен, — махнула она рукой, и амбал послушно удалился, продолжая следить за своей подопечной с некоторого расстояния.

Девушки захихикали.

— А как ты будешь нас развлекать? — кокетливо спросила незнакомца одна из них.

— Я загадаю вам три загадки, — ответил он.

— Ну, — девушка надула губки, — не думаю, что это весело.

— Напротив. — Незнакомец улыбнулся, сверкнув ослепительно-белыми зубами. — Будет очень весело. Сами увидите.

— Пусть загадывает, — бросила брюнетка, постукивая по краю бокала длинным ногтем, сверкнувшим разноцветными стразами.

— Для начала — что-нибудь легкое, — сказал он, — вот, к примеру, совсем детская загадка. Это открытая книга. В нее пишет каждый. Но не пером, не ручкой и даже, — он искоса взглянул на девушек, — не с помощью клавиатуры. И только знающий может ее прочесть.

— Это мода, — предположила одна из девиц.

— Почему? — спросил незнакомец.

— А потому, что мне так нравится. И, в конце концов, кто-то же вписывает в книгу моды все эти шмотки и сумочки. — Она кокетливо выставила в проход ножку, демонстрируя ее стройность, а заодно минимальную длину обтягивающего серебристого платья.

— Неправильно. — Незнакомец проигнорировал и то, и другое, глядя исключительно на брюнетку. — Верный ответ будет: лес. А вот еще. Между ними натянута прочная нить. Их связывает то, что прочнее любви. Они — два конца одного копья. Между ними — полет стрелы или блеск кинжала. Кто они?

— О! Да ты поэт! — засмеялась блондинка со вздернутым острым носом. — Вот мы, — она кивнула на брюнетку, — будущие филологи, а в жизни бы так заковыристо не сказали.

Молодой человек наклонился к столу и заглянул в глаза темноволосой девушке:

— У тебя будет ответ?

Она отпила из бокала. Эта игра оказалась совсем не в ее вкусе, к тому же незнакомец вовсе не производил впечатления кавалера, который будет восхищенно взирать на нее и сломя голову бросаться выполнять любые ее капризы. Он казался самоуверенным и очень опасным.

— Нет, не будет, — небрежно сказала она, — я выхожу из игры.

— А я — нет. — Его улыбка напоминала хищ-

ный волчий оскал. — И за проигрыш тебе придется расплатиться. Пойдем потанцуем. — Он встал и требовательно протянул к ней руку.

Брюнетка невольно подчинилась и вложила свою ладонь в его, вздрогнув, когда коснулась его холодных пальцев.

— Ой, а можно я расплачусь за нее?! Почему все хорошее — другим? — воскликнула остроносая блондинка.

Незнакомец взглянул на нее темными пронизывающими глазами:

— Я запомню. В другой раз — обязательно.

Темноволосая девушка чуть покачнулась на каблучках — джин, изрядное количество которого содержалось в коктейле, — штука коварная.

Они вышли на танцпол, и там, в мигающем разноцветном свете, Ловчий склонился к ее шее и поцеловал так, что обжигающая волна пронеслась по всему телу девушки. Боль, ужас, полет, эйфория — все это обрушилось на нее с такой силой, что сознание ускользнуло из ее тела, словно вылетевшая из клетки птичка.

— Посмотри, наша-то опять во все тяжкие пустилась, — сказал один телохранитель другому, кивая в сторону танцпола.

— Нда, — согласился тот. — А парень какой-то стремный. Чую, ее отец нам за него бошки-то живо открутит.

— А если вмешаемся, открутит она, — бросил неприязненный взгляд на подопечную его товарищ. — Так что двум смертям не бывать... Пусть развлекается.

Они не заметили, как девушка и ее партнер исчезли с танцпола, а когда хватились, было уже поздно: их подопечной в зале не оказалось.

— Где она? — спросил один из телохранителей оставшихся за столиком девушек.

— Отвали, это тебе платят за то, чтобы ты следил за ней, — ответила блондинка, небрежно закуривая.

Девицы пьяно захихикали.

...Она вернулась спустя пару часов, когда телохранители уже почти приняли нелегкое решение звонить боссу и приготовились к весьма неприятным последствиям. Крупный денежный штраф и увольнение «с волчьим билетом» — это еще не худший вариант.

Она появилась у входа в клуб. Одна. Как ни в чем не бывало. Только очень бледная, и глаза были... такие странные...

Телохранители переглянулись.

— Ну что глазеете?! Поехали! — Приблизившись к машине, девушка нетерпеливо забарабанила по дверце острыми ногтями.

С ней определенно что-то не так. Ноготь на указательном пальце был обломан, а на платье темнели брызги крови.

Разумеется, ни один из охранников ничего не сказал.

Себе дороже выйдет. Ну, накачалась девочка наркотой и разбила кому-нибудь нос. Проблемы барские.

Они должны доставить ее домой в целости и сохранности. И все. Слава богу, ответственность за ее воспитание лежит не на них.

Вскоре машина отъехала от клуба.

А Ловчий, так и оставшийся незамеченным, покинул свой наблюдательный пункт. План не потерпел краха. Он просто немножечко изменился.

Глава 4

Двум смертям не бывать — это уж точно.

За короткое время моя жизнь изменилась до неузнаваемости. И, кто знает, пережила бы я каждый из сюрпризов по отдельности. А тут, когда они свалились все вместе, глядите, я живу. Реальность пошатнулась — ничего. Мой возлюбленный оказался вампиром — и это примем. Моя одноклассница подсылает ребят, чтобы те меня изувечили, — а что, ничего особенного. Мои родители — вовсе не мои родители, и кто я, только богу известно. Узнай я завтра, что на самом деле я рождена в какой-нибудь далекой галактике и заброшена сюда ради ответственной миссии, скажем, вызнать у землян секрет их неподражаемого чувства юмора — и это уже ничуть бы меня не удивило.

В общем, я пережила все. Даже первый урок карате. Хотя нельзя сказать, что целой и невредимой. Все началось довольно безобидно. Медитация, когда нужно ощутить связь с землей и миром (я, честное слово, очень старалась), поклон учителю и залу. Затем шла разминка, напомнившая мне урок физкультуры. Бег, прыжки, наклоны, отжимания... Ладно, с отжиманиями у меня далеко не все в порядке, и, честно сказать, обидно видеть, когда малолетки явно гораздо младше меня по возрасту, спокойно делают по двадцать, а то и тридцать отжиманий, а для меня каждое после пятого — мучительнейшая из пыток. Но все это ничего. Главную «изюминку» я оценила позже. Когда учитель, встав со мной в пару, просто и методично... избил меня. Ставить блоки от ударов, как другие ребята, я не могла. Потому что не умела. А еще потому, что тренер был похож на ветряную мельницу. Руки и ноги его двигались так быстро, что я едва успевала это отслеживать.

— Не можешь защищаться, бей, — сказал он мне.

Не знаю, насколько это педагогично. К тому же я никак не могла ударить человека. Вот просто так взять и ударить. Под конец я стала чувствовать себя боксерской грушей и ужасно разозлилась: и ради этого стоило сюда приходить?! Кажется, я сама сделала Виоле подарок. Ей хотелось, чтобы меня избили? И вот, пожалуйста!

Но вдруг откуда-то из глубины поднялась волна злости. Даже не на тренера — скорее на себя. И я ударила. Тупо ударила кулаком в его корпус. И, что самое странное, попала. Наверное, я произвела на него впечатление неисправимой рохли. А может, он сознательно пропустил удар. В общем, я даже сама испугалась, а он прекратил спарринг (вернее, избиение), поклонился мне и сказал, что на сегодня тренировка почти закончена.

Она и вправду была почти закончена, потому что остались «сущие мелочи» — еще двадцать отжиманий и десять минут заминки.

Из зала я вышла еле живая. А сегодня утром едва поднялась с кровати. Все мышцы в моем не-

счастном теле ныли, а на плечах и ногах, чуть выше коленок, красовались огромные синяки.

«Как хорошо, что сейчас не лето», — подумала я, разглядывая себя в зеркале. И вправду, что бы обо мне подумали, покажись я в таком виде на люди. А завтра — новое занятие. Идти или не идти на него — вопрос для меня не стоял, хотя я заранее поморщилась, представляя, как это больно, когда попадают по еще не зажившему синяку. Когда-то в детстве мне случилось набить таким образом хорошую шишку. Ощущение не из приятных.

Однако я, ковыляя, как инвалид, все же выгуляла нетерпеливого Джима, попутно отметив присутствие громилы с собакой, проведала Мерлина, налив ему в блюдце свежей воды. Голубенок уже вовсю пробовал свои едва окрепшие крылышки.

— Мы с тобой похожи, — сказала я ему, погладив пальцем по взъерошенной голове, — и ты, и я живем в чужом гнезде, и оба должны рассчитывать только на свои крылья.

Мерлин легко клюнул меня в палец, должно быть, выражая этим полное согласие.

У папы... я все-таки не могу называть его иначе... сегодня была какая-то важная встреча, и я сама добралась до остановки автобуса.

Потом была школа. Артур, встретивший меня на крыльце, веселая болтовня подскочившей к нам Вики и хмурый взгляд прошедшего мимо Димки.

Последней в классе появилась Виола. Сегодня она была на удивление замкнута и молчалива. Даже ее верный фан-клуб не смог ее растормошить. Проходя мимо них, я слышала, как Натали расспрашивает ее о каком-то брюнете.

На уроках Виола тоже была рассеяна. Она невпопад отвечала на вопросы, и учителя вскоре оставили ее в покое. Я заметила, что она нервничает, и иногда ловила на себе ее взгляд. Очень странный взгляд, какой-то напряженный и жадный. Впрочем, замечая, что я смотрю на нее, она тут же поспешно отводила глаза и отворачивалась.

Мне кажется, то обстоятельство, что Артур стал встречаться со мной, серьезно задело Виолу. Она была благодарна ему за спасение, а еще, похоже, впервые действительно испытывала к нему самые искренние чувства, и тут... я. Если посмотреть на меня ее глазами — обычная серая мышка и зарвавшаяся неудачница. Моя злость на Виолу прошла, и мне снова стало ее жалко.

В остальном все шло своим чередом, и я не могла вообразить, какое испытание ждет меня впереди.

В конце большой перемены я отправилась в туалет, чтобы привести себя в порядок. Я открыла дверь и... замерла на пороге.

Ничего подобного мне не снилось даже в самом страшном из моих кошмаров. Все помещение оказалось забрызгано кровью. Кровь была везде — и на огромных зеркалах, и на начищенных нежно-розовых раковинах, и на бежевой плитке, покрывавшей пол. Тяжелый солоноватый запах ударил мне в ноздри, вызывая непроизвольные позывы к рвоте. Но это еще не все. Прямо передо мной на полу лежала Натали, глядя в потолок остекленевшими глазами. Ее горло было разорвано. И оттуда торчало что-то такое... бело-розовое.

Меня отчаянно замутило, и я, согнувшись, сжала руками рот.

Даже не знаю, как меня не вырвало.

Словно во сне, я шагнула за дверь и тяжело оперлась на нее спиной.

— Эй, Светлова, посторонись. Тебе что, плохо? — услышала я чей-то голос.

С трудом подняв голову, я узнала Кристину из десятого «а».

Мысли вихрем пронеслись в моей голове. Подвал. Носовое кровотечение. Исповедь Артура. Промелькнувший у входа силуэт Натали...

Нет, этого просто не может быть! Я отказываюсь в это верить! Он не мог! Не мог!

— Ну определяйся же, Светлова! Если тебе туда не надо, дай пройти другим, — сказала Кристина, глядя на меня, как на ненормальную.

Наверное, я и была ненормальной, потому что попыталась улыбнуться.

— Понимаешь, — пробормотала я, — там... трубу прорвало, и уборщица просила меня покараулить, пока она сантехника вызовет.

— И что? — не поняла Кристина.

— Н-не советую туда входить. Там такое... дерьмо...

Кристина уставилась на меня. Я сама была шокирована тем, что произнесла это слово, однако оно наиболее точно отражает текущую ситуацию. А еще я удивлялась собственному хладнокровию, впрочем, мне казалось, будто все это происходит не со мной. Эта мысль — мое любимое убежище. Подумаешь «это не я», и вроде бы становится легче.

— Фу! — Кристина сморщила свой хорошенький носик и, повернувшись, собралась уходить.

И тут мне в голову пришла еще одна идея.

— Погоди, — окликнула я ее, — а ты не принесешь мне какой-нибудь листок бумаги и ручку? Я объявление напишу, чтобы не дежурить, как Цербер.

Она хотела что-то сказать, но удержалась и только кивнула. А через пару минут вернулась с листом бумаги и ручкой.

«Закрыто по техническим причинам. Пользуйтесь, пожалуйста, туалетом на первом этаже», — аккуратно вывела я, удивляясь собственному самообладанию.

На самом же деле в моей душе царил полный раздрай. Что происходит? «А вдруг мне только померещилось, и на самом деле Натали жива — и я увижу ее сейчас в коридоре. Вот смеху-то...» — мелькнула в голове мысль, но в то же время я ясно осознавала, что ничего хорошо уже не будет.

Мне нужно срочно поговорить с Артуром! Пусть он мне объяснит, что здесь происходит!

Я набрала его номер и выслушала длинные гудки, так и оставшиеся без ответа. Уже начинался урок, а я стояла у дверей туалета, на которых белела повешенная мною табличка, и ждала чего-то. Наверное, чуда.

Чуда не случилось, однако в моей голове наконец появилась идея, что же мне делать дальше.

Сожалея о том, что я не могу закрыть на ключ дверь туалета, но все же надеясь, что с началом

урока туда уже никто не сунется, я пошла на первый этаж к охранникам.

Кажется, мой голос был совершенно спокоен, когда я сказала им про то, что в женском туалете на этаже старшей школы находится труп моей одноклассницы Натальи Коротковой.

Через час всех учеников отправили по домам. Чтобы избежать паники, в качестве официальной версии было объявлено об аварии. Директриса похвалила меня за то, что я сумела сохранить самообладание и не разнесла по школе слух о происшествии.

Пока мы ждали прибытия милиции, я пыталась дозвониться Артуру. Разумеется, тщетно. Он пропал, как в воду канул. Мое беспокойство нарастало с каждой минутой. Кто еще мог убить Натали, если не он? Или это тот маньяк, о котором нам говорили? Пробрался в школу, затаился в женском туалете — и убил ее. А Артур здесь совершенно ни при чем. Он просто отлучился по своим делам... Или нет — он застал убийцу на месте преступления и теперь гоняется за ним по всему городу.

Картина вырисовывалась бредовая. Я надела наушники и включила плеер — лишь бы отвлечься. Сидела на диване и тупо пялилась в стену. Чудодейственное средство не помогло, и мысли вновь и вновь возвращались к сегодняшним событиям.

У Натали разорвано горло. Это могло сделать либо животное (я так и представила себе собаку Баскервилей, носящуюся по коридорам нашей школы), либо некто, обладающий клыками. Вампир, если называть вещи своими именами. Если допустить, что в школе, кроме Артура, есть еще один вампир, можно окончательно сойти с ума. Получится как в том жутком фильме, где все люди превратились в вампиров, и остался только один-единственный живой человек[1].

Мне так и представилась милая картина: я забаррикадировалась в квартире, а в двери и окна ломятся целые полчища вампиров.

Кто-то дотронулся до моего плеча, и я невольно вздрогнула.

Нет, разумеется, это были не жаждущие моей молодой крови вампиры, а всего лишь наша классная.

Я сняла наушники и вопросительно посмотрела на нее.

— Полина, пойдем, с тобой хочет побеседовать начальник оперативной группы, — сказала она.

Делать нечего. Пришлось идти за ней и рассказывать, как я обнаружила тело.

Ответив на многочисленные вопросы, я не выдержала и задала свой: отчего умерла Натали?

Начальник опергруппы внимательно посмотрел на меня и ответил, что не может пока ответить на мой вопрос, однако, похоже, ей перегрызло горло крупное хищное животное.

Я кивнула. В это время приехал мой отец, которого вызвали по телефону, чтобы он забрал меня домой.

---

[1] Фильм «Я — легенда» по одноименному роману Ричарда Мэтсона.

Оперативник записал мои данные и контактные телефоны, и на этом беседа завершилась.

— Что случилось в школе? — спросил отец, когда я села в машину.

Я вкратце рассказала — что скрывать, если меня еще вызовут для дачи показаний. Имя Артура я, как и прежде, даже не упомянула. Несмотря на всю очевидность и безжалостность фактов, я продолжала верить в то, что это не мог быть он. Наверняка его исчезновение обусловлено какими-то неизвестными мне обстоятельствами. Мне остается только дождаться его появления, и он все объяснит. Я верила ему, потому что усомниться в нем — то же самое, что усомниться в себе.

Я ждала Артура, а поэтому, несмотря на все уговоры матери, сама отправилась гулять с Джимом. Правда, погуляли мы недолго. Наверное, у него сегодня было не очень гуляльное настроение. Он все время жался к моим ногам и, быстро сделав свои дела, метнулся обратно к подъезду. Я заметила, что хвост у него поджат.

— Ну ты и трус, — упрекнула я его, — чего ты боишься? Такой большой, а трусливый. Давай еще погуляем.

Я потянула за поводок, но Джим скулил и упирался всеми четырьмя лапами. Наверное, дело в погоде. Небо затянуто серой дымкой, и на нем невозможно отыскать ни единой звездочки.

— Ладно, пошли домой, — в конце концов я смирилась и открыла дверь в подъезд.

Джим рванул туда, будто за ним гналась дюжина чертей.

Артур так и не позвонил, и его телефон упорно не отвечал, сколько я ни набирала заветный номер. Я немного побродила по комнате и легла на диван.

На часах была полночь, и меня ожидала очередная бессонная ночь.

Ловчий, минуту спустя

Нагнувшись, чтобы пройти через низкий дверной свод, Ловчий вошел в подвал. Сегодня он подобрался к добыче совсем близко. Охота подходила к концу, и жертва, похоже, тоже это чувствовала.

Тут взгляд его остановился на стройной девушке, прислонившейся к грязной стене подвала и следящей за ним с тревогой и любопытством.

Ловчий раздраженно поморщился. Проще всего было бы немедленно ее уничтожить. Останавливало только одно: она еще могла ему пригодиться. Однако оставлять ее проступок без наказания тоже нельзя. Она почти сорвала все его планы и, ко всему прочему, чуть не разоблачила его.

Теперь ТЕ наверняка насторожатся и обязательно примут меры. А значит, придется действовать быстрее.

Стоявшую перед ним девушку била крупная дрожь. При тусклом подвальном освещении она выглядела откровенно жалко. Спутанные волосы, осунувшееся лицо с лихорадочно блестящими глазами, размазанная косметика. Разве так она выглядела, когда он встретил ее впервые?! Разве можно узнать в этом жалком существе блестящую

ухоженную красавицу, которой она была еще недавно?!

— Ты нарушила мой запрет и будешь наказана, — холодно произнес Ловчий.

Девушка тихонько завыла. Он ясно слышал, как стучат от страха ее зубы.

— Н-не наказывай меня! Я б-больше не буду! — пробормотала она, молитвенно простирая к нему тонкие руки.

Ему стало смешно. Давно ли она чувствовала себя хозяйкой жизни и вот теперь упала в самую бездну. Хотя на деле путь в ад только начинается. Он-то прекрасно знал, что самые тяжелые испытания ждут ее впереди.

— Так ты больше не будешь? — ехидно поинтересовался он. — А о чем ты думала, когда преступала мой запрет? Ты что, забыла, что велел тебе я — твой хозяин?

С этими словами он намотал на руку прядь тускло блеснувших тяжелых волос и дернул ее вниз так резко, что девушка оказалась на полу, на коленях.

— П-прости, хозяин! Я... я забылась...

— Вот именно: забылась. Ты была плохой, избалованной девчонкой. Но теперь с этим навсегда покончено. Я сам воспитаю тебя. Ты уже не вернешься в свой старый дом. Ты сама отрезала себе путь к отступлению, и отныне он для тебя закрыт. Будешь жить здесь. И еще: на сегодня ты останешься без пищи, но станешь смотреть, как ем я. И чтобы без единого звука! Это научит тебя терпению.

Девушка сглотнула, но тут же с готовностью закивала.

— И помни, — продолжал Ловчий, — один звук, одно неверное движение — и я тебя убью. Ты теперь никто! Накрепко вбей это в свою пустую голову! Не думай, что ты нужна мне. Если понадобится, я легко найду тебе замену.

Из глаз девушки потекли слезы, оставляя на лице тонкие дорожки от потекшей с ресниц туши. Она еще не забыла о том, как это плакать.

— Да, хозяин, — прошептала она, наклоняя голову и пытаясь припасть губами к руке Ловчего.

— Вставай. — Он брезгливо отдернул руку. — Если будешь себя хорошо вести, твоя судьба еще может измениться к лучшему. Но второй ошибки я тебе не прощу.

Девушка поднялась на ноги и поспешила забиться в угол, чтобы лишний раз не попадаться на глаза грозному хозяину.

А Ловчий, насвистывая, поправил воротник своей неизменной кожаной куртки и направился к ступенькам, ведущим наружу.

— Скоро вернусь. Жди меня здесь, — небрежно сказал он девушке.

И дверь подвала захлопнулась за его спиной.

Глава 5

На следующий день занятия в школе отменили. Артур по-прежнему не отвечал на звонки. И я, чтобы не сойти с ума от беспокойства, решила себя чем-нибудь занять. За утро я выучила двадцать

новых французских слов и села за задачки по алгебре, но тут зазвонил телефон.

Нет, это был не Артур. На него у меня стоит совсем другая мелодия. Это оказался Димка.

— Привет, — сказал он. Его голос звучал несколько натянуто. — Извини, что беспокою, мне надо с тобой поговорить.

Он, как всегда, был краток, и мы договорились встретиться через час в небольшом кафе неподалеку от моего дома. Раньше — теперь мне кажется, что это было несколько жизней назад, — мы с Димкой часто там сидели. Я вспоминала об этом с тихой грустью. Нет, вовсе не потому, что сожалела об ушедшем — просто вдруг осознала, как далеко то время и сколь сильно я изменилась с тех пор.

Я надела джинсы, темно-синий свитер с высоким горлом и, заглянув в комнату, где работала мама, сказала, что мне нужно ненадолго уйти.

— Куда? — спросила мама с беспокойством. После вчерашнего случая ей явно не хотелось выпускать меня из дома, и я ее понимала.

— Я недалеко, — объяснила я, — мы с Димкой договорились встретиться в кафе «Шоколад».

Услышав про Димку, она сразу успокоилась, но взяла с меня обещание, что я ни с кем и ни при каких обстоятельствах не пойду ни в какое подозрительное место и вообще буду на всякий случай держаться на людях.

Я надела куртку, высокие ботинки и вышла из дома. Холодный октябрьский ветер бросал мне под ноги сорванные с деревьев листья. Прямо на глазах золотая праздничная осень превращалась в серую, скудную, будто разряженную в пух и прах даму сменила неприметная нищенка. Лето осталось в прошлом, а впереди ждала суровая мрачная зима. Так ли случится и с моей жизнью? Я не знала, но надеялась, что смогу вынести все удары судьбы.

До кафе было идти всего десять минут. Я вошла туда, разрумянившаяся от ветра, и сразу же увидела Фролова. Он сидел за дальним столиком в углу и смотрел на меня. Столик, который мы всегда занимали раньше, в беззаботные времена, был пуст. Я поняла почему и приняла это.

И вдруг ясно представила себе, что случилось бы, не появись вдруг Артур и прими я ухаживания Димки.

Все в моей жизни было бы гладко и правильно. Он водил бы меня в кафе и кино, подносил сумку, покупал мороженое, был бы внимателен и ласков и, конечно, заботился бы обо мне. Димка — парень серьезный, поэтому где-нибудь через год или два, на втором-третьем курсе института, мы бы поженились. У нас была бы правильная свадьба. Невеста в белом, жених в черном, гости и родственники и какая-нибудь посудомоечная машина в подарок.

В моей жизни были бы теплота и забота, но никогда бы не было той искры, того огня, что бушевал сейчас в моей груди. Если бы я не знала, как оно бывает, я бы приняла ту спокойную судьбу. Но теперь она показалась мне жалкой. Пусть огонь и причиняет боль, но я живу, я чувствую. Я настоящая!

— Привет, — сказала я, садясь напротив Димки и глядя ему прямо в глаза.

Еще день назад я бы смутилась и виновато отвела взгляд, но теперь и это прошло. Я была в своем праве. И Димка отвел глаза сам.

— Ты изменилась, Полина. — Он смотрел в свою чашку кофе, будто на ее дне таилось мое истинное отражение.

Я кивнула. Все было слишком очевидно, чтобы произносить это вслух.

Бойкая кудрявая официантка остановилась у нашего столика, протягивая мне кожаную папку. Я, наверное, знала это меню наизусть, поэтому не взяла его, а попросила принести их фирменный горячий шоколад и большой стакан холодной воды.

Она ушла, и мы с Фроловым вновь оказались один на один.

— Ты хотел поговорить, — напомнила я.

— Нам вчера позвонила мать Натали, — сразу же сказал он.

Я ожидала чего-то подобного, но все равно напряглась. В тот момент мне показалось, что меня коснулся порыв холодного ветра.

Я молчала.

— Она была в истерике и рассказала, что случилось с ее дочерью. Эта информация еще не распространилась по школе, но ты же обо всем знаешь. — Димка взглянул на меня. Он не спрашивал, он утверждал.

Я спокойно выдержала его взгляд и кивнула:

— Да, знаю.

— Я видел тебя вчера у туалета с дурацкой табличкой. Это ты нашла... ее?

— Я.

— И у тебя хватило духа закрыть за собой дверь и соврать про аварию? Зачем ты это сделала? — Димка чуть наклонил голову и смотрел на меня исподлобья.

— А разве было бы лучше заорать и поднять панику? — спросила я.

— Во всяком случае, было бы естественнее. Что с тобой происходит? Что случилось, Полина? Это же он виноват?

— Кто он? — машинально переспросила я.

— Ты знаешь, о ком я. Он виноват в том, что ты стала другой, ведь правда?

Я невольно вздохнула. Сначала мне показалось, что Димка спрашивает, не виновен ли Артур в смерти Натали.

— Мы все меняемся, и далеко не всегда эти изменения — к худшему, — ответила я увереннее.

— Кто он, Полина? Ты сама-то знаешь, кто он? — Димка положил ладонь на мою, и я невольно вздрогнула от жара его руки. За последнее время я так привыкла к прикосновению других пальцев...

— Почему ты считаешь, что он не такой, как все? — задала я ответный вопрос, но тут же сама почувствовала, что сфальшивила.

Фролов покачал головой:

— Я наблюдал за ним. Он очень странный. Поклянись мне, что он никак не замешан в смерти Натали.

— Это нечестно! — вскрикнула я так громко, что на нас обернулись. — Это нечестно, — сказала я чуть тише. — Я, как и ты, не знаю, отчего по-

гибла Натали. Поэтому ты не имеешь права требовать от меня никаких клятв и впутывать в это Артура!

Официантка безмолвно поставила передо мной мой заказ. Я зачерпнула ложкой темную тягучую жидкость и тут же снова вылила ее в чашку. На меня накатила тошнота, так как я снова вспомнила пятна крови на кафельном полу, и разорванное горло Натали, и лужицу густой крови, скопившуюся у ее шеи.

Господи, я же больше никогда не смогу есть этот шоколад!

— А ты сама себе веришь, Полина? Иногда мне кажется, что он просто заколдовал всех!

Чушь и чепуха. Кто-то сказал, что не бывает любви без веры. И я верила Артуру — потому что в его любви и был сейчас заключен для меня весь мир. И этот мир обрушится в бездну, если Артур когда-нибудь меня предаст. Кем бы он ни был, я все равно люблю его. Наши сердца уже неразрывно связаны прочными нитями. И грош им цена, если их порвет первый же порыв осеннего ветра.

— Я верю себе и верю Артуру, — ответила я, отставив в сторону бесполезный стакан.

— Ладно, я понял. — Димка выдавил из себя слабую улыбку. — Надеюсь, все именно так. Но, если что, все-таки помни: у тебя есть друг.

Он вытащил из кармана деньги, положил их на стол и, не произнеся больше ни слова, вышел из кафе.

Я посмотрела ему вслед, на его чуть ссутулившуюся спину в темно-синей куртке и одним глотком выпила ледяную воду.

А вечером я отправилась на занятия по карате. Кажется, учитель не ожидал увидеть меня снова, но он ничего не сказал и только отвернулся.

Когда я переодевалась, ко мне подошла девчонка, уже некоторое время занимающаяся в той же группе. Она была младше меня, но несколько плотнее — не за счет жира, а за счет мышц — именно этого мне и не хватало.

— Не переживай, — сказала она, — каждый из нас прошел такую проверку.

Я недоуменно взглянула на нее.

— Ну, готова ли ты к испытаниям и будешь ли действительно ходить. Если ты пришла просто так — например, из любопытства или ради моды, — то после проверки тут же уйдешь. Так лишние люди и отсеиваются. Понятно?

Я кивнула.

— А еще... Тебе же трудно ударить человека? — снова спросила она.

— Я поняла, — обрадовалась я, — на прошлом уроке тренер специально вынуждал меня ударить его, ведь так?

— Ну да, учитель показал тебе, как сломать в твоем сознании один из блоков. Ты молодец. Оставайся с нами, думаю, у тебя получится.

— Спасибо! — Я улыбнулась. — А скажи... сегодня тоже...

Не зная, как продолжить фразу, я замолчала, но девочка поняла меня:

— Нет, тебя никто сегодня бить не будет. Начнешь отрабатывать удары и, главное, стойку. Однако, если займешься карате всерьез, синяков тебе не избежать!

— Ничего не поделать! — легко согласилась я. — Кстати, меня зовут Полина. А тебя?

— Аня, — представилась девчонка, — переодевайся быстрее, а то опоздаем.

Мы переоделись и вошли в зал.

Урок начался.

Медитация, поклоны, разминка...

Идя домой, я едва волочила ноги от усталости.

Но ничего, пять минут под душем — и я снова почти как новенькая. Только позволь себе небольшую слабость — и лень начнет самовластно управлять тобой.

Нажав кнопку вызова, я выслушала голос автоответчика, сообщивший мне, что абонент — то есть Артур — отключен или находится вне зоны действия сети. Мне оставалось только запастись терпением и ждать.

«Если Артур не позвонил до сих пор, значит, так надо», — сказала я себе и, позвав Джима, стала собираться на прогулку.

Ловчий, в это же время

Раз, два, три, четыре, пять —
Я начну мышей считать...

— пробормотал Ловчий, оглядывая двор с крыши высотки.

Врагов было всего пятеро. Двое дежурных снайперов на крыше, машина, где сидят один человек из слуг и один вампир, ну и еще один, тоже человек, с собакой, ходит по периметру двора. Маловато. Могли бы проявить к нему большее уважение.

Машина представляла собой передвижной командный пункт, поэтому операцию нужно провести очень быстро и четко, чтобы там не успели среагировать и предупредить других.

Прежде всего — снайперы.

Ловчий покинул свой наблюдательный пункт и, словно тень, приблизился к тому месту на краю крыши, где занял позицию один из снайперов.

— Все спокойно, — доложил тот по рации.

Вот и прекрасно. В следующий раз стрелок выходит на связь через пять минут, а значит, у Ловчего просто уйма времени.

Всего один короткий рывок — и он, неожиданно вынырнув из-за спины человека, четким спокойным движением переломил крепкую мужскую шею, словно хрупкую спичку.

Раз — мышонок самый белый, —

начал отсчет Ловчий.

Два — мышонок самый смелый, —

продолжил он, расправившись со вторым снайпером.

Начало получилось достойное. Теперь — вниз и за дело.

Того, кто обходил территорию, можно было оставить на закуску. Прежде нужно срочно решить вопрос с командующим, пока он не начал беспокоиться и не вызвал подкрепление. Нет, Ловчий не боялся, просто он не хотел рисковать без надобности.

К машине он полз буквально на брюхе. Ни одного лишнего движения — ни малейшего шума. Натренированное сильное тело служило исправ-

но. Он остался собой доволен: даже опытный вампир из тех, потерявших чутье и остроту слуха, — просто не мог его засечь.

Определить, где сидит человек, не составило труда. Сложнее было с вампиром — он не издавал ни звука, и нельзя недооценивать его опыт. Судя по всему, он серьезный противник. Значит, нужно нейтрализовать человека, после чего вплотную заняться им. Ловчий вытащил из внутреннего кармана куртки припасенный баллончик с газом. Теперь следовало действовать мгновенно. Он, на удачу, прикоснулся к своему амулету и приступил ко второй части операции.

Разбить пуленепробиваемое стекло было тяжеловато даже для него. Однако возможно. Подобрав с земли подходящий остроугольный камень, Ловчий изо всей силы ударил по стеклу, одновременно выпуская в салон весь запас газа. И тут же, отбросив, баллончик, вцепился в горло вампиру. Чутье не подвело Ловчего. Враг находился именно там, где ему и следовало быть.

На мгновение руки обожгло огнем. Ох и не любил он их мудреные штучки! Клыки и когти куда честнее! Ломать шею противнику было сложно. Тот оказался опытным и к тому же успел поставить ментальный блок. Пришлось взламывать его, словно продираясь сквозь тягучий густой воздух. Чужая воля против его собственной силы и упорства — кто победит?.. Мышцы на руках Ловчего чудовищно напряглись, еще немного — и они лопнут, но тут враг дал слабину. Тихий хруст — и с ним покончено.

Три — мышонок самый шумный
И четыре — самый умный, —

продолжал считать Ловчий, методично добивая лежащего без сознания человека и укладывая его рядом с окончательно теперь мертвым вампиром.

— Дом обошел, все спокойно, — послышался голос из рации.

А вот и последний. Добро пожаловать в наш стишок. Не каждому выпала честь послужить творческим материалом.

— Сюда, живо, — прошипел Ловчий в рацию и спокойно принялся осматривать машину. Так, пистолет с глушителем. Прекрасно. Теперь остались сущие пустяки — два выстрела — первый в собаку, второй — в человека.

Пятый — в общем, молодец,
Но считалочке конец, —

подытожил Ловчий, когда операция была завершена.

— В следующий раз пришлют кого-нибудь посильнее, — добавил он после короткого осмотра будущей сцены действия. — Первое впечатление — самое важное при знакомстве.

* * *

— Не забудь газовый пистолет! — напомнила мне мама. — Погоди, может, папе пойти с тобой?

Допустить это — значит уменьшить и без того призрачные шансы на сегодняшнюю встречу с Артуром.

— Что ты, мама, — я разыграла искреннее недоумение, — зачем тревожить отца, когда он и без того устал на работе? А у меня есть газовый пистолет, и к тому же я не буду уходить далеко. Сама

подумай, и Виола, и Наташа — дочери богатых родителей. Поэтому их пытались... убить. Надеюсь, папа еще не завел врагов и конкурентов такого уровня?

— Да, — кивнула мама, — вот так порадуешься, что мы не в большом бизнесе. Но все равно будь, пожалуйста, осторожнее!

Она поцеловала меня в щеку, и я, ощупав в кармане пистолет и серебряный нож, повела Джима на улицу.

Когда мы вышли из подъезда, на улице было уже совсем темно. Ближайшие к дому фонари оказались разбиты, и страх липкими щупальцами коснулся моего сердца.

Громилы с собакой на площадке не было. Интересно, к чему бы это...

Джим разделял мои опасения. Он приглушенно рычал, как и вчера, поджимая хвост и уши.

— Ладно, похоже, Артур сегодня не появится, — сказала я вслух, желая немного взбодриться. — Давай, Джим, делай свои дела — и пойдем.

Ловчий, в это же время

Он стоял напротив подъезда и смотрел на нее.

Тоненькая девочка с большой собакой на поводке...

Его цель.

Его жертва.

Та, которая предназначена ему.

Та, которая станет подарком его королеве.

Они шли друг к другу слишком долго, но вот наконец встретились. На половине пути. В полутемном московском дворике. В час, когда у нее не осталось ни единого шанса.

Уже второй раз. Он спас ее тогда, как оказалось, только для этой встречи.

Ему было немного грустно заканчивать игру. Но время и вправду пришло. К тому же собака забеспокоилась, почуяв врага.

— Пора, — сказал себе Ловчий и мягкой походкой охотящегося хищника двинулся к девочке.

Глава 6

— Ну вот мы и встретились снова, — сказал он, появившись передо мной.

Он словно возник из ночи — черноволосый молодой человек в тяжелой рокерской куртке, с изогнутым в ироничной усмешке тонкогубым породистым ртом. Каждая частичка его поджарого тела так и источала опасность.

Я неподвижно стояла посреди улицы, потому что узнала его. Это был тот парень, который спас меня от хулиганов, и в то же время тот самый, что уже приходил ко мне во сне. Теперь он вернулся за мной. Круг замкнулся, и мир вокруг стал плоским и черно-белым. Ну, здравствуй, страна кошмаров!

— Я вижу, ты меня узнала, — усмехнулся он, — ты способная девочка.

Я в ужасе смотрела на него. Мне нужно было бежать, но ноги отказывались слушаться. Кажется, сейчас я не смогла бы ступить ни шагу — даже под дулом пистолета.

— Ну что же ты такая вялая? — спросил он. — Ой, простите, барышня, забыл отрекомендовать-

ся. К сожалению, наших общих знакомых нет поблизости, поэтому позвольте представиться самому. Королевский Ловчий. Можете называть меня просто Ловчим. В конце концов, какие могут быть между нами формальности?..

Лично я бы предпочла, чтобы кроме формальностей между нами было еще расстояние в несколько тысяч километров, толстые бетонные стены и любые другие преграды, способные его остановить. Однако сомневаюсь, что этот вариант показался бы ему привлекательным.

Привычная ирония немного привела меня в чувство, и я поняла, что Джим с глухим рычанием уже давно пытается оттащить меня прочь, дергая за штаны. Ему явно страшно, но он не уходит.

— Да у тебя храбрая собака! — сказал Ловчий. — Настоящий преданный четвероногий друг. Хочешь, заключим пари: сколько секунд он продержится против меня? Кстати, не кажется ли тебе, что слово «преданный» имеет несколько значений?..

— Вы всегда оттачиваете свое остроумие на жертвах? — поинтересовалась я, снова обретя возможность говорить. — Если кто-то говорил вам, что вы шутите смешно, он явно льстил вам из страха.

Я ляпнула это и сама испугалась, но тут же успокоилась: он все равно собирается убить меня, а значит, можно уже ни о чем и не беспокоиться.

— Ну зачем же на «вы», — сказал Ловчий обиженно, — повторюсь: формальности между нами неуместны. Впрочем, можешь пока обращаться ко мне так. Нам еще только предстоит познакомиться поближе.

Надо потянуть время. Улица не может оставаться пустой. Вдруг повезет, и кто-нибудь мне поможет... Но, как назло, сколько я ни напрягала глаза, прохожих вокруг не было.

— Вы говорили, что у нас есть общие знакомые. Интересно, кто? — спросила я и замерла.

Больше всего я боялась услышать имя... Имя, которое не выходило из моей головы уже долгое время...

— Ну, хотя бы Владлен. Ты помнишь Владлена?

Я с облегчением вздохнула.

— Кстати, — продолжил Ловчий, — тебе не кажется, что врать — нехорошо. Зачем ты назвалась ему чужим именем?

— Я тоже пошутила, — отвечала я, лихорадочно пытаясь найти какой-нибудь выход.

Леденящий ужас сковал мое тело. Выхода не было. Неужели это все? Все умения враз оказались бесполезными перед лицом смерти, глядящей мне в глаза равнодушным и неумолимым взором. Помощь! Мне необходима помощь! Если бы только Артур был здесь! «Приди! Ты нужен! Очень мне нужен!» — мысленно взмолилась я.

— Скажите, — произносили тем временем мои губы, — это вы убили Натали?..

Ловчий чуть заметно скривился, и я поняла, что эта тема ему почему-то неприятна.

— Нет, не я, — отрезал он, — и вообще, тебе не кажется, что ты слишком любопытна, в то время когда от смерти тебя отделяет всего лишь мгновенье?

— А когда мне проявлять любопытство, как

не сейчас? Тем более если у меня и вправду в запасе так мало времени? — выпалила я.

Ловчий посмотрел на меня с задумчивым интересом:

— А ты начинаешь мне нравиться... Кстати, ты любишь стихи?

Мы так и стояли посреди улицы, у разбитого фонаря. Я и моя смерть, облаченная в тяжелую рокерскую куртку. Но я буду драться столько, сколько смогу, и не подставлю, как глупая овечка, ему свое горло.

— Почитать? — спросила я, удивляясь собственной наглости.

Артур! Ну где же ты?!

Ловчий чуть приподнял одну бровь, что я тут же истолковала как знак согласия.

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?
Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,
Здесь на нее похожих нет...

— прочла я начало стихотворения Арсения Тарковского.

Казалось, ничего не может быть нелепее: полутемный двор, словно колодец, со стенами из зданий-высоток, пронизывающий осенний ветер, почти сошедший с ума от страха Джим, моя собственная смерть всего в полушаге от меня — и эти стихи.

— Достаточно, — остановил меня Ловчий, и я замолчала. — А ты действительно забавна. Жаль, что у меня так мало времени...

Он схватил меня за куртку, и тут на него накинулся Джим. Забыв о страхе, он с рычанием бросился на Ловчего, подарив мне бесценное мгновение.

Не знаю, каким чудом я вывернулась из куртки и побежала, громко крича о помощи. Позади слышались звуки борьбы. Грозное рычание Джима и проклятья Ловчего. Я бежала со всех ног, но тут в спину мне ударил пронзительный собачий визг.

Мой верный друг погиб, спасая меня.

По моим щекам текли слезы, но я не обращала на них внимания. Кажется, тогда я даже не замечала их. Я нагнулась и набрала в ладонь одной руки песок и толченый кирпич с дорожки, а другой нащупала в кармане серебряный нож. Мои шансы немногим отличаются от нуля, однако я еще повоюю.

Мгновенье — и Ловчий оказался рядом. Он передвигался невероятно быстро, слишком быстро для меня.

— Это тебе за Джима! — крикнула я, швыряя ему в лицо песок.

Как ни странно, я попала, и он замешкался, пытаясь протереть глаза. Я занесла свой нож...

И в этот момент на Ловчего, словно смерч, налетел... Артур!

Он пришел! Он откликнулся на мой зов!

Два вампира сцепились. Теперь я понимала, что тогда, когда Артур сцепился с Владленом, это было скорее спортивное состязание. Настоящая битва началась только сейчас.

Ловчий напоминал мне большого матерого

волка. Я видела, как он быстр и силен. Артур походил на молодого тигра. Он без устали бросался на противника, хотя я заметила, как ему приходится туго.

Они беспрестанно находились в движении — то сталкиваясь, то расходясь, словно два смертоносных вихря.

Все происходило в устрашающей тишине: никто из них не издавал ни звука, и от этого становилось еще страшнее. Я вся сжалась. Никогда в жизни мне не приходилось испытывать и сотой доли такого страха. Казалось, рядом со мной сошлись в смертельной схватке две первозданные силы. Противники перемещались так быстро, что мои глаза едва успевали уследить за ними, зато я ясно ощущала исходящие от них волны ужаса.

Где-то вдали громко завыла собака. Тут же к ней присоединилась еще одна. Они выли, сея беду и страх, словно античный хор сообщая всему миру о том, что здесь происходит. Кажется, сама смерть распахнула над нами свой черный плащ.

Я видела, как на пальцах Ловчего сверкнули огромные когти, его рука полоснула по свитеру Артура, и на мою щеку упали несколько алых капель.

Господи боже! Если ты только есть, помоги ему! Возьми все, что хочешь, только помоги!

Я точно знала, что, если Артур погибнет, я умру. Даже не потому, что меня тогда уже наверняка убьет Ловчий. Просто я не смогу ходить по земле, на которой больше не будет Артура. Воздух станет для меня смертельным ядом, а жизнь превратится в сухую былинку. Мне нет смысла жить, если он погибнет.

— Беги! — крикнул он мне. — Не бойся, я справлюсь!

Я колебалась. Не верить любимому — хуже и придумать нельзя. Однако какой-то частью сознания я понимала, что сейчас он сказал бы что угодно — лишь бы спасти меня. Ну нет! Я не брошу его. Откуда-то изнутри в груди поднялся сухой жар, а по телу волной разлилась сила. Раз это нужно, я смогу защитить свою любовь! Учитель недаром научил меня бить, а в моей руке все еще сжат серебряный нож. Пора рискнуть, и я, дождавшись удобного момента, попыталась ударить Ловчего в спину. Он воистину обладал звериным чутьем, потому что каким-то образом почувствовал мое приближение. Короткий взмах руки, и я уже валяюсь на земле, судорожно дыша и пытаясь оправиться от пронзившей мое тело боли. Нож вылетел из руки и отлетел куда-то в кусты.

Что же делать? Я встала на колени — так, кажется, ничего не сломано — и стала шарить в зарослях. Порезавшись об осколки разбитой бутылки, я тем не менее нащупала свое оружие. Решив действовать осмотрительней, я осторожно поползла к дерущимся.

Краем сознания я отметила, что надсадный собачий вой продолжается. Кажется, выли уже все собаки округи.

И тут — о счастье! — Ловчий, наскочив на Артура, вдруг отлетел в сторону и оказался совсем рядом со мной. Не теряя времени, я размахнулась

и изо всей силы вонзила ему в ногу свой серебряный нож.

Вампир утробно взвыл. Видно, серебро и вправду полезная штука.

В это время Артур вцепился ему в плечо. Они упали и кубарем покатились по земле.

А я сидела совершенно без движения, будто это несложное действие выпило все мои силы без остатка. Даже дышать удавалось с трудом.

— Полина! Ты цела?! — Артур обнял меня за плечи.

Его свитер был порван в клочья, на груди виднелись глубокие раны, и сам он едва держался на ногах.

— Где Ловчий? — выдавила я из себя.

— Он ушел, — ответил Артур. — Я почти уничтожил его, но он слишком опытен и силен, чтобы справиться с ним так просто. Прости меня.

Я улыбнулась и прижалась головой к его груди. Его кровь испачкала мое лицо и одежду, но я почти не замечала этого.

Не знаю, сколько мы простояли обнявшись на холодном ветру. Артур целовал мои волосы и шептал на ухо что-то успокаивающее.

— Все будет хорошо, Полина, все будет хорошо, — повторял он, и от его голоса тепло разливалось по моему телу.

Когда мы разомкнули объятья, я заметила, что раны на его груди уже почти затянулись, а кожа вновь стала белой и гладкой, словно ее не заливала недавно кровь.

— Она впиталась, — объяснил мне Артур, заметив мой изумленный взгляд. — Я сейчас очень слаб, поэтому не могу позволить себе потерять ни капли крови.

Мы оба, поддерживая друг друга, добрались до скамейки. Я посмотрела на Артура — черты его лица заострились, а сам он стал даже бледнее обычного — и, решительно закатав рукав куртки, протянула ему свою руку:

— Пей.

— Что? — переспросил он, глядя на меня расширившимися глазами.

— Тебе нужно восстановить силы. Пей, — повторила я и зажмурилась.

Его губы осторожно коснулись моего запястья и... лишь мягко скользнули по нему.

— Глупенькая, — прошептал он, — неужели ты и вправду думаешь, что я смогу это сделать?!

— Но ты же слаб. А что, если Ловчий вернется?..

— Навряд ли. Мне кажется, он пострадал больше, чем я. В последние минуты боя он стал резко слабеть и сбежал, едва представилась такая возможность. Нет, он еще обязательно вернется. Но не сейчас. Скорее подкараулит момент, когда мы окажемся беззащитны перед ним. Поэтому будь осторожна и будь настороже.

— Артур, — сказала я после недолгого молчания, — он... Ловчий убил Джима! Я хочу к нему подойти.

В это время во двор на бешеной скорости влетели сразу три здоровенные машины.

— Теперь мы в безопасности, — сказал Артур. — Иди, попрощайся с Джимом, я подожду тебя здесь.

Я кивнула и пошла к тому месту, где на меня напал Ловчий.

Джим лежал неподалеку, на боку. Я опустилась на колени перед его еще горячим телом и поцеловала верного друга в морду. Джим выкупил мою жизнь ценой своей собственной и жестоко пострадал при этом. Его брюхо было распорото, а тело выглядело так, будто его искромсали ножами. Вся его густая шерсть оказалась насквозь пропитана кровью.

— Прости меня! Прости! — шептала я ему, судорожно гладя горячий скользкий бок. Я почти ослепла от слез, безудержно лившихся из глаз.

Стоит ли моя жизнь его жизни, и кто вообще сказал, что животные хуже людей? Джим любил меня и доверял мне. Как часто мы играли, бегая по всему двору... Он заливисто лаял, приносил мне палку и, конечно, искренне считал меня своим другом. И вот теперь он лежит на земле, как в старой сказке заплатив за пару лишних минут драгоценного времени своей собственной жизнью! Он спас меня, но теперь его никогда уже не будет рядом. Никто и никогда не сможет вернуть мне Джима!

Кровь! Почему теперь повсюду вокруг меня кровь? Словно я проклята! Почему я приношу несчастье всем, кто находится подле меня?! Почему! За что?! За что, боже мой?!

В кармане завибрировал мобильник. Ну конечно, родители беспокоятся обо мне. Я утерла рукавом слезы и, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, нажала на прием:

— Да?

— Полина! — раздался из трубки обеспокоенный мамин голос. — Вы где там так долго? С тобой все в порядке?

— Да. Со мной все нормально. Буду через десять или пятнадцать минут.

Но маму, разумеется, не обманешь:

— Что у тебя с голосом?

— Потом... Скоро буду, — и я нажала «отбой».

Как сказать им про Джима?..

— Полина, — ко мне подошел Артур, — я уже почти в порядке, мне привезли подкрепиться. — Он кивнул на большой закрытый коктейльный стакан, который держал в руке. — Иди домой. Я похороню Джима.

— Но что мне сказать родителям?.. — в панике воскликнула я.

В голове была звенящая пустота и ни одной мало-мальски здравой мысли.

— Скажи, что Джим попал под машину. Ведь такое бывает с собаками?

Да, такое бывает, но только не с моим Джимом.

— Нет, постой, ты вся в крови. Сейчас я тебя немного вытру... Виктор, принеси воды! — крикнул он куда-то в темноту.

Спустя минуту из темноты возник его молчаливый шофер с большой пластиковой бутылкой и пакетом бумажных салфеток. Артур смачивал их водой и вытирал мое лицо и шею. А я стояла, закрыв глаза, и ничего не чувствовала.

Затем Артур надел на меня куртку и застегнул ее до самого горла.

И я только тогда осознала, что так и ходила в футболке, почему-то совсем не ощущая холода.

— Все, теперь иди. — Артур ласково подтолкнул меня в сторону подъезда. — Я знаю, у тебя много вопросов. Обещаю, что расскажу тебе все завтра. Иди, нам нужно навести порядок, пока здесь не появились люди.

— Где вы его похороните? — тихо спросила я.

— Неподалеку, под деревьями. Я потом покажу тебе место. Иди, лучше тебе этого не видеть.

И я медленно пошла к подъезду. Когда я оглянулась, Артур и Виктор заворачивали тело Джима в какую-то тряпку.

Ловчий, в это же время

Стены... Скользкая грязь под ногами и неровная поверхность стен, которых он касался рукой... Каждый шаг дается с трудом. Он почти умирает... Ему срочно нужна кровь... Дрянная девчонка! Это ее серебряный нож стал для него отравой! Должно быть, она применила свои способности, чтобы вонзить его. Зря он недооценил ее и медлил... Жизнь... Жизнь — это кровь... Раны из-за слабости едва закрывались. Еще немного, и он упадет. Прямо здесь. В эту осеннюю жирную грязь...

Тогда тоже была осень, и студеный ветер завывал среди лениво качающих ветвями деревьев. На их бивак напали, и они отстреливались всю ночь. Верная винтовка стала продолжением его тела, и ему казалось, что она так и приросла к рукам, слилась с ним в одно существо. Стрелять и дышать было для него равнозначно. А потом закончились патроны, и он отбивался штыком, зная, что почти все его товарищи уже погибли. В ту ночь он видел столько крови, сколько не было даже когда их офицерский батальон наголову разбили большевики.

У тех, кто пришел к их крохотному лагерю в ночи, были длинные когти и острые зубы. Они напоминали зверей. Только во много раз сильнее, во много раз опасней. Но они тоже могли умирать, и он уничтожил множество тварей, прежде чем они добрались до него...

Нет, это уже он сам, влекомый жаждой крови и жизни, со своими новыми братьями вышел из леса и напал на небольшой отряд красноармейцев. Те отстреливались и всадили в его тело несколько пуль. Будто ему страшны пули?! Если только в голову. Но он слишком быстр и слишком голоден... Он доберется до них, чего бы это ему ни стоило!

...А потом его убили во второй раз, пронзив штыком сердце. Умирать второй раз было легче. Или это была не смерть, а всего лишь оцепенение?

Сейчас он вспомнил все: и тишину осеннего леса, и хруст подмороженных старых листьев под ногами, и качающиеся перед глазами деревья, и боль, и ярость.

Он так давно не умирал, что уже забыл, как это бывает.

В этот раз он дрался хуже, чем всегда. Недавняя инициация выпила часть его силы. Чтобы оправиться от этого, нужно несколько месяцев. От-

дать каплю древней крови неофиту — значит на время обессилить себя. Однако, если бы не девчонка, он все равно справился бы со значительно уступавшим по опыту противником.

От слабости Ловчего качало...

Хорошо, что щенок не догнал его. Молодой, да ранний. Неожиданно сильный. Он защищал ту девчонку с такой страстью, что сразу было видно, как много она для него значит. И девчонка... если бы не ее нож...

Она достойный противник.

Если он выживет и на этот раз, то обязательно вернется к ней, и они встретятся. И она, и мальчишка еще не знают его...

Стены качались и норовили ускользнуть из-под его обессиленной руки.

Он поскользнулся в грязи, споткнулся, и в этот момент ясно почувствовал пьянящий аромат мертвых листьев и приморожденной хвои, смешанный с тяжелым запахом крови, услышал отдаленный звук редких револьверных выстрелов и непередаваемую тишину застывшей сибирской тайги... Его сознание окончательно помутилось.

Глава 7

— Нет, Полина сегодня не может поговорить с вами. Как вы не понимаете: у нас в семье несчастье. Погибла собака, которая жила у нас семь лет... Да, переживает... Да, именно это я и говорю... В другой день и в присутствии нашего адвоката. Девочка и так слишком переволновалась за последнее время. Спасибо за понимание. — Отец положил телефонную трубку и, обернувшись, наконец увидел меня.

— Это по поводу твоей одноклассницы, — объяснил он. — С тобой хотел побеседовать следователь... Что же такое творится на свете?..

Вот это как раз я бы и сама очень хотела знать.

Сегодня у нас было непривычно тихо. Даже беспокойный Мерлин притих, будто понимая, что произошло. Мама ходила с заплаканными глазами, отец молчал, но я прекрасно видела, как сильно он переживает. Но как же все-таки хорошо, что они не знают всей правды. И как ужасно, что я не могу разделить ни с кем этот груз.

С утра мне позвонила Вика, обрушившая на меня водопад «новостей» об убийстве в нашей школе.

— Ты только представь! Какой-то зверь загрыз Натали прямо в женском туалете! — возбужденно тараторила она, не обращая внимания на вялость моих ответов. — Вот только скажи, откуда там могло взяться дикое животное? Это же как минимум огромная собака! А кто-нибудь видел, чтобы по нашей школе бегала огромная собака? А мама Натали известная стерва! Ну она, говорят, такой скандал директору закатила! Обещала лишить нашу школу лицензии! А мои-то тоже сразу отреагировали. «Наша дочь, — говорят, — не может посещать школу, где происходят такие из ряда вон выходящие события!» Слышь, как завернули?!

Я не отвечала, и в конце концов Вика поняла: что-то здесь не так.

— Ты что, спишь там, что ли? — обиженно поинтересовалась она.

— Прости, давай поговорим потом, — выдавила из себя я. — У нас тоже горе: Джим... погиб, — каждый раз, когда я думала или говорила о Джиме, дыхание сбивалось, а к горлу подкатывал тугой ком. Приходилось прикладывать усилия, чтобы начать дышать, как прежде.

— Так бы и сказала, — растерялась Вика. — Ладно, звони, как придешь в себя... А хочешь, мы с тобой куда-нибудь сходим? Ну, в кино, например? Тебе же надо развеяться.

— Хорошо, только потом. Я тебе позвоню, ладно?

— Давай, не вешай нос, — сказала она и отсоединилась.

Артур позвонил ближе к четырем, когда я уже почти потеряла надежду услышать его голос.

Мы договорились о встрече, и я стала переодеваться. Раздевшись, я еще раз оглядела свои спортивные синяки и полученные вчера ссадины и тихо вздохнула. Ни о какой юбке речь просто не шла. И, разумеется, как раз в этот момент в комнату заглянула мама. Она с ужасом оглядела меня.

— Что с тобой? Кто тебя избил? Это твой новый знакомый?

Ну сейчас начнется.

— Нет, это после карате, — объяснила я. — Не волнуйся, у всех так поначалу бывает.

— У всех? Полина, давай поговорим серьезно. — Она села на диван, явно приготовившись к долгому разговору.

— Давай, — уныло согласилась я, доставая из шкафа джинсы и водолазку.

— Во-первых, я не хочу, чтобы ты и дальше ходила в эту секцию. Выбери себе что-нибудь более подходящее для девочки. Ну хочешь заниматься фламенко? Это очень красиво. Или бальными танцами.

— Мам. — Задев один из синяков, я поморщилась. Оказывается, натягивать джинсы — небезопасное дело. — Я хочу заниматься именно в этой секции. Она мне очень помогает...

— В чем же?

— Девушка должна уметь защитить себя. Мало ли что...

— А ты не ввязывайся ни во что, будь осторожна и не знайся с сомнительными компаниями. — Она укоризненно посмотрела на меня.

— Всякое случается. Я буду посещать эту секцию. — Я твердо выдержала ее взгляд, и мама сдалась.

— Ну хорошо, — согласилась она, — только потом не жалуйся. — Она кивнула на мои синяки.

А я, между прочим, и не жаловалась.

— Но главным образом я хотела поговорить с тобой о другом, — продолжила она. — Присядь-ка сюда.

— Мам, я опаздываю...

— Куда это? Мне не нравится, что у тебя находится время на всех, кроме родной матери. В последнее время я заметила, что ты стала скрытной и замкнутой. Я смотрю на тебя и вижу: ты изменилась и что-то от нас скрываешь.

Я могла бы сказать в ответ многое. Например, что она мне вовсе не родная и они с отцом тоже скрыли сей факт от меня... Но я промолчала. По-

тому что поняла, сколь это на самом деле несущественно. Они вырастили меня, они всегда были для меня опорой, а поэтому имеют право знать, что происходит в моей жизни... Вот только я никак не могу сказать им всю правду.

— Признайся, Полина, ты влюбилась? — с тревогой задала вопрос мама.

Это был еще не худший вариант.

— Да, — просто ответила я.

— А... он?

— Артур тоже любит меня.

— У вас есть какие-то... — она замялась, — отношения?

— Если ты имеешь в виду секс, то нет.

Родители почему-то вообще любят сводить все проблемы к сексу. Как будто это — конец света. Ну и еще к наркотикам.

— А он... порядочный мальчик? Он не принимает наркотики?

Ну вот, я же говорила.

— Нет, мам, он вполне порядочный мальчик. Не пьет алкоголь, не курит и, конечно, не употребляет наркотиков.

«А еще он вампир», — могла бы добавить я для полноты картины, но, разумеется, не стала.

— Я рада и, хотя мне нравится Дима, не имею ничего против Артура. Пригласи его, пожалуйста, как-нибудь к нам, мы с папой хотели бы с ним познакомиться.

— Обязательно приглашу... На днях... Мам, я договорилась о встрече и уже опаздываю. Я могу идти?

Она подобрала с пола сбежавший от меня носок, тщательно сложила его и кивнула:

— Иди.

Я уже собиралась выскочить из комнаты, когда она снова остановила меня:

— Полина, скажи, у тебя сейчас какие-то проблемы?

Да. У меня полно проблем. На меня охотится вампир, убивший нашего верного Джима. Одноклассницы подсылают ко мне хулиганов, чтобы те меня изувечили. А еще, мама, прости, кажется, у меня будет в этой четверти тройка по алгебре.

— Нет, все в порядке, — солгала я и вышла за дверь.

И в этом случае маме опять же лучше не знать всей правды.

Артур ждал меня неподалеку от моего подъезда.

Сколько бы я ни видела его, никак не могу привыкнуть к совершенной красоте его лица, и каждый раз у меня невольно перехватывает дыхание.

— Привет, ты в порядке? — Он легко коснулся моей руки и заглянул в глаза.

— Привет. В общем, да. А ты как?

— Давай найдем лавочку, где нет никого из детворы, а потом я, как и обещал, все тебе расскажу.

— Хорошо. Только сначала отведи меня на могилу Джима. Вы же его похоронили?

Артур кивнул, взял меня за руку и повел в глубь двора. Там, в тихом закутке под деревьями я увидела квадрат свежевскопанной земли, и слезы навернулись на глаза.

— Прости меня, Джим, мне будет очень тебя

недоставать, — прошептала я, присев на корточки и коснувшись рукой могилы моего верного друга.

Артур присел рядом и мягко обнял меня за плечи.

— Он любил тебя. Это очень важно: отдать жизнь за того, кого действительно любишь. Если бы я...

Я вскочила.

— Не говори глупостей! — крикнула я ему в лицо. — Даже не думай! Я не хочу, чтобы ты умер! Понятно! Ты не можешь оставить меня одну! Даже не думай об этом!

Я кричала, как будто в меня вселились все демоны ада.

— Полина, но я уже умер, — еле слышно проговорил он.

— Нет! — Я изо всех сил вцепилась в его куртку. — Нет! Не говори ерунды! Ты здесь! Я говорю с тобой, я могу прикоснуться к тебе! И, каким бы ты ни был, я люблю тебя!

Я впервые произнесла это слово. Артур серьезно посмотрел в мое запрокинутое лицо и принялся поцелуями стирать с него слезы.

— Ну, маленькая, не плачь, — повторял он, будто утешая ребенка, — я с тобой и никуда от тебя не денусь. Честное слово! Ты мне веришь?

— Угу. — Я потянулась к нему, и наши губы встретились.

Потом мы сидели на невысоком бордюре детской площадки, укрывшись от выглянувшего из-за туч солнца в тени деревьев. Прямо перед нами разворачивалась картина обычной жизни. Весело болтали молодые мамы, поглядывая, как их чада роются в песке, и бдительно пресекая попытки какого-нибудь Максимки ударить лопаткой по голове какую-нибудь Юлечку.

Шла обыденная, такая простая и понятная жизнь.

А в это время... Артур рассказывал мне о своем мире. Я слушала его и понимала, что между этими мирами лежит пропасть. Отныне моя судьба накрепко связана с другим миром, миром Артура. Это означает, что ничего теперь не будет по-старому. Я уже ступила на тот берег, и назад дороги нет. Никогда мне не вернуть былую беззаботность. И теперь мне потребуются все силы, чтобы научиться жить по правилам этого, еще незнакомого и непонятного мне мира.

— Помнишь Владлена? — спросил Артур.

Будто я могла его забыть!

Я кивнула.

— В тот день, когда была убита Натали, отец... старейшина вызвал меня. Он узнал, что Владлен встретился с Ловчим и, видимо, выдал ему, где тебя искать.

— Погоди, — прервала его я, — прежде всего скажи, что вообще происходит? У меня такое чувство, что я не знаю чего-то самого главного. Будто я какой-то марафонский кубок, который все пытаются выхватить друг у друга. Зачем я Ловчему? Почему мной интересуется ваш старейшина?

— Полина... Все очень сложно, и я не знаю, готова ли ты к этому. Все дело в твоей крови...

— В ней что, количество сахара повышенное? — неудачно пошутила я, вспомнив предостережение странной старухи.

Интересно, кстати, кто же она на самом деле?..

— Это не повод для шуток, — сказал Артур очень серьезно. — В целом дело в том, что в твоих венах течет очень древняя кровь. Она дала тебе особенные способности. Возможно, ты замечала...

— Это магия? Как в «Гарри Поттере»?

— Ну... — Артур замялся, — не совсем. Твоя история уходит корнями в глубину веков. Суть в том, что ты — наследница древнего рода. Магия у вас в крови. Старейшина хочет, чтобы ты стала одной из нас и сместила в затянувшейся войне баланс в нашу пользу. Однако все тут зависит от инициации. Вернее, от подготовленности к ней, от баланса добра и зла в твоей душе...

Моя голова раскалывалась. Боже мой! Меня собирались использовать, как пешку! Словно слепую, не знающую своей роли фигуру. К тому же — какая война? Какой баланс?!

— Скажи, пожалуйста, еще раз, я ничего не понимаю, — взмолилась я, — что за война, что за баланс и при чем тут инициация?

Артур вздохнул.

— Знаешь, это как в рекламе: не все вампиры одинаковы. Существует два лагеря. Мы и отступники, иначе называемые дикими вампирами. Ловчий принадлежит к ним. Я точно не знаю, как и когда произошло разделение, но случилось оно в незапамятные времена. Его застал разве что сам патриарх...

«Ага, есть еще и патриарх», — промелькнуло в моей голове, однако перебивать Артура я не стала.

— Уже много веков между нами идет нескончаемая война, — продолжал он. — В частности, из-за отношения к людям. Мы считаем их отдельной и самостоятельной силой, а отступники относятся к ним как к корму. Они сильнее и выносливее нас, однако на нашей стороне есть верные друзья из лагеря людей, здравомыслие и... некоторые способности. К тому же дикие живут в основном в северных городах, издавна предпочитая глухие таежные места. Однако они регулярно совершают набеги на наши города — и отступают. А воевать с ними на их территории невозможно. Поэтому уже долгое время ситуация застыла на мертвой точке. И мы, и они уже пытались привлечь на свою сторону людей твоего рода. Нами в этом деле тоже были допущены ошибки. Известен случай, когда ошибка при ритуале привела к тому, что один из твоих предков уничтожил почти весь Питерский Дом, в котором проводилась инициация. Именно поэтому меня отправили изучить тебя, узнать поближе и понять, что именно из тебя может получиться.

Если бы на меня вылили таз холодной воды, я бы наверняка чувствовала бы себя лучше. Хотя это, конечно, многое объясняет. И странные перепады в настроении Артура, и испытания, которые он мне устраивал. Он просто тестировал меня... как новую стиральную машинку!

На детской площадке по-прежнему играли малыши, до меня донесся чей-то радостный смех. А я смотрела на окружающее словно из другой галактики.

— И как, ты понял?

Мне самой показался чужим собственный голос.

— Да, — ответил Артур, — кое-что я понял.

Ну давай же, вынеси свой приговор. Если сейчас разобьется то, во что я верила, то единственное, что у меня осталось на этом свете, я просто не смогу жить дальше. Лягу и умру, какие бы планы ни были на меня у мудрых устроителей вампирских войн всех времен и народов!

— Я понял, что был на краю пропасти. Я почти забыл, что такое — быть человеком. Но ты снова научила меня этому. И я тоже стал другим. И позорно, одно за другим, проваливал задания старейшины. Я не могу тебя потерять. Понимаешь, просто не могу. Я не дам сделать из тебя разменную фигуру и, насколько хватит моих сил, не допущу твоей инициации. Ты человек и должна остаться человеком!

Это было слишком для меня! Слишком быстрые перепады от безнадежного отчаянья к трепетной надежде! Не знаю, почему мое сердце не разорвалось на тысячу кусочков.

— Погоди, — сказала я Артуру, — не говори пока ничего. Мне надо немного отдышаться.

Он взял меня за руку, и мы молча сидели, глядя на играющих детей... Мир вокруг оставался прежним, это только я изменилась.

— Ты говорил про Ловчего и Владлена, — напомнила я ему спустя некоторое время. — И еще, кто же все-таки убил Натали?

— Думаю, что Натали убил Ловчий. Старым вампирам трудно находиться на солнце, и, чтобы восстановить запас сил, им нужна свежая кровь. В тот день он, видимо, подобрался к тебе совсем близко...

— А тебя как раз в это время вызвал твой... старейшина, правильно?

— Мы решали вопрос с Владленом, — хмуро ответил Артур.

— И что, решили?

— Решили, — отрезал Артур, и я поняла, что больше он ничего об этом не скажет.

— И... что теперь?..

На лице Артура отразилась целая гамма эмоций.

— Мне тяжело об этом говорить, но я не знаю, — признался он, — мы с тобой словно стоим на лезвии. С обеих сторон — бездонная пропасть. Я не знаю, как удержаться и сделать правильный шаг. Прости, что не смог взять это на себя.

Он говорил, опустив голову, и каждое слово давалось ему с трудом.

А вот и его ахиллесова пята — он боится поражений, боится оказаться слабым и не соответствовать какому-то, видимо, придуманному им же самим образу!

Смешно, мы будто поменялись ролями.

Я обняла Артура и прижалась лбом к его сильному плечу. Вот она — моя единственная опора. Я и он — мы можем рассчитывать только друг на друга. Наша любовь — вот та путеводная нить, и только в ней я вижу спасение.

...Если бы только Артур это понял! Но достаточно ли он человечен, чтобы понять?..

Мы сидели на краю детской площадки, одинокие в этом огромном мире. Словно два крохотных ребенка, заблудившихся во тьме.

Перед тем как лечь спать, я долго стояла перед большим зеркалом, разглядывая свое отражение. Как и прежде, на меня смотрела худощавая девушка с длинными черными волосами. Вроде бы та, а вроде не та. Я повзрослела за короткое время. Немного изменилась линия губ, черты лица стали определеннее и вместе с тем мягче. Больше всего изменились глаза. Дело даже не в том, что я сняла и вправду ужасные контактные линзы. Новым стал сам взгляд.

Я научилась драться за себя и за тех, кто мне дорог. Я больше не стану молчаливо сносить насмешки и прощать обиды.

Так кто я: принцесса или злая ведьма?

Или не та и не другая?

В пользу принцессы говорит овал лица и густые роскошные волосы. В пользу ведьмы — бледная кожа и, главное: глаза — яркие, необычные. Сейчас они смотрят прямо и жестко. Я и вправду стала другой. И в то же время осталась собой. Такой, какой я была всегда. Наверное, надо просто понять и принять обе свои половинки: и темную, и светлую. Ведь не бывает света без тьмы и тьмы без света, а дня без ночи?

Мой сказочный принц — принц ночи, и я благодарна судьбе за то, что встретилась с ним. Все это время я спала, как спящая красавица в высокой, оплетенной плющом башне. И проснулась только сейчас. Только он смог разбудить меня. Только он помог мне найти и принять себя — целиком, без остатка.

Мне, как никогда, хотелось жить и быть прекрасной — для него — единственного на всей земле.

Я поправила кружево длинной рубашки. Это была моя любимая ночнушка. Мне всегда казалось, будто я в ней похожа на принцессу. Я покружилась перед зеркалом, а затем присела в реверансе.

Мама... моя настоящая мама, наверное, гордилась бы мной. Интересно, какой она была в мои годы? А отец? Я непременно постараюсь узнать их историю. Я это себе обещаю. А пока — спать. Завтра будет новый день, и, кто знает, какие испытания он мне готовит. Спать...

Глава 8

Мне снились уже знакомые улицы черно-белого города и припаркованная на обочине ярко-красная машина.

В машине были мужчина, женщина и грудной ребенок.

— Мы не можем терять ни минуты. Или те, или другие вскоре будут здесь, — сказал мужчина, поглядывая на часы.

Женщина еще крепче прижала к себе ребенка и кивнула.

— Я знаю, что это единственный выход, но никак не могу решиться, — сказала она полным беспокойства голосом.

Мужчина повернулся к ней и обнял ее и ребенка:

— Мы отвлечем их, и она окажется в безопасности. А потом, когда все закончится, мы обязательно за ней вернемся. Ты же знаешь, что все будет хорошо.

По красивому лицу женщины медленно катились слезы. Она снова кивнула.

— Она справится, — сказал мужчина. — Она сильная — вся в тебя.

— Зато у нее твои глаза, — печально улыбнулась женщина. — Да, ты прав. Действительно, нельзя терять ни минуты. Пойдем!

Мужчина вышел из машины и помог выйти женщине, затем ловко перелез через высокий бетонный забор, принял из ее рук ребенка и быстро зашагал по дорожке в сторону неказистого двухэтажного дома.

Там он осторожно поцеловал крохотное личико малыша, решительно положил свою ношу на ступеньки, нажал на кнопку звонка и тут же побежал обратно к машине.

Он ни разу не оглянулся.

А ребенок лежал на ступенях, глядя в небо необычными ярко-фиолетовыми глазами...

Рядом с ним, прямо на ступеньках, сидела и чесала лапой ухо большая кудлатая собака... удивительно знакомая собака...

Тем временем красная машина рванула с места и понеслась по черно-белым улицам. Мужчина и женщина молчали.

Они мчались все быстрее и быстрее — единственная яркая точка среди пустого черно-белого мира, не видя, что за их спиной уже разгорается тревожно-алый закат.

Мужчина и женщина... Мама и папа...

Я проснулась в слезах и долго лежала, уткнувшись носом в спинку дивана и боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть охватившее меня ощущение.

Я чувствовала грусть и нежность, как будто меня обнимали чьи-то теплые любящие руки, и от этого так сладко щемило сердце, и слезы сами собой катились из глаз.

Наконец, не выдержав, я обернулась. И наваждение исчезло.

Никого. Только я одна в своей привычной комнате с белеющим на полу ковром и освещенным неясным ночным светом письменным столом.

Я одна, и с этим нужно научиться жить. День за днем, час за часом. Постепенно забывая приснившиеся мне лица и ярко-красную машину, мчавшуюся навстречу верной гибели...

С этим просто надо научиться жить.

А потом был новый день. И заботливый взгляд моей второй матери.

— Полина, ты хорошо спала? Ты выглядишь утомленной.

Я и вправду выглядела невыспавшейся, так как больше не смогла сомкнуть глаз. Все то, что случилось со мной ночью, навсегда останется в моем сердце как самое драгоценное воспоминание.

Я не сомневалась, что приснившиеся мне люди и были моими настоящими родителями.

В этот день мне предстояло встретиться со следователем и ответить на его вопросы.

По правде говоря, я даже сочувствовала ему. Во-первых, потому как иметь дело с избалованными учениками частной школы — это еще то удовольствие. А уж какое удовольствие иметь дело с их родителями! Например, с мамой той же Натали. Насколько я ее себе представляла, она уже подарила следователю немало незабываемых минут. А во-вторых и в главных, сам случай был, скажем прямо, из ряда вон выходящий. Наверное, не каждый день в охраняемой частной школе находят трупы учениц с разорванным горлом.

Что же все-таки произошло в нашей школе? Я постаралась воскресить в памяти мельчайшие детали того дня. Вроде все было как всегда.

После обеда я пошла в класс, достала из сумки расческу и помаду и направилась в туалет. Народу в коридоре было довольно много. По пути мне встретился Олег... и еще я видела Виолу, стоявшую у окна рекреации... Не помню, хоть убей, было оно открыто или нет.

Сомневаюсь, чтобы Натали убило какое-то животное, прокравшееся мимо охранников и сумевшее не засветиться ни на одной из камер. Человек тоже вряд ли смог бы нанести такую рану. При одном воспоминании о том, в каком виде я нашла тело, дурнота настойчиво подкатывала к самому горлу. Значит, наиболее вероятное, это сделал вампир. Знакомых вампиров у меня было аж трое. Подумав об этом, я хихикнула — иногда моя жизнь напоминает мне фантастический комикс или нелепую карикатуру. Знаете, «Жила-была девочка, и у нее было три знакомых вампира...».

Я сходила на кухню, заварила себе фруктового чая и, вернувшись в комнату, продолжила размышлять.

Артура можно сразу вычеркнуть из списка. Не доверять ему — все равно что не доверять себе.

Номер два — Владлен, судя по словам Артура, как раз в это время он был озабочен своими неприятностями и сам приперт к стенке.

Номер три — Ловчий. Опять не сходится. У прочих его жертв, а маньяком, убивавшим девушек, являлся, без сомнения, он, было перерезано горло. Весьма неглупый ход, чтобы замаскироваться под маньяка. С чего бы теперь ему вдруг терять над собой контроль и разрывать горло жертвы зубами? Разве что, как сказал Артур, его одолевала сильная жажда. Однако сам Ловчий это отрицал, и я была склонна ему поверить: в тот момент он не сомневался, что я не уйду от него живой. Какой же прок ему лгать?..

Я бы заподозрила присутствие какой-то третьей (вернее четвертой) силы, но это уже явно, даже при всей бредовости ситуации, перебор.

— Полина! — окликнул меня отец. — Собирайся, через полтора часа мы должны быть на месте. Я уже позвонил Павлу Петровичу. Это хороший адвокат. Он поможет тебе, слушайся его советов.

— Хорошо, — согласилась я и, отставив кружку с так и не выпитым чаем, принялась одеваться.

Павел Петрович ждал нас у входа в отделение. Он и вправду был дружен с отцом. Я видела его у нас дома пару раз.

Он поздоровался со мной и по-приятельски пожал отцу руку и тут же принялся за инструктаж.

— Прежде всего, Полина, — сказал он, — не волнуйся. Я буду рядом с тобой. Это несложная процедура. Ты расскажешь следователю то, что видела. Только факты, не надо никакой отсебятины. Спокойно, уверенно, по делу. Потом он начнет задавать тебе вопросы. Прежде чем отвечать, думай. Если не помнишь, так и скажи, не придумывай. И вообще не позволяй ускорять темп допроса. Перед ответом всегда делай паузу. Если что, я вмешаюсь. Поняла?

Я кивнула. Что уж тут непонятного. О вампирах не говорить, не позволять загнать себя в угол. Условия простые. Мы с Павлом Петровичем вошли в здание и отыскали нужный кабинет. Отец остался ждать нас снаружи.

Следователь мне совсем не понравился. Он восседал за столом, точно жирный паук в паутине. Рыхлый, одутловатый, с совершенно лысой яйцеподобной головой, блеклыми глазами и ресницами. Какой-то колючий, неприятный тип. Каждый раз, когда он поднимал на меня свои водянистые бледно-голубые глаза, я чувствовала себя подозреваемой. Его манера откашливаться перед каждым задаваемым вопросом совершенно выводила меня из себя.

Однако я собралась и по возможности точно и полно рассказала ему обо всех событиях, произошедших в тот день. Следователь перебивал меня то и дело, задавая не относящиеся к делу вопросы по поводу всяких мелочей, которые я благополучно не помнила. Павел Петрович проявил похвальную бдительность и несколько раз приходил мне на помощь, объявив несущественными и не относящимися к делу пару скользких вопросов по поводу нашей ссоры с Натали и уж совсем нелепого предположения, не являюсь ли я поклонницей готической субкультуры.

Несколько вопросов, к моему большому удивлению, было о Виоле, о том, когда я видела ее последний раз и не имела ли я с ней после убийства Натали каких-нибудь контактов.

В общем, когда все закончилось, я подписала протокол, тщательно перед тем прочитанный Павлом Петровичем, вздохнула с облегчением и направилась к выходу.

Но тут произошел весьма неприятный инцидент. На выходе из кабинета я столкнулась с мамой Натали.

При виде меня та впала в истерику и принялась кричать, что это я виновата во всем и именно из-за меня была убита ее дочь.

Павел Петрович и поспешно выскочивший из кабинета следователь едва смогли ее угомонить, а у меня на душе осталось весьма тягостное впечатление. Тем более что в чем-то она была права. Если Натали убили вампиры, они появились в школе именно из-за меня, поэтому я волей-неволей оказывалась виновной.

В глубокой задумчивости я села в отцовскую машину, и мы поехали.

Когда мы стояли на одном из светофоров, я вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный, пронизывающий взгляд. Я подняла глаза. Такого я, пожалуй, еще не видела. Рядом с нами находи-

лась большая черная машина с тонированными стеклами. Одно из стекол у пассажирского сиденья было приспущено, и я заметила немолодого мужчину с запавшими глазами и резкими, пугающими чертами лица. На нем был белоснежный кудрявый парик и бордовый бархатный камзол, обшитый золотым крученым шнуром. Опираясь на массивную трость обеими руками, он задумчиво смотрел на меня.

В тот же миг в моем воображении возникла другая картинка, увиденная мною во дворце в Царицыно. И я отчетливо поняла, кого именно мне довелось сегодня встретить.

Заметив, что я смотрю на него, старейшина немного склонил голову, словно приветствуя меня.

Тут черная машина рванула с места и скрылась с глаз, а мы поехали домой.

— Проходи, — сказала я Артуру.

Он стоял за моей дверью. Серые джинсы, кашемировая толстовка в элегантную светло-серую полоску, легкий, едва уловимый, пряный запах туалетной воды... мой самый любимый аромат на свете...

— Ты впускаешь меня в свой дом? Ты же знаешь, мы не можем войти без приглашения, — спросил Артур.

— Конечно, впускаю, — я посторонилась.

Мой дом всегда открыт для него.

В это время из комнаты выглянула мама.

— Здравствуй, Артур, — сказала она, окидывая его оценивающим взглядом. — Давно хотела с тобой познакомиться.

Я вспомнила, как еще совсем недавно экзаменовала меня Димкина мать, и мне стало смешно: все мамы в чем-то похожи, и все они считают своих детей маленькими и думают, будто мы нуждаемся в их постоянном контроле.

Пока Артур разувался, она обрушила на него целый град вопросов. И о том, чем он собирается заниматься в жизни, и о том, какую музыку слушает. Артур отвечал осторожно — почти как я в кабинете у следователя, и при этом ослепительно улыбался.

Я со стороны наблюдала, как тает лед недоверия в глазах мамы. Вот она, сама не замечая этого, одобрительно кивает... Когда Артур хочет кому-то понравиться, это ему всегда удается. Интересно только, это его вампирские или человеческие способности?

Осознав, что держит гостя в коридоре, мама смутилась и предложила нам пройти в мою комнату, пока она приготовит что-нибудь вкусное.

— Пожалуйста, не затрудняйте себя, я не голоден, — остановил ее Артур, но мама уже так пылала желанием сделать для него что-нибудь хорошее, что остановить ее не представлялось возможным.

— Ты уже догадалась? — спросил Артур, глядя ей вслед.

Я кивнула, затем приложила палец к губам и поманила его в свою комнату.

— А у тебя здесь как-то... уютно? — он, кажется, с трудом вспомнил это слово и тут же обрадовался. — Да, точно, уютно. Ух ты, какой заяц!

Я стащила со шкафа своего старого любимого зайца и представила его Артуру:

— Познакомься, это Морковкин. Он знал меня еще вот такой маленькой. — Я попыталась показать рукой где-то на уровне колен.

Артур кивнул и присел на самый краешек дивана.

Я, обняв зайца и прижимая его к груди, устроилась рядом, подобрав под себя ноги.

— Ты спрашивал, догадалась ли я уже о том, что это не настоящие мои родители, — повторила я, — да, догадалась. Совсем недавно. Но это ничего не меняет... Скажи, ты же знаешь, что мои настоящие родители... — я замялась, — их больше нет?

Артур кивнул.

— Они погибли, но смогли так хорошо спрятать дочь, что наши разыскали тебя только недавно.

— Я знаю. Мне снилось, — тихо произнесла я.

— Тебе снятся сны о прошлом? — спросил Артур.

— Мне снятся очень странные сны. И о прошлом, и о будущем. Знаешь, в одном из снов я уже, кажется, видела Ловчего. Еще до того, как он возник на моем пути.

— Это проявление твоего дара, — объяснил Артур. — Как я говорил, в твоих венах течет очень древняя и сильная кровь. И в дальнейшем у тебя будут проявляться новые способности.

Но сейчас меня волновало не это.

— Погоди. — Я взяла его за руку и заглянула в лицо. — Ты знаешь, что случилось с моими родителями? Может быть, осталась какая-нибудь принадлежавшая им вещь? — с жадностью спросила я.

— Не знаю. Это произошло еще до меня... До того, как я стал таким.

— Я видела их во сне, — тихо произнесла я, и меня вновь охватило то же обманчивое ощущение — будто кто-то смотрит на меня с теплотой и заботой.

Артур обнял меня. Мы сидели на диване — он, я и мой смешной плюшевый заяц с немного разошедшимся по шву ухом.

— А я уже почти забыл свое детство, — задумчиво произнес Артур. — Я помню только что-то светлое и дурацкие обои в цветочек...

В это время в комнату вошла мама с подносом в руках. На нем стояли наши лучшие чашки из тончайшего фарфора — мама вообще обожает красивую посуду, поэтому у нас в доме ее полно — на все случаи жизни. Кроме чашек, здесь же имелась вазочка с конфетами и печеньем.

— Угощайся, Артур, — тоном заботливой хозяйки сказала мама, — чуть попозже я покормлю тебя обедом, и даже не думай отвертеться!

Он улыбнулся, а когда она вышла из комнаты, повернулся ко мне:

— И все-таки нечто общее у вас есть. Знаешь что?

— Ну? — я просто печенкой чувствовала подвох.

— Упрямство! — ответил он и расхохотался.

— Кстати, — похвасталась я, — а ты знаешь, что я теперь уже не беззащитна. Я пошла на карате!

— Правда? Уже, наверное, второе или третье занятие? Ну, тогда это серьезно, — усмехнулся Артур.

— А что, нет? Давай я тебе покажу! Ну становись, не бойся! — Я приняла стойку, как она запомнилась мне с прошлого урока.

Наверное, что-то было не совсем так, потому что Артур смотрел на меня, улыбаясь.

— Ну, давай же, выходи, подлый трус! — Я показательно взмахнула руками.

Одним неуловимым движением Артур оказался напротив меня, однако, сколько я ни пыталась его ударить, все мои попытки не увенчались успехом.

Разозлившись, я пошла на него, беспорядочно махая руками и пытаясь хоть немного зацепить его. Разумеется, тщетно. Он двигался гораздо быстрее меня.

— Ну что, для первого раза неплохо. Задор определенно есть, — заметил Артур. — А хочешь, теперь я покажу тебе кое-что?

— Только не бей меня! — испуганно отступила я. — У меня еще после спарринга с учителем синяки не прошли... Это нечестно!

— Не бойся, маленькая, конечно, я не собираюсь тебя бить, но нужно, чтобы ты знала: ты пока не справишься и с простым хулиганом, не говоря уж о вампире. Хочешь, я буду стоять и не шевелиться, а ты еще раз попробуешь меня ударить?

Я пожала плечами.

— Ну попробуй, — подзадоривал он меня.

Я попробовала и... будто натолкнулась на невидимую стену.

— Ставить такую защиту — особые способности нашего рода. Они очень помогают нам, скажем, при столкновении с отступниками. Тем диким родом, из которого происходит и Ловчий. Поэтому не воображай, будто сможешь выстоять против вампира в открытой схватке.

— А знаешь, — оживилась я. — Я тоже делаю нечто подобное, — и рассказала Артуру о том, как ставила такие «стенки», когда кто-нибудь пытался прочитать мои мысли.

— Вот видишь, это у тебя в крови. Теперь я сам буду тебя учить. А пока, пожалуйста, если меня не будет рядом, постарайся все время находиться дома и никого к себе не впускай. Хорошо?

— Ага. А когда ты станешь меня учить?

— Да хоть сейчас. Давай для начала займемся самообороной. Я покажу тебе несколько очень простых приемов...

Когда вернулся папа, отъезжавший куда-то по делам, он тоже познакомился с Артуром. Они пожали друг другу руки и поговорили о чем-то непонятном, связанном с компьютерами. Папа выглядел довольным и повел Артура показывать ему какую-то новую программу.

После этого я поняла, что Артур и вправду без малейшего труда покорил всю мою семью, и отныне лояльность моих родителей ему обеспечена. Уже хорошо: хотя бы одной проблемой меньше.

— А он совсем неплохой мальчик, — шепнула мне украдкой мама, — и сразу видно, что соскучился по домашнему теплу. Как я понимаю, отец у него в большом бизнесе, а матери нет. В общем, приглашай его к нам почаще. Мы с отцом всегда будем рады.

— Обещаю! — с легкой душой ответила я, и мы с Артуром отправились гулять.

Нам было все равно, куда идти. Лишь бы идти рука об руку. Лишь бы быть вместе.

Мы идем по аллее. Среди людей, но такие далекие от них.

Дворник-ветер метет дорожную пыль, перебирает пряди моих волос, ласково прикасается к щекам.

Стальное небо над головой, облетающая с деревьев цветная листва, пронзительно-красная гроздь рябины... В октябре, у самой границы зимы, все краски ярче и определеннее.

Мы идем по аллее, почти позабыв свое прошлое и даже не смея загадывать о будущем. Есть только настоящее. Только я и он — я и Артур. Одни на всей этой заселенной миллиардами людей планете.

Артур поправляет мои волосы и заглядывает в глаза.

— Ты наконец-то сняла эти ужасные линзы! — говорит он потрясенно.

Я надуваю губы, делая вид, будто обижена, хотя мне трудно оставаться серьезной: счастье переполняет меня.

— А ты только заметил? Я их еще вчера сняла. — Я укоризненно качаю головой.

— Полина, должен тебе сказать, что ты преступница, и следователь должен был немедленно отдать распоряжение о твоем аресте.

— Это за что?!

— За то, что ты скрывала от людей такую красоту. Ты знаешь, что у тебя удивительные глаза? Они сияют ярче всех звезд. Никогда, слышишь, никогда, — он требовательно развернул меня к себе, — не прячь их!

— Ладно, обещаю, — кивнула я. — Но это еще не все! Ты упустил еще кое-что важное!.. Ну-ка посмотри на меня внимательно!

Артур пристально оглядел меня с головы до ног.

— Новое пальто? — предположил он.

И я чуть не задохнулась от смеха. Мужчины, даже если они обладают самыми необычайными способностями и могут хватать на лету пули, все равно остаются мужчинами и не замечают самых очевидных вещей!

— Сразу видно, что Шерлока Холмса из тебя не получится. Ставлю «два» за наблюдательность! Это пальто я уже раза три надевала! Еще предположения будут? — поинтересовалась я коварно.

Он бессильно развел руками.

— Вот! Прическа! Посмотри внимательней! — Я даже ткнула пальцем в направлении своей головы. Чтобы было доходчивей.

— Прическа?! — переспросил Артур с преуве-

личенным недоумением. — А разве что-то изменилось?

— Ты бессердечен! — Я сделала вид, что вот-вот всерьез разгневаюсь, но на самом деле лишь с большим трудом сдерживала смех. — Видишь: челка! А раньше ее, если кто не заметил, вообще не было!

— Ах, и вправду челка! Да еще какая симпатичная!

И мы рассмеялись.

Мы стояли посреди аллеи. А вокруг нас сновали люди. Кто-то бросал косые недовольные взгляды, кто-то улыбался.

Две модненькие девушки, будто нарисованные под копирку, уставились на Артура, затем недоуменно перевели взгляд на меня. Одна из них хмыкнула и пожала плечами: мол, ничего особенного, а какого шикарного парня отхватила!

Еще недавно я бы смутилась и стушевалась. Но сейчас вдруг осознала, что меня действительно перестало заботить чужое мнение. Важно лишь то, как меня воспринимают близкие люди.

И еще. Теперь я вовсе не считаю себя неказистой дурнушкой.

— Хочешь мороженого? — спросил Артур.

Я кивнула, и мы подошли к небольшому лотку под смешным сине-полосатым тентом.

Как всегда, у меня буквально разбежались глаза.

— «Волшебный фонарь»!.. Нет, «Лакомку»!.. Нет, лучше «Фруктовый лед»...

Смутившись, я замолчала.

Артур засмеялся:

— Я уже говорил, что мне ужасно нравится твоя жадность к жизни? — и тут же обратился к продавщице: — Пожалуйста, все три! Берем все.

— Как бы у девушки не заболело горло, — предупредила она.

— Ничего, я ей помогу, — ответил Артур.

Женщина достала мороженое, отсчитала сдачу и ласково посмотрела на нас:

— Приятного аппетита. И всего вам доброго, ребятки. Редко когда встретишь настолько красивую пару!

— А мне-то как повезло, что я встретил тебя, — сказал Артур, когда мы отошли от палатки, и взял меня за руку. — Ты не представляешь, что для меня значишь. Мне кажется, что ничто в мире не имеет значения: лишь бы мы были вместе!

Я радостно засмеялась: он понял! Он все понял! Теперь нам не страшны никакие опасности, что бы ни готовило нам будущее. Я вскрыла упаковку «Лакомки», покрепче сжала руку Артура, и мы пошли дальше.

Мы шли по аллее. Разговаривали, смеялись, рассматривали свое отражение в каждой попавшейся на пути луже...

Это было так чудесно, что мне казалось, излучаемая нами радость, словно солнце, освещает всю аллею.

Это была самая счастливая и самая светлая осень в моей жизни.

Ловчий, в это же время

Он шел по аллее в потоке людей. Грубая, порванная на рукаве, кожаная куртка, обтрепанные в лапшу джинсы, черные очки... Он шел среди людей — одинокий и такой непохожий на них.

Дойдя до выкрашенной в темно-зеленый цвет, довольно обшарпанной скамейки, он остановился.

Сидящая на ней молодая женщина с трехгодовалым ребенком взглянула на него и невольно отодвинулась, прижав к себе расплакавшегося сынишку.

— Мама, а это бабай? — спросил мальчик, заглядывая ей в глаза.

— Ну что ты говоришь глупости! Бабаев не бывает. Это просто дядя! — в голосе женщины недоставало убежденности.

Ей вдруг показалось, что от незнакомца веет ледяным холодом, и она невольно поежилась. Но тут же списала это на ледяной порыв северного ветра.

— Пойдем, Виталик, домой. Уже холодно, — сказала она малышу и, взяв его на руки, торопливо пошла прочь.

Ловчий остался у скамейки один, даже не услышав их беседы. Все его внимание было поглощено другим.

Неподалеку от него стояла парочка. Тонюсенькая девушка с разлетающимися на ветру черными, цвета самой темной ночи, волосами и пронзительными ярко-фиолетовыми, совершенно необыкновенными глазами и парень — стройный, темноволосый.

Они смеялись, разговаривали и смотрели лишь друг на друга.

Он ясно различал каждое их слово. Эдакий молчаливый свидетель, безмолвный летописец эпохи.

Пока они вместе, они и вправду слишком опасны. Но это поправимо.

У него еще будет вторая попытка.

Ловчий присел на корточки и долго смотрел вслед удаляющимся силуэтам. Он не верил в любовь — он верил только в силу.

Литературно-художественное издание

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

Неволина Екатерина Александровна

ТРИ ЦВЕТА НОЧИ

Ответственный редактор *Т. Кузнецова*
Редактор *Т. Семенова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Л. Квашук*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.02.2010. Формат 84 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 7000 экз. Заказ № 4002135

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-39780-8

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Новая улётная серия

Ирка Хортица – суперведьма!

Ей 12, она живет в обычном городе и, как все, ходит в школу...
А еще – составляет заклинания, сражается со злыми силами и летает на ухвате!
Она современная девчонка и наследница древних магических сил...
Но сможет ли она с ними справиться?

Илона Волынская,
Кирилл Кащеев

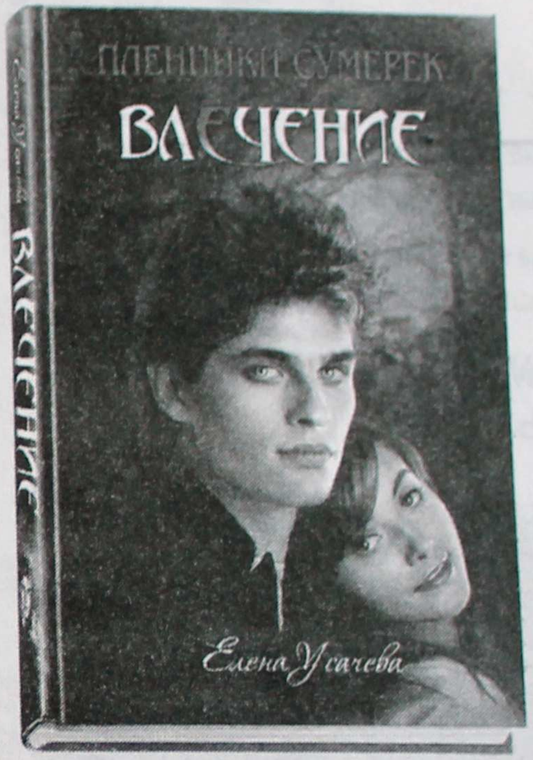
Фан-клуб колдовства

www.eksmo.ru

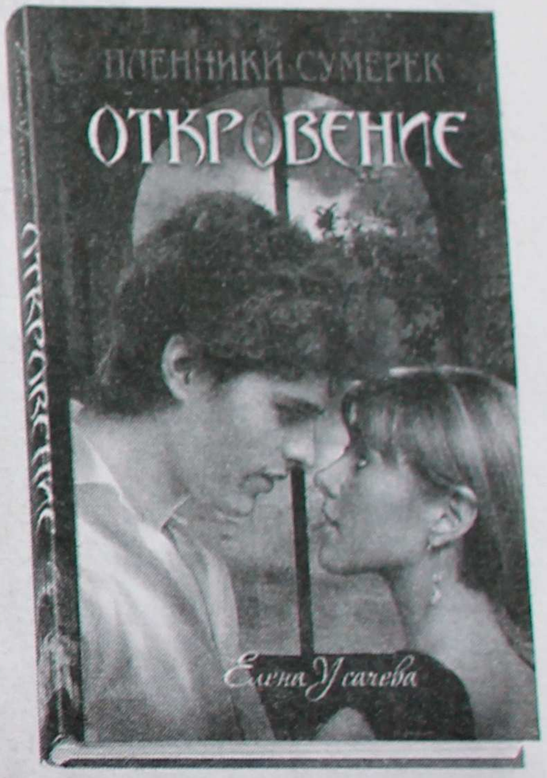
Елена Усачева

Вампирская сага

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК



Никогда не влюбляйся, и ты всегда будешь неуязвим – правило каждого вампира. Живи тихо, не привлекая к себе внимания, – правило Маши и всех Смотрителей.



Как это мудро и просто – жить без слабостей, привязанностей, любви... Пока однажды не узнаешь, что без любимого человека даже вечность теряет смысл, что страсть наделяет силой, а любовь – всегда ОТКРОВЕНИЕ.

СКОРО...

Для поклонников Вампирской саги…

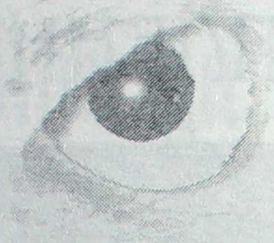
Новые книги серии: **«Желание»** и **«Превращение»**!

www.eksmo.ru

больше вечности, сильнее любви...

Пленники сумерек

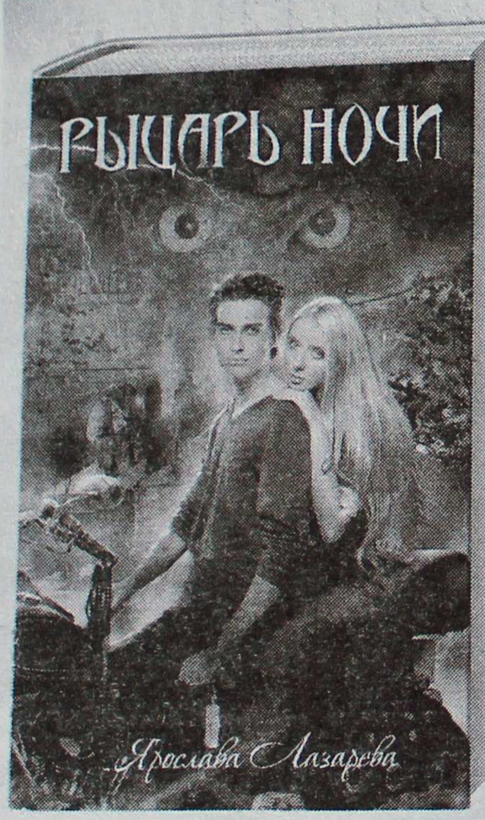
Ярослава Лазарева

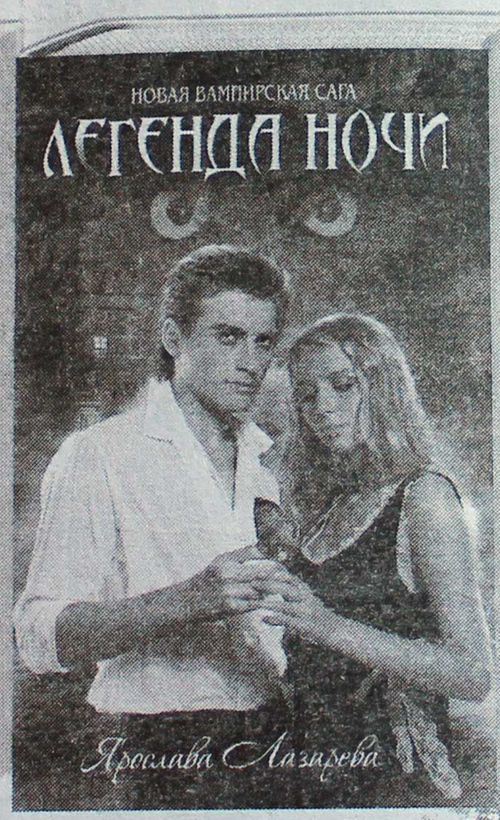


www.eksmo.ru

Его взгляд обещает страсть, но любовь к нему несет гибель.
Он должен внушать ей ужас, но вызывает нежность.
Однажды встретив, она больше никогда его не забудет. И разобьет ему сердце,
которое уже почти не помнит, что значит страдать.

Потому что ОН вампир, дитя тьмы.
Рыцарь ночи.





Скоро...

Поцелуй ночи
Сердце ночи